

КЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЮ СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ.

20 НОЯБРЯ 1864—1889.

нояб

ЖУРНАЛЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

Изданіе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1889

КНИГА ДЕВЯТАЯ

НОЯБРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

1889

20 НОЯБРЯ 1864—1889.

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) **ВОЕННО-СУДЕБНЫЙ УСТАВЪ.** Раздѣлы II, III и IV 1884 и 1885 г. Цѣна **40** к. съ пересылкою **60** к.

2) **УСТАВЪ ДУХОВНЫХЪ КОНСИСТОРІИ,** 1884 г. Цѣна **40** к.

3) **УСТАВЪ ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ.** Цѣна **25** к.

4) **ПРАВИЛА О РАЗДРОБИТЕЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ КРѢПКИХЪ НАПИТКОВЪ.** Цѣна **25** к.

5) **С. И. ЗАРУДНЫЙ И СУДЕБНАЯ РЕФОРМА.** Историко-біографическій эскизъ. Гр. Джаншіева. Ц. **1** р.

6) **О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ, НАКАЗУЕМЫХЪ ТОЛЬКО ПО ЖАЛОВЪ ПОТЕРПѢВШАГО, ПО РУССКОМУ ПРАВУ.** Соч. А. Фонъ-Резона. Цѣна **1** р.

7) **РУКОВОДСТВО КЪ УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ.** Соч. Ю. Глазера. Переводъ А. Лихачева. Выпускъ I. Цѣна **1** р. **25** к. Выпускъ II. Цѣна **75** к. Выпускъ III. Цѣна **75** к. Цѣна за всѣ три выпуска, составляющіе большой томъ въ 41 печатный листъ **2** р. **50** к. Для гг. студентовъ, а равно и для подписчиковъ журнала Гражданскаго и Уголовнаго права **2** р.

8) **РѢШЕНІЯ СЕНАТА:** гражданскаго и уголовного кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія за 1887 годъ. Цѣна **4** р. **50** к.

Цѣны обозначены съ пересылкою. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 25%; при покупкѣ же на 100 руб. 40%.

См. на слѣд. стр.

ЖУРНАЛЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

Издание С.-Петербургскаго Юридическаго Общества

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1889

КНИГА ДЕВЯТАЯ

НОЯБРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1889

Rec. May 13, 1905

КЪ ДВАДЦАТИЛѢТНЮ СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ.

20 ноября 1864—1889 гг.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИГИ.

- I. Узакононенія и распоряженія правительства СХІІІ-СХХХІІІ.
- II. Личный составъ 1 — 3.
- III. Положеніе судовъ и судей за двадцать пять лѣтъ. 1 — 38.
- IV. Судъ присяжныхъ за двадцать пять лѣтъ *Z.* . . 1 — 24.
- V. Слѣдственная часть за двадцать пять лѣтъ *И. Щемитова* 1 — 36.
- VI. Прокуратура за двадцать пять лѣтъ *Н. Семиванова*. 1 — 20.
- VII. Адвокатура за двадцать пять лѣтъ *Г. Сміозберга*. 1 — 36.
- VIII. Нашъ уголовный процессъ за послѣднее двадцатипятилѣтіе *Вл. Сл.* 1 — 52.
- IX. Обзоръ законодательной дѣятельности въ области гражданского судопроизводства за двадцать пять лѣтъ *А. Гольмстена* 1 — 22.
- X. Объявленія I—XVIII.

Приложенія.

- XI. Уголовное уложеніе. Проектъ редакціонной комисіи и замѣчанія редакціоннаго комитета с.-петербургскаго юридическаго общества. (Часть особенная. Преступленія имущественныя) Окончаніе. 145—205.

Касс. рѣш. сданы на почту 8 октября гражд.кас. деп. 24—25 листы и 19 ноября—26 и алфавитъ за 1888 годъ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

1) Декабрьская книга журнала выйдетъ, по обычаю, въ первыхъ числахъ декабря.

2) Законъ 12 Іюня 1889 года о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и судебной части въ Имперіи, будетъ отпечатанъ въ приложеніи къ декабрьской книгѣ. Что же касается закона 9 Іюля 1889 года о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, то по крайней обширности его, помѣщеніе этого закона въ журналъ представляется невозможнымъ.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(съ 15-е сентября по 1-е ноября)

ОТДѢЛЪ I.

А) Высочайшія повелѣнія.

93) *Объ усиленіи наказанія военнослужащимъ за похищеніе казеннаго оружія, патроновъ и пороха.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу соединеннаго собранія главныхъ военнаго и военно-морскаго судовъ объ усиленіи наказанія военнослужащимъ за похищеніе казеннаго оружія, патроновъ и пороха, въ 15 день апрѣля 1889 г., Высочайше повелѣть соизволилъ:

Въ видѣ временной мѣры, для военныхъ округовъ кавказскаго съ Закаспійскою областью, туркестанскаго, омскаго, иркутскаго и приамурскаго, въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей воинскаго устава о наказ., постановить:

1) Виновные въ кражѣ казеннаго оружія, патроновъ и пороха, предусмотрѣнной 169—172 ст. уст. о наказ., налаг. миров. суд., подвергаются: въ случаяхъ, опредѣленныхъ въ 1656 ст. улож. о наказ. угол. и исправ., наказаніямъ на основаніи сей статьи уложенія, но съ обязательнымъ назначеніемъ ихъ въ высшей мѣрѣ, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ—потерѣ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ дисциплинарные баталіоны или роты на время отъ одного года до трехъ лѣтъ, причѣмъ смягченіе этого послѣдняго наказанія, при обстоятельствахъ, указанныхъ въ 172 ст. устава о наказ., налаг. миров. суд., производится на основаніи

ж. гр. и уг. пр. кн. IX 1889 г.

общихъ правилъ, постановленныхъ въ ст. 114—128 улож. о нак. угол. и испр. и 73—75 воинск. уст. о наказ.

2) Виновные въ кражѣ, растратѣ и сбытѣ казеннаго оружія, патроновъ и пороха подвергаются: а) за кражи, при обстоятельствахъ, предусмотрѣнныхъ ст. 1645—1649, 1651—1654, 1655 и 1659—1661 улож. о наказ., а равно за сбытъ завѣдомо краденаго, при обстоятельствахъ, предусмотрѣнныхъ 1701 ст. улож.,—наказаніямъ на основаніи этихъ же статей уложенія, но съ обязательнымъ назначеніемъ ихъ въ высшей мѣрѣ, а въ подлежащихъ случаяхъ—и съ возвышеніемъ ихъ, по усмотрѣнію суда, на одну или на двѣ степени, и б) за похищеніе и растрату, при обстоятельствахъ, предусмотрѣнныхъ 160 и 232 ст. воинск. уст. о нак.,—наказаніямъ на основаніи этихъ же статей, но съ обязательнымъ назначеніемъ строжайшихъ наказаній и въ высшей ихъ мѣрѣ;

и 3) Изложенныя въ ст. 168 и 232 (ч. 1 и 2) воинск. уст. о наказ., а также въ ст. 171 (п. 1) уст. о наказ., налаг. миров. суд., и 1663 (п. 1) улож. о наказ., правила о смягченіи наказанія, въ случаѣ добровольнаго возвращенія похищеннаго или растраченнаго, примѣняются къ виновнымъ въ означенныхъ преступленіяхъ военнослужащимъ лишь при возвращеніи ими самаго похищеннаго оружія, патроновъ и пороха, а не стоимости ихъ, причемъ наказаніе нижнимъ чинамъ, подлежащимъ, согласно 1 п. настоящихъ правилъ, отдачѣ въ дисциплинарные баталіоны или роты, въ случаѣ, указанномъ въ 171 ст. уст. о наказ., налаг. миров. суд., можетъ быть уменьшено одною или двумя степенями (№ 79. Ст. 687).

68) *О заключеніи 28 марта (9 апрѣля) 1889 года російскимъ правительствомъ съ Швеціею и Норвегіею конвенціи о наслѣдствахъ* (№ 80. Ст. 689).

Управляющій министерствомъ юстиціи, 10 іюля 1889 г., предложилъ правительствующему сенату, для надлежащаго опубликованія, заключенную 28 марта (9 апрѣля) 1889 года російскимъ правительствомъ съ Швеціею и Норвегіею конвенцію о наслѣдствахъ, удостоенную въ 9 день мая 1889 года Высочайшей Его Императорскаго Величества ратификаціи.

КОНВЕНЦІЯ О НАСЛѢДСТВАХЪ,

**ЗАКЛЮЧЕННАЯ МЕЖДУ РОССІЕЮ И ШВЕЦІЕЮ И НОРВЕГІЕЮ 28 МАРТА
(9 АПРѢЛЯ) 1889 ГОДА.**

Ст а т ь я 1.

Въ случаѣ смерти русскаго подданнаго въ Швеціи или Норвегій, или шведскаго или норвежскаго подданнаго въ Россіи, подлежащія по мѣсту смерти власти обязаны принять относительно движимаго и недвижимаго имущества умершаго тѣ же мѣры охраненія, какія, по законамъ страны, должны быть принимаемы относительно наслѣдствъ послѣ мѣстныхъ подданныхъ, но съ соблюденіемъ постановленій, изложенныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Ст а т ь я 2.

Если смерть послѣдуетъ въ такой мѣстности, гдѣ имѣетъ пребываніе генеральный консулъ, консулъ или вице-консулъ той націи, къ которой принадлежалъ умершій, то мѣстные власти должны немедленно извѣстить о томъ консульскую власть для совмѣстнаго опечатанія всѣхъ вещей, движимости и бумагъ умершаго.

Консулъ долженъ, равнымъ образомъ, извѣстить мѣстные власти, если онъ первый получитъ извѣстіе о послѣдовавшей смерти его соотечественника.

Если признано будетъ нужнымъ немедленно приступить къ опечатанію, но сего, по какой либо причинѣ, нельзя произвести совмѣстно тою и другою властью, то мѣстная власть имѣетъ право приложить свои печати предварительно безъ участія консульской власти, и наоборотъ, но подъ условіемъ извѣщенія о томъ отсутствовавшей власти, которая затѣмъ можетъ приложить и свои печати.

Генеральный консулъ, консулъ, или вице-консулъ можетъ приступить къ опечатанію или самъ лично, или чрезъ посредство избраннаго имъ для сего повѣреннаго. Въ семъ послѣднемъ случаѣ повѣренный долженъ быть снабженъ о своемъ официальном значеніи письменнымъ удостовѣреніемъ отъ консульства и за консульскою печатью.

Приложенныя печати не могутъ быть сняты безъ участія какъ мѣстной, такъ и консульской власти или повѣреннаго отъ сей послѣдней.

Такимъ же образомъ будетъ поступаемо при составленіи описи

всему движимому и недвижимому имуществу, вещамъ и капиталамъ умершаго.

Если по извѣщенію, посланному отъ мѣстной власти къ консульской или, наоборотъ, отъ консульской власти къ мѣстной, съ приглашеніемъ участвовать въ снятіи отдѣльныхъ или совмѣстныхъ печатей и въ составленіи описи, приглашенная власть не придетъ на мѣсто въ 48-ми часовой срокъ со времени получения извѣщенія, то другая власть можетъ и одна приступить къ означеннымъ дѣйствіямъ.

Однако, въ случаѣ смерти русскаго подданнаго въ Швеціи, мѣстная консульская власть, которую должна немедленно извѣстить о томъ мѣстная власть, можетъ, безъ участія сей послѣдней, приступить, либо лично, либо чрезъ посредство надлежаще уполномоченнаго повѣреннаго, къ наложенію, буде нужно, печатей, а также къ составленію описи и внесенію ея въ протоколъ.

Статья 3.

Подлежащія власти обязаны дѣлать предписанныя законами страны публикаціи объ открытіи наслѣдства и о вызовѣ наслѣдниковъ или кредиторовъ, независимо отъ публикацій, которыя могутъ быть, равнымъ образомъ, дѣлаемы и консульскою властью.

Въ случаѣ смерти русскаго подданнаго въ Швеціи, консульская власть должна, въ случаѣ надобности, сдѣлать безотлагательно троекратную о томъ публикацію въ газетахъ, извѣщая кредиторовъ умершаго, что они должны предъявить свои долговые документы до истеченія назначеннаго въ статьѣ 5 срока.

Статья 4.

По учиненіи, согласно постановленіямъ статьи 2, описи, мѣстная власть обязана передать консульской власти, по письменному ея требованію и по означенной описи, все принадлежащее къ наслѣдству движимое имущество, документы, цѣнности, долговые документы, бумаги, равно какъ и духовное завѣщаніе, если такое имѣется.

Въ случаѣ же если это духовное завѣщаніе заключаетъ въ себѣ распоряженія, коими движимое или недвижимое имущество, оставшееся послѣ умершаго въ странѣ, гдѣ открылось наслѣдство, отказано одному или нѣсколькимъ подданнымъ того государства, въ коемъ послѣдовала смерть, то духовное завѣщаніе передается кон-

сульской власти лишь по приведеніи въ исполненіе завѣщательныхъ распоряженій по таковымъ отказамъ.

Консульская власть можетъ сдѣлать распоряженіе о продажѣ съ публичнаго торга всѣхъ принадлежащихъ къ наслѣдству и подверженныхъ скорой порчѣ движимыхъ вещей и такихъ, сохраненіе коихъ въ натурѣ было бы сопряжено съ обременительными для наслѣдства расходами. Она обязана, однако, обращаться въ этомъ случаѣ къ мѣстной власти для совершенія продажи въ порядкѣ, предписанномъ законами страны.

Если послѣ русскаго подданнаго останется движимое имущество въ Швеціи, то консульская власть можетъ, въ интересахъ наслѣдниковъ, взять оное въ свое завѣдываніе; но если движимое или недвижимое имущество, оставшееся послѣ умершаго въ Швеціи лица, отказано по духовному завѣщанію шведскому подданному, то консульская власть обязана передать духовное завѣщаніе, а также отказанное имущество подлежащей шведской власти или тому лицу, которому сія послѣдняя поручить принять таковое.

Ст а т ь я 5.

Консульская власть обязана хранить, какъ депозитъ, подчиненный дѣйствию законовъ страны, внесенныя въ опись вещи и цѣнности, взысканныя по долговымъ актамъ суммы и поступившіе доходы, а равно деньги, вырученныя отъ продажи движимаго имущества, буде таковая послѣдовала, до истеченія шестимѣсячнаго срока со дня послѣдней публикаціи, сдѣланной мѣстной властью объ открытіи наслѣдства, или восьмимѣсячнаго срока со дня смерти, если мѣстной властью публикаціи не было сдѣлано.

Консульской власти предоставляется, однако, безотлагательно обратить на счетъ наслѣдственнаго имущества покрытіе расходовъ по предсмертной болѣзни и на похороны умершаго, на жалованье прислугѣ и на уплату квартирныхъ, судебныхъ, консульскихъ и другихъ того же рода издержекъ, а также и содержаніе семейства умершаго, если это требуется.

Ст а т ь я 6.

Консулъ имѣетъ право, подъ условіемъ соблюденія постановленій предыдущей статьи, принимать, относительно движимаго и недвижимаго имущества умершаго, всѣ мѣры охраненія, какія онъ сочтетъ полезными въ интересахъ наслѣдниковъ. Онъ можетъ завѣдывать наслѣдствомъ лично или чрезъ избранныхъ имъ и дѣй-

ствующихъ отъ его имени повѣренныхъ и имѣть право требовать передачи ему всякихъ цѣнностей, принадлежавшихъ умершему и находящихся на храненіи какъ въ публичныхъ кассахъ, такъ и у частныхъ лицъ, сообразуясь при этомъ съ законами страны.

Фабрики, заводы и другія торговныя заведенія управляются, а случаѣ надобности—и ликвидируются при участіи консульской власти, согласно съ законами страны, гдѣ таковыя заведенія находятся.

Статья 7.

Если до истеченія помянутыхъ въ статьѣ 5 сроковъ, возникнетъ какой либо споръ по требованіямъ къ движимой части наслѣдства, то разрѣшеніе таковыхъ споровъ, если только они не основаны на правѣ наслѣдства по закону или по завѣщанію, принадлежитъ исключительно судебнымъ установленіямъ страны.

Въ случаѣ недостаточности наслѣдственного имущества для полной уплаты долговъ, всѣ принадлежащія къ такому наслѣдству документы, вещи или цѣнности должны, по требованію кредиторовъ, быть переданы подлежащей мѣстной власти, которая приступаетъ къ реализаціи наслѣдства и къ распредѣленію его между кредиторами, или—въ Швеціи—лицамъ, назначеннымъ для этой цѣли подлежащею мѣстной властью.

Само собою разумѣется, что кредиторы, относительно остальной невыплаченной имъ части долга, сохраняютъ за собою право взысканія съ наслѣдственного имущества покойнаго, оставшагося въ его отечественной странѣ; согласно съ законами сей послѣдней.

Статья 8.

По истеченіи сроковъ, установленныхъ въ статьѣ 5, если не будетъ заявлено никакой претензіи, консульская власть, уплативъ въ установленныхъ мѣстными законами размѣрахъ всѣ числящіяся на наслѣдствѣ издержки и счета, получаетъ окончательно въ свое завѣдываніе движимую часть наслѣдства, которую ликвидируетъ и передаетъ своему правительству, отдавая въ томъ отчетъ только сему послѣднему.

Движимое имущество, оставшееся послѣ русскаго подданнаго въ Швеціи или Норвегіи и, наоборотъ, движимое имущество, оставшееся послѣ шведскаго или норвежскаго подданнаго въ Россіи, переданное въ распоряженіе подлежащей консульской власти, не подлежитъ въ обоюдныхъ странахъ обложенію иными или болѣе

значительными пошлинами съ наслѣдства или за безмездный переходъ имущества, тѣмъ тѣ, какія взыскиваются съ мѣстныхъ подданныхъ.

Статья 9.

Во всѣхъ дѣлахъ по открытію, завѣдыванію и ликвидаціи наслѣдствъ, остающихся въ одномъ изъ договаривающихся государствъ послѣ подданныхъ другого, генеральные консулы, консулы и вице-консулы той и другой державы являются, въ силу своего званія, представителями наслѣдниковъ и официально признаются за повѣренныхъ этихъ наслѣдниковъ, не будучи обязаны удостоверить свое полномочіе особымъ актомъ.

Поэтому они могутъ или лично, или чрезъ повѣренныхъ, избранныхъ ими изъ лицъ, имѣющихъ на то, по законамъ страны, право являться предъ подлежащими властями, по всякому относящемуся до открывшагося наслѣдства дѣлу, для защиты интересовъ наслѣдниковъ, отыскивая ихъ права или отвѣчая по простираемымъ къ нимъ искамъ.

Само собою разумѣется, однако, что генеральные консулы, консулы и вице-консулы, признаваемые за повѣренныхъ своихъ соотечественниковъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть привлекаемы лично, въ качествѣ стороны, къ дѣлу, касающемуся наслѣдства.

Статья 10.

Порядокъ наслѣдованія въ недвижимыхъ имуществахъ опредѣляется по законамъ страны, въ которой находятся эти имущества, и всѣ иски или споры, относящіеся къ наслѣдственнымъ недвижимымъ имуществомъ, подлежатъ разбирательству исключительно судебныхъ установленій той же страны.

Иски, относящіеся до раздѣла движимаго наслѣдственного имущества, а равно до правъ наслѣдства на движимость, оставшуюся въ одномъ изъ договаривающихся государствъ послѣ подданныхъ другого, разбираются судебными установленіями или подлежащими властями того государства, къ которому принадлежалъ умершій, и по законамъ этого государства, развѣ бы подданный той страны, въ которой наслѣдство открылось, предъявилъ свои права на наслѣдство.

Въ семъ послѣднемъ случаѣ и если искъ предъявленъ до истеченія установленныхъ статьею 5 сроковъ, разсмотрѣніе этого

иска предоставляется судебнымъ установленіямъ или подлежащимъ властямъ той страны, гдѣ наслѣдство открылось, которыя и постановляютъ, по законамъ своей страны, рѣшеніе объ основательности требованій истца и, если потребуется, о причитающейся ему доль наслѣдства.

По выдѣлѣ истцу причитающейся ему доли, оставшая часть наслѣдства передается консульской власти, которая и поступаетъ съ ней, въ отношеніи прочихъ наслѣдниковъ, согласно постановленіямъ статьи 8.

Статья 11.

Если наслѣдство послѣ умершаго находится въ такой мѣстности, гдѣ нѣтъ консульской власти его націи, то подлежащая мѣстная власть приступаетъ, за исключеніемъ помянутого въ послѣднемъ пунктѣ случая, по законамъ страны, къ опечатанію и описи наслѣдства. Засвидѣтельствованныя копии этихъ актовъ, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о смерти и національнымъ паспортомъ умершаго, передаются, въ кратчайшій срокъ, ближайшей отъ мѣста открытія наслѣдства консульской власти, или же сообщаются, чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, дипломатическому агенту той націи, въ которой принадлежалъ умершій.

Подлежащая мѣстная власть принимаетъ, относительно оставшаго послѣ умершаго имущества, всѣ предписанныя законами страны мѣры, и передаетъ, въ случаѣ надобности, наслѣдственное имущество, въ возможной скорости, помянутыхъ дипломатическимъ или консульскимъ агентамъ, согласно постановленіямъ статьи 5.

Само собою разумѣется, что коль скоро миссіею націи умершаго или ближайшею консульскою властью будетъ прислано на мѣсто уполномоченное лицо, то охраняющая наслѣдство мѣстная власть обязана сообразоваться съ правилами, установленными предъидущими статьями.

Если русскій подданный умретъ въ Швеціи въ такой мѣстности, гдѣ нѣтъ консульской власти его націи, то мѣстная власть обязана немедленно увѣдомить о томъ ближайшую русскую консульскую власть, дабы можно было приступить къ дѣйствіямъ, упомянутымъ въ статьѣ 2.

Статья 12.

Постановленія настоящей конвенціи равнымъ образомъ примѣняются къ наслѣдству послѣ подданнаго одного изъ договариваю-

щихся государствъ, умершаго внѣ предѣловъ другаго государства, но оставившаго въ семъ послѣднемъ движимое или недвижимое имущество.

Статья 13.

Жалованье и пожитки, принадлежавшіе матросамъ или пассажирамъ одного изъ договаривающихся государствъ, умершимъ на кораблѣ или на берегу въ предѣлахъ другаго государства, передаются безъ всякихъ формальностей консульской власти ихъ націи, за уплатой долговъ, сдѣланныхъ ими за время ихъ пребыванія въ странѣ.

Статья 14.

Подданные высокихъ договаривающихся сторонъ могутъ располагать по завѣщанію или путемъ отказа, даренія и инымъ способомъ, всѣмъ имуществомъ, коимъ они владѣютъ въ предѣлахъ договаривающихся государствъ.

Они будутъ имѣть право пріобрѣтать такимъ же порядкомъ, какъ и мѣстные подданные, имущества, находящіяся въ другой странѣ, и переходящія къ нимъ путемъ дара, отказа, завѣщанія или даже по законному наслѣдованію, причемъ эти наслѣдники и получившіе выдѣлъ или даръ не обязаны платить съ наслѣдства или за безмездный переходъ къ нимъ имущества иныхъ или болѣе значительныхъ пошлинъ, чѣмъ тѣ, какія въ подобныхъ случаяхъ взимаются съ мѣстныхъ подданныхъ.

Статья 15.

Въ случаѣ если наслѣдство, состоящее въ части или въ цѣломъ изъ недвижимыхъ имуществъ, достанется лицамъ, не имѣющимъ права, по законамъ страны, владѣть оными, то этимъ лицамъ будетъ предоставленъ съ обѣихъ сторонъ достаточный, смотря по обстоятельствамъ, срокъ невозможно выгоднѣйшей продажи этихъ имуществъ.

Статья 16.

Настоящая конвенція будетъ оставаться въ силѣ до истеченія одного года съ того дня, въ который тою или другою изъ высокихъ договаривающихся сторонъ будетъ заявлено о прекращеніи ея дѣйствія.

Статья 17.

Настоящая конвенція будетъ ратификована и ратификаціи оной будутъ обмѣнены въ скорѣйшемъ, по возможности, времени.

Она вступить въ силу чрезъ двадцать дней по опубликованіи оной порядкомъ, предписаннымъ законами высшихъ договаривающихся сторонъ.

Въ удостовѣреніе чего обоюдные уполномоченные подписали настоящую конвенцію и приложили къ оной печати своихъ гербовъ.

39) *Объ измненіи дѣйствующихъ узаконеній относительно обезпеченія силы налагаемыхъ на вотчинниковъ ограниченій въ правѣ распоряженія недвижимыми имуществами.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

І. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній о порядкѣ наложенія и снятія запрещеній на имѣнія, постановить слѣдующія правила:

1) Съ 1 января 1890 года наложеніе общихъ запрещеній на имѣнія, гдѣ бы послѣднія ни оказались, отмѣняется. Состоявшіяся до того времени распоряженія подлежащихъ установленій о наложеніи общихъ запрещеній приводятся въ исполненіе и статьи по онымъ припечатываются на прежнемъ основаніи.

2) Съ 1 января 1893 года всѣ общія запрещенія на имѣнія, остающіяся до того времени неснятыми, утрачиваютъ свою силу.

3) Присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ, а равно частнымъ лицамъ, по требованію или въ пользу коихъ наложены общія запрещенія, предоставляется, до 1 января 1892 года, просить о замѣнѣ сихъ запрещеній частными, налагаемыми на опредѣленные имѣнія. Ходатайства эти заявляются въ тѣ установленія, отъ которыхъ послѣдовало распоряженіе о наложеніи общаго запрещенія или отъ которыхъ зависить такое распоряженіе.

4) Установленный предшешю статьею (3) срокъ не считается пропущеннымъ, если до истеченія онаго требованіе присутственнаго мѣста или должностнаго лица, или прошеніе частнаго лица о замѣнѣ общаго запрещенія частнымъ сдано, для отправленія по почтѣ, въ подлежащее установленіе.

5) Въ требованіи или просьбѣ о замѣнѣ общаго запрещенія частнымъ указывается то имѣніе, на которое должно быть переведено общее запрещеніе. Сверхъ того, при указаніи нѣсколькихъ имѣній, слѣдуетъ опредѣлить, въ какой именно части обезпечиваемой суммы отвѣтствуетъ каждое изъ имѣній.

6) Запретительная статья на опредѣленное имѣніе, замѣняющая собою общее запрещеніе, препровождается къ мѣстному, по

нахожденію имѣнія, старшему нотаріусу, съ приложеніемъ разрѣшительной статьи о снятіи общаго запрещенія. Старшій нотаріусъ, сдѣлавъ на разрѣшительной статьѣ надпись о поступленіи въ нотаріальный архивъ запретительной статьи по частному запрещенію, немедленно отсылаетъ разрѣшительную статью для напечатанія въ сенатскую типографію.

7) Въ случаѣ нахождения имѣній, на которыя переводится общее запрещеніе, въ разныхъ нотаріальныхъ округахъ, запретительныя статьи, предназначенныя замѣнить общее запрещеніе, препровождаются къ подлежащимъ старшимъ нотаріусамъ безъ приложенія разрѣшительной статьи о снятіи общаго запрещенія. О поступленіи запретительной статьи каждый изъ старшихъ нотаріусовъ немедленно извѣщаетъ приславшее оную присутственное мѣсто или должностное лицо, которое, по полученіи такого извѣщенія отъ всѣхъ подлежащихъ нотаріусовъ, препровождаетъ прямо отъ себя, для напечатанія въ сенатской типографіи, разрѣшительную статью о снятіи общаго запрещенія.

8) Наложеніе и снятіе запрещеній въ удовлетвореніе ходатайствъ взыскателей о замѣнѣ общихъ запрещеній частными производится бесплатно.

9) Припечатанію въ сенатскихъ объявленіяхъ подлежатъ лишь тѣ запретительныя и разрѣшительныя статьи по частнымъ запрещеніямъ, которыя отосланы въ сенатскую типографію до 1 января 1890 г. Запретительныя и разрѣшительныя статьи по запрещеніямъ этого рода, не отосланныя въ сенатскую типографію до 1 января 1890 г., препровождаются къ мѣстному, по нахожденію имѣнія, старшему нотаріусу, хотя бы распоряженіе о наложеніи либо разрѣшеніи частнаго запрещенія послѣдовало до означеннаго срока.

10) За наложеніе и снятіе запрещеній взимается плата, въ размѣрѣ и на основаніяхъ, указанныхъ въ статьѣ 617 устава гражданскаго судопроизводства (суд. уст. Императора Александра II, изд. 1883 г.) и въ пунктѣ 5 статьи 1057 законовъ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (свод. зак. т. X ч. 2, изд. 1876 г.).

11) Запретительныя и разрѣшительныя статьи, поступающія къ старшему нотаріусу, равно какъ статьи по запрещеніямъ, налагаемымъ и снимаемымъ самимъ старшимъ нотаріусомъ, составляютъ съ соблюденіемъ существующихъ на сей предметъ поста-

новленій (уст. гражд. суд., изд. 1883 г., ст. 618; свод. зак. т. X ч. 2 зак. суд. гражд., изд. 1876 г.; ст. 1057, 1064, 1067 (прилож.), 1073, 1076 1079 и другія) и нижеслѣдующихъ правилъ (ст. 12—16).

12) Если совершена одна закладная на нѣсколько отдѣльныхъ имѣній, съ означеніемъ, какая часть долга обеспечивается каждымъ изъ имѣній (зак. гражд., изд. 1887 г., ст. 1644), то по каждому имѣнію составляется особая запретительная статья.

13) Въ статьѣ о запрещеніи, налагаемомъ въ обезпеченіе капитальной суммы и процентовъ, должны быть указаны размѣръ процентовъ и время, съ котораго они исчисляются. При отсутствіи подобнаго указанія, запрещеніе обезпечиваетъ проценты въ узаконенномъ размѣрѣ со дня подписанія запретительной статьи старшимъ нотаріусомъ, а если она прислана, то со дня полученія ея въ нотаріальномъ архивѣ.

14) Запретительныя и разрѣшительныя статьи отсылаются къ старшему нотаріусу въ двухъ экземплярахъ. Если имѣніе лежитъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ, то запретительныя и разрѣшительныя статьи отсылаются подлежащимъ старшимъ нотаріусамъ въ двухъ экземплярахъ на каждый уѣздъ.

15) Старшій нотаріусъ возвращаетъ запретительную статью для исправленія въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если въ статьѣ не означено: а) чина или званія, имени, отчества и фамиліи собственника, на имѣніе коего налагается запрещеніе; б) подлежащаго запрещенію имѣнія; в) требованія, въ обезпеченіе коего налагается запрещеніе, и г) суммы требованія, если обезпечивается денежное требованіе, и 2) если сумма требованія означена не прописью, а цифрами.

16) При снятіи запрещенія, по каждой запретительной статьѣ составляется особая разрѣшительная статья. Въ разрѣшительной статьѣ означаются: чинъ или званіе, имя, отчество и фамилія собственника освобождаемаго отъ запрещенія имѣнія, а также годъ и номеръ разрѣшаемой запретительной статьи, если послѣдняя припечатана въ сенатскихъ объявленіяхъ, или номеръ и годъ по подлежащему сборнику запретительныхъ статей, если запрещеніе наложено послѣ 1 января 1890 года. Разрѣшительная статья, не удовлетворяющая указаннымъ требованіямъ, немедленно возвращается старшимъ нотаріусомъ, для исправленія.

Примѣчаніе. Разрѣшительныя статьи излагаются по слѣдующему образцу: „Отъ с.-петербургскаго окружнаго суда 5 апрѣля

1891 г., № 117. Старшему нотариусу означеннаго суда. Запрещеніе, наложенное на принадлежащее отставному поручику Ивану Петрову Семенову имѣніе и внесенное въ сборникъ запретительныхъ статей по Гдовскому уѣзду 1888 г. подъ № 311, по опредѣленію с.-петербургскаго окружнаго суда, отъ 3 апрѣля сего года, уничтожено. (Подпись члена суда и скрѣпа секретаря. М. П.)“.

17) Поступающія къ старшему нотариусу запретительныя и разрѣшительныя статьи, равно какъ статьи по налагаемымъ и снимаемымъ имъ самимъ запрещеніямъ, распредѣляются по городамъ и уѣздамъ, входящимъ въ нотаріальный округъ, и образуютъ по каждому городу и уѣзду особые, за каждый годъ, мѣстные сборники запретительныхъ и разрѣшительныхъ статей.

18) Всѣ статьи, входящія въ одинъ и тотъ же сборникъ, снабжаются текущими нумерами по порядку внесенія ихъ въ сборникъ, за каждый годъ особо. Каждый сборникъ, по истеченіи года, переплетается въ особый томъ.

19) По каждому сборнику запретительныхъ и разрѣшительныхъ статей (ст. 17) старшій нотариусъ ведетъ общій за всѣ года алфавитъ фамиліямъ собственниковъ имѣній. Въ алфавитѣ, противъ фамилій собственниковъ, отмѣчаются нумера запретительныхъ и разрѣшительныхъ статей по подлежащимъ сборникамъ, съ указаніемъ года, къ которому статья относится.

20) Въ случаѣ снятія запрещенія, по которому запретительная статья внесена въ мѣстный сборникъ запретительныхъ статей, старшій нотариусъ дѣлаетъ на ней, за своею подписью, отмѣтку о разрѣшеніи, съ указаніемъ года и нумера статьи по сборнику разрѣшительныхъ статей. Объ учиненіи отмѣтки старшій нотариусъ означаетъ на разрѣшительной статьѣ.

21) Въ случаѣ снятія частнаго запрещенія, припечатаннаго въ сенатскихъ объявленіяхъ, старшій нотариусъ, если мѣстные запретительныя книги имъ еще не получены (ст. 38), вноситъ фамилію собственника имѣнія въ особый временный алфавитный указатель, съ означеніемъ года и нумера какъ разрѣшительной, такъ и разрѣшенной статьи, а по полученіи упомянутыхъ книгъ—дѣлаетъ въ подлежащей книгѣ, на соотвѣтствующей запретительной статьѣ, отмѣтку о разрѣшеніи. Объ учиненіи отмѣтки старшій нотариусъ означаетъ на разрѣшительной статьѣ. По запрещеніямъ, снятымъ до указаннаго въ статьѣ 28 срока, старшій нотариусъ, одновре-

менно съ указанными отмѣтками, отсылаетъ копію разрѣшительной статьи въ сенатскую типографію.

22) О времени полученія запретительныхъ и разрѣшительныхъ статей, съ означеніемъ подъ какимъ номеромъ и въ какомъ году каждая статья внесена въ подлежащій сборникъ, старшій нотаріусъ немедленно сообщаетъ установленіямъ, отъ которыхъ статьи доставлены. О времени подписанія запретительныхъ и разрѣшительныхъ статей и о номерахъ статей по сборникамъ старшій нотаріусъ сообщаетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда запрещенія налагаются или снимаются имъ самимъ, по требованію присутственныхъ мѣстъ или должностныхъ лицъ.

23) На выдаваемыхъ старшимъ нотаріусомъ актахъ, а также на выписяхъ сихъ актовъ, если по акту наложено запрещеніе, отмѣчаются годъ и номеръ относящейся къ акту запретительной статьи по мѣстному сборнику.

24) Вторые экземпляры запретительныхъ и разрѣшительныхъ статей, какъ поступившихъ въ нотаріальный архивъ, такъ и по наложеннымъ и снятымъ самимъ старшимъ нотаріусомъ запрещеніямъ, отсылаются на храненіе въ учрежденія, указанныя для сего министромъ юстиціи. При этомъ старшій нотаріусъ отмѣчаетъ на каждой статьѣ номеръ, подъ которымъ она внесена въ подлежащій сборникъ запретительныхъ или разрѣшительныхъ статей.

25) Запретительныя статьи по всѣмъ вновь налагаемымъ запрещеніямъ, если онѣ относятся къ внесенному въ реестръ крѣпостныхъ дѣлъ имѣнію и къ значащемуся въ ономъ собственнику или его наслѣдодателю, отмѣчаются въ означенномъ реестрѣ, съ указаніемъ подлежащаго сборника запретительныхъ статей и номеровъ, подъ которыми означенныя статьи записаны въ томъ сборникѣ. Разрѣшительныя статьи по внесеннымъ въ реестръ крѣпостныхъ дѣлъ запрещеніямъ также отмѣчаются въ реестрѣ.

26) Всѣ запретительныя и разрѣшительныя статьи, какъ поступающія къ старшему нотаріусу, такъ и составляемыя имъ по налагаемымъ и снимаемымъ имъ самимъ запрещеніямъ, вносятся въ особый реестръ, составляемый по формѣ, утвержденной министромъ юстиціи.

27) Правила, изложенныя въ статьяхъ 1—26, примѣняются въ мѣстностяхъ, въ коихъ не введено въ дѣйствіе положеніе о нотаріальной части, съ слѣдующими изыятіями: 1) возложенныя сими правилами на старшихъ нотаріусовъ обязанности по наложенію и

снятію запрещеній исполняются подлежащими установленіями крѣпостныхъ дѣлъ, и 2) когда имѣніе, на которое налагается или съ котораго снимается запрещеніе, находится въ губерніи или области, гдѣ крѣпостные акты могутъ быть совершаемы въ двухъ установленіяхъ крѣпостныхъ дѣлъ, смотря по суммѣ (ст. 2 и 19 прил. къ ст. 708 зак. гражд., изд. 1887 г.), запретительныя и разрѣшительныя статьи отсылаются въ оба подлежащія установленія крѣпостныхъ дѣлъ, а статьи по запрещеніямъ, налагаемымъ и снимаемымъ самими означенными установленіями, взаимно сообщаются ими однимъ другому.

28) Припечатанныя въ с.-петербургскихъ сенатскихъ объявленіяхъ запрещенія, наложенныя на опредѣленныя имѣнія и оставшіяся неснятыми къ сроку, который имѣетъ быть особо назначенъ для сего министромъ юстиціи, распределяются по городамъ и уѣздамъ, и изъ распределенныхъ такимъ образомъ статей составляется по каждому городу и уѣзду особая мѣстная запретительная книга. Означенный срокъ опредѣляется министромъ юстиціи, сообщаясь съ ходомъ работъ по составленію упомянутыхъ книгъ.

29) Для составленія мѣстныхъ запретительныхъ книгъ, при министерствѣ юстиціи учреждается особая коммисія изъ лицъ по назначенію министра юстиціи.

30) Приводя въ извѣстность разрѣшенныя запрещенія, коммисія руководствуется с.-петербургскими сенатскими объявленіями о разрѣшеніяхъ на имѣнія, а также сообщеніями старшихъ нотаріусовъ и установленій крѣпостныхъ дѣлъ о снятіи запрещеній (ст. 21).

31) Для составленія мѣстныхъ запретительныхъ книгъ, каждое неснятое запрещеніе вырѣзывается изъ сенатскихъ объявленій и наклеивается съ номеромъ и годомъ припечатанія его въ сихъ объявленіяхъ на листъ писчей бумаги, на поляхъ коего означаются годъ, мѣсяцъ, число и номеръ сообщенія, при коемъ прислана статья, и наименованіе приславшаго его установленія. Затѣмъ статьи распределяются по городамъ и уѣздамъ въ хронологическомъ порядкѣ, пронумеровываются и скрѣпляются по листамъ членами коммисіи.

32) По каждой мѣстной запретительной книгѣ коммисія составляетъ алфавитный указатель, въ которомъ означаются: 1) фамилія, имя, отчество, чинъ или званіе собственника имѣнія, состоящаго подъ запрещеніемъ; 2) годъ наложенія запрещенія, и 3) номеръ

запретительной статьи какъ по сенатскимъ объявленіямъ, такъ и по соотвѣтствующей мѣстной запретительной книгѣ.

33) Алфавиты, по отпечатаніи, рассылаются, въ потребномъ числѣ, во всѣ министерства, высшія учрежденія, судебныя мѣста прежняго устройства, судебныя палаты, окружные суды, съѣзды мировыхъ судей, нотаріальныя архивы, установленія крѣпостныхъ дѣлъ, губернскія и областныя правленія и поступаютъ для продажи частнымъ лицамъ, о чемъ публикуется въ сенатскихъ вѣдомостяхъ и въ правительственномъ вѣстникѣ. Алфавиты, поступившіе въ судебныя учрежденія, нотаріальныя и крѣпостныя установленія, губернскія и областныя правленія, представляются всѣмъ желающимъ для обозрѣнія.

34) Въ теченіи шести мѣсяцевъ со дня позднѣйшей публикаціи (ст. 33), мѣста и лица, правъ которыхъ то касается, могутъ указывать комисіи на усмотрѣнные ими въ алфавитахъ пропуски или неправильности. Заявленія по сему предмету освобождаются отъ оплаты гербовымъ сборомъ.

35) По повѣркѣ поступившихъ заявленій, комисія исправляетъ обнаруженныя ошибки какъ въ мѣстныхъ запретительныхъ книгахъ, такъ и въ алфавитахъ къ нимъ.

36) Указатели ошибокъ въ алфавитахъ печатаются въ видѣ дополненій къ алфавитамъ и рассылаются во всѣ тѣ учрежденія, которыя поименованы въ статьѣ 33. По полученіи указателя ошибокъ, каждый старшій нотаріусъ дѣлаетъ надлежащія исправленія въ имѣющихся у него алфавитахъ.

37) При исключеніи изъ мѣстныхъ запретительныхъ книгъ подлежаще внесенныхъ запретительныхъ статей, сохраняется прежняя по симъ книгамъ нумерація неразрѣшенныхъ статей. По вновь вносимымъ въ книги пропущеннымъ запретительнымъ статьямъ продолжается прежняя въ книгахъ нумерація.

38) Мѣстныя запретительныя книги, по исправленіи, рассылаются въ подлежащіе нотаріальныя архивы и установленія крѣпостныхъ дѣлъ.

39) По полученіи мѣстныхъ запретительныхъ книгъ, старшіе нотаріусы и установленія крѣпостныхъ дѣлъ немедленно сличаютъ ихъ съ временнымъ алфавитомъ разрѣшительныхъ статей (ст. 21) и дѣлаютъ въ книгахъ, согласно статьямъ 20 и 21, отмѣтки о тѣхъ разрѣшеніяхъ, которыя не были въ виду комисіи.

40) По разсылкѣ мѣстныхъ запретительныхъ книгъ, министръ юстиціи назначаетъ день вступленія сихъ книгъ въ дѣйствіе, о чемъ и предлагаетъ правительствующему сенату, для распубликованія.

41) Со времени вступленія въ дѣйствіе мѣстныхъ запретительныхъ книгъ (ст. 40), книги эти замѣняютъ сенатскія объявленія о запрещеніяхъ. Съ этого же времени невошедшія въ книги запрещенія утрачиваютъ силу.

42) Старшіе нотаріусы и установленія крѣпостныхъ дѣлъ выдаютъ всѣмъ желающимъ, какъ изъ сенатскихъ объявленій, такъ и изъ имѣющихъ замѣнить ихъ мѣстныхъ запретительныхъ книгъ и сборниковъ запретительныхъ статей, справки о лежащихъ на имѣніи запрещеніяхъ.

II. Изданіе с.-петербургскихъ сенатскихъ объявленій о запрещеніяхъ на имѣнія прекратить: содержащихъ въ себѣ статьи о наложеніи запрещеній—съ 1 января 1892 года, а содержащихъ въ себѣ статьи о разрѣшеніи сихъ запрещеній—съ 1 января 1893 года.

III. Дѣйствующій порядокъ совершенія крѣпостныхъ актовъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не введено положеніе о нотаріальной части, измѣнить на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Крѣпостные акты по недвижимымъ имуществамъ могутъ быть совершаемы лишь въ подлежащемъ установленіи крѣпостныхъ дѣлъ той губерніи или области, гдѣ имущество находится.

2) Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крѣпостные акты могутъ быть совершаемы въ двухъ установленіяхъ крѣпостныхъ дѣлъ, смотря по суммѣ (ст. 2 и 19 прил. къ ст. 708 зак. гражд., изд. 1887 г.), высшія крѣпостныя установленія совершаютъ означенные акты съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ (ст. 3—7).

3) Высшее крѣпостное установленіе совершаетъ крѣпостной актъ не иначе, какъ по сношеніи съ подлежащимъ, по мѣсту нахождения имѣнія, низшимъ крѣпостнымъ установленіемъ о неимѣніи препятствій къ совершенію акта или по представленіи самими совершающими актъ отъ названнаго установленія яснаго удостовѣренія по упомянутому предмету.

4) Сообщая о неимѣніи препятствій къ совершенію акта или выдавая по сему предмету удостовѣреніе, низшее крѣпостное установленіе отмѣчаетъ объ этомъ въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ.

5) Обѣ оказавшихся послѣ послыки увѣдомленія или выдачи удостовѣренія (ст 4) препятствіяхъ къ совершенію крѣпостнаго акта, установленіе крѣпостныхъ дѣлъ, пославшее увѣдомленіе или выдавшее удостовѣреніе, немедленно извѣщаетъ то установленіе, въ коемъ актъ совершается.

6) По совершеніи крѣпостнаго акта, засвидѣтельствованная копія онаго препровождается въ установленіе крѣпостныхъ дѣлъ, пославшее увѣдомленіе или выдавшее удостовѣреніе (ст. 4), для внесенія акта въ крѣпостныя книги и для отмѣтки о томъ въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ.

7) До представленія копіи крѣпостнаго акта или удостовѣренія обѣ отказѣ въ совершеніи акта, сдѣланная согласно статьѣ 4 настоящихъ правилъ отмѣтка не уничтожается, и до уничтоженія ея установленіе крѣпостныхъ дѣлъ не совершаетъ актовъ на то имѣніе, до котораго она относится.

8) Совершеніе раздѣльныхъ актовъ на имѣнія, лежація въ округахъ разныхъ губернскихъ или областныхъ крѣпостныхъ установленій, возлагается на одно изъ этихъ установленій, по желанію совершающихъ актъ, съ соблюденіемъ притомъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 3—7 и съ тѣмъ, чтобы актъ утверждался не прежде, какъ по полученіи вышеуказаннымъ порядкомъ отъ всѣхъ подлежащихъ, по мѣсту нахождения имущества, губернскихъ и областныхъ крѣпостныхъ установленій свѣдѣній о неимѣнніи препятствій къ совершенію акта. Въ случаѣ подвѣдомственности одного и того же имѣнія разнымъ губернскимъ либо областнымъ установленіямъ крѣпостныхъ дѣлъ, изложенныя въ статьяхъ 3—7 правила распространяются на всѣ крѣпостные акты, совершаемые по означенному имѣнію.

9) Присутственныя мѣста, при коихъ состоятъ крѣпостныя дѣла, обязаны вести, независимо отъ установленныхъ для совершенія и явки актовъ книгъ, особые реестры крѣпостныхъ дѣлъ, на основаніи инструкціи, утверждаемой министромъ юстиціи, примѣнительно къ порядку веденія сихъ реестровъ, указанному въ положеніи о нотаріальной части и изданныхъ въ дополненіе онаго постановленіяхъ и распоряженіяхъ.

10) Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крѣпостные акты могутъ быть совершаемы въ двухъ установленіяхъ крѣпостныхъ дѣлъ, смотря по суммѣ, на высшее изъ сихъ установленій возлагается передача

прочимъ установленіямъ крѣпостныхъ дѣлъ копій подлежащихъ мѣстныхъ запретительныхъ книгъ.

IV. Въ дополненіе дѣйствующихъ законовъ объ опекахъ и попечительствахъ, а также о несостоятельности, постановить:

1) Опекунское установленіе, немедленно по полученіи распоряженія объ учрежденіи опеки вслѣдствіе расточительности, безумія или сумасшествія, а также опеки или попечительства надъ глухонѣмыми или нѣмыми, публикуеть въ сенатскихъ объявленіяхъ по какому поводу и надъ кѣмъ учреждается опека или попечительство, съ указаніемъ званія или чина, имени, отчества, фамиліи или прозвища сего лица. Означенная публикація производится опекунскимъ установленіемъ и при учрежденіи опеки или попечительства надъ совершеннолѣтними по особому Высочайшему повелѣнію, съ указаніемъ въ публикаціи года и номера Собранія узаконеній и распоряженій правительства, гдѣ опубликовано это Высочайшее повелѣніе.

2) Въ теченіи трехмѣсячнаго срока со дня опубликованія настоящихъ правилъ, каждое опекунское установленіе обязано составить алфавитный списокъ лицъ, состоящихъ къ тому времени подъ указанными въ предъидущей статьѣ опекою или попечительствомъ. Списокъ долженъ содержать въ себѣ свѣдѣнія, означенныя въ статьѣ 1. Эти списки припечатываются въ сенатскихъ объявленіяхъ, въ видѣ особыхъ къ нимъ приложений.

3) Въ теченіи того же срока (ст. 2) и въ томъ же порядкѣ (ст. 2), присутственными мѣстами, вѣдающими дѣла о несостоятельности, составляются списки лицъ, дѣла о несостоятельности коихъ находятся еще въ производствѣ. Списки эти также припечатываются въ сенатскихъ объявленіяхъ, въ видѣ особыхъ къ нимъ приложений.

4) По прекращеніи указанныхъ въ статьѣ 1 опеки и попечительства, а также по окончаніи дѣла о несостоятельности, подлежащее установленіе (ст. 1—3) производитъ о семъ публикацію въ сенатскихъ объявленіяхъ, съ означеніемъ номера, въ которомъ припечатано первоначальное объявленіе (ст. 1—3 настоящихъ правилъ; ст. 506 уст. суд. торг., изд. 1887 г.; п. 8 прилож. VI къ ст. 1400 уст. гражд. суд.). Въ публикаціи объ окончаніи дѣла о несостоятельности показывается, сверхъ того, свойство несостоятельности; въ случаѣ прекращенія такого дѣла по мировой сдѣлкѣ

(ст. 638 уст. суд. торг., свод. зак. изд. 1887 г.), о семъ означается въ публикаціи.

5) Публикаціи, установленныя статьями 1—4, производятся бесплатно.

6) Старшіе нотаріусы и установленія крѣпостныхъ дѣлъ прежняго устройства, а также всѣ нотаріусы, обязаны вести алфавитный указатель лицамъ, которыя объявлены несостоятельными или надъ которыми учреждены указанныя въ статьѣ 1 опеки и попечительства, руководствуясь при этомъ означенными въ статьяхъ 1 и 4 публикаціями. Въ этотъ указатель вносятся: 1) званіе или чинъ, имя, отчество, фамилія или прозвище неправопоспособнаго лица; 2) поводъ ограниченія правоспособности; 3) наименованіе установленія, коимъ произведена публикація; 4) годъ и номеръ сенатскихъ объявленій, гдѣ помѣщена публикація (ст. 1—3 настоящихъ правилъ; ст. 506 уст. суд. торг., изд. 1887 г.; п. 8 прил. VI къ ст. 1400 уст. гражд. суд.), а также годъ и номеръ Собранія узаконеній и распоряженій правительства, гдѣ распубликовано Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи опеки или попечительства надъ совершеннолѣтнимъ, и 5) годъ и номеръ сенатскихъ объявленій, гдѣ припечатана публикація о прекращеніи опеки или попечительства или объ окончаніи дѣла о несостоятельности (ст. 4), съ указаніемъ свойства несостоятельности.

7) Нотаріусъ, до вступленія въ отправленіе должности, обязанъ заготовить установленный статьею 6 указатель за прежнее время. Нотаріусъ можетъ получить изъ нотаріальнаго архива указатель своего предшественника, но долженъ свѣрить оный съ указателемъ нотаріальнаго архива.

8) Означенные въ статьѣ 6 указатели предъявляются желающимъ для обозрѣнія, и изъ оныхъ выдаются справки всѣмъ желающимъ.

9) Порядокъ припечатанія публикацій (ст. 1—4) и форма указателя (ст. 6) устанавливаются министромъ юстиціи.

V. Правила, изложенныя въ отдѣлѣ III настоящаго узаконенія, привести въ дѣйствіе съ 1 января 1890 года. (№ 82. Ст. 692).

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 26 іюня Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

30) *Объ утвержденіи новаго изданія военно-морскаго дисциплинарнаго устава* (№ 104. Ст. 874).

31) *Объ упраздненіи военно-судной комисіи, состоявшей при управленіи бывшаго сыръ-дарьинскаго губернскаго воинскаго начальника (№ 110. Ст. 943).*

32) *Объ измѣненіи нѣкоторыхъ §§ устава общества металлическихъ заводовъ Б. Гантке въ Варшавѣ (№ 111. Ст. 948).*

33) *Объ упраздненіи въ омскомъ военномъ округѣ должности оберъ-аудитора въ окружномъ штабѣ (№ 112. Ст. 954).*

34) *О продленіи полномочія настоящаго состава участковыхъ мировыхъ судей по звенигородскому судебному-мировому округу.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, въ 11 день октября 1889 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: не производя новыхъ выборовъ въ должности участковыхъ мировыхъ судей по звенигородскому судебному-мировому округу, продлить полномочія настоящаго состава означенныхъ судей до 1 января 1890 года (№ 118. Ст. 978).

35) *О приостановленіи временно во всѣхъ судебныхъ округахъ, въ коихъ учреждены совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, дальнѣйшаго открытія отдѣленій сихъ совѣтовъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, въ 11 день октября 1889 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: приостановить временно во всѣхъ судебныхъ округахъ, въ коихъ учреждены совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, дальнѣйшее открытіе отдѣленій сихъ совѣтовъ (№ 120. Ст. 990).

В) Распоряженія правительства.

Министра Юстиціи.

18) *Объ упраздненіи двухъ должностей товарищей прокуроровъ Костромскаго и Рыбинскаго окружныхъ судовъ и объ учрежденіи двухъ новыхъ должностей товарищей прокуроровъ Луцкаго и Ставропольскаго окружныхъ судовъ (№ 121. Ст. 993).*

19) *О росписаніяхъ числа нотаріусовъ въ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губ., а также въ г. Нарвѣ, С.-Петербургской губ., и размѣра залоговъ сихъ нотаріусовъ (№ 121. Ст. 994).*

ОТДѢЛЪ II.

Л и ч н ы й с о с т а в ъ .

Высочайшіе приказы

По министерству юстиціи.

(20 сентября № 62). У м е р ш і й *исключается из списковъ*: членъ одесскаго окружнаго суда, губернский секретарь **Моторный**.

(11 октября № 64). Н а з н а ч а ю т с я: статсъ-секретарь, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ **Селифонтовъ**—первоприсутствующимъ въ 4 департаментѣ правительствующаго сената, съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря; старшій предсѣдатель одесской судебной палаты, тайный совѣтникъ **Веселовскій**—къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ; оберъ-прокуроръ 4 департамента правительствующаго сената дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ—**Гойнингенъ Гюне**—къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ, съ производствомъ въ тайные совѣтники; предсѣдатель департамента московской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Грепищевъ**—оберъ-прокуроромъ 4 департамента правительствующаго сената. У м е р ш і й *исключается из списковъ*: сенаторъ, тайный совѣтникъ **Ковалевскій**.

(11 октября № 65). Н а з н а ч а ю т с я: предсѣдатель департамента кievской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Тихомировъ**—предсѣдателемъ департамента московской судебной палаты; предсѣдатель нижегородскаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Третьяковскій**—предсѣдателемъ департамента кievской судебной палаты; состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ межевомъ департаментѣ правительствующаго сената, сверхъ комплекта, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Филипповъ**—предсѣдателемъ департамента с.-петербургской судебной палаты; предсѣдатель оренбургской палаты уголовного и гражданскаго суда, статскій совѣтникъ **Максимовичъ**—предсѣдателемъ рязскаго окружнаго суда; товарищъ прокурора с.-петербургской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Фужсъ**—предсѣдателемъ ревельскаго окружнаго суда; членъ харьковской судебной палаты, статскій совѣтникъ **Щербачевъ**—предсѣдателемъ либавскаго окружнаго суда; состоящій за оберъ-прокурорскимъ

столомъ въ 5 департаментѣ правительствующаго сената, сверхъ комплекта, и исправляющій должность ливонскаго губернскаго прокурора. статскій совѣтникъ **Фонъ-Блугенъ**—предсѣдателемъ митавскаго окружнаго суда; состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 5 департаментѣ правительствующаго сената, сверхъ комплекта, и исправляющій должность курляндскаго губернскаго прокурора, статскій совѣтникъ **Мясоедовъ**—предсѣдателемъ рязанскаго окружнаго суда, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; предсѣдатель рязанскаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Кастріото-Скандербекъ-Дрекаловичъ**—членомъ с.-петербургской судебной палаты, согласно прошенію; товарищъ предсѣдателя орловскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Кочетковъ**—членомъ с.-петербургской судебной палаты; товарищъ предсѣдателя виленскаго окружнаго суда **Кишинъ**—членомъ виленской судебной палаты; состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 5 департаментѣ правительствующаго сената, сверхъ комплекта, и исправляющій должность эстляндскаго губернскаго прокурора, коллежскій совѣтникъ **Дешъ**—товарищемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты; прокуроръ тифлискаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Познанскій**—прокуроромъ рижскаго окружнаго суда; членъ симферопольскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Денисенко**—прокуроромъ митавскаго окружнаго суда; членъ с.-петербургскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Макаровъ**—прокуроромъ ревельскаго окружнаго суда; товарищъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Можанскій**—прокуроромъ либавскаго окружнаго суда; члены окружныхъ судовъ: виленскаго, коллежскій совѣтникъ **Дуполовъ**, тифлискаго, надворный совѣтникъ **Петровъ**, ковенскаго, надворный совѣтникъ **Чебышевъ** и ярославскаго, коллежскій ассесоръ **Петровскій**—членами рижскаго окружнаго суда; члены окружныхъ судовъ: витебскаго, надворный совѣтникъ **Тюлинъ** и люблинскаго, кандидатъ правъ **Тютрюмовъ** и судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ округѣ сумскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Федоровъ**—членами ревельскаго окружнаго суда; судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ округѣ ржевскаго окружнаго суда, губернский секретарь **Васовъ** и секретарь харьковской судебной палаты **Альбовскій**—членами либавскаго окружнаго суда; судебный слѣдователь 1 участка ардатовскаго уѣзда, округа нижегородскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Савостьяновъ** и старшій секретарь общаго собранія судебныхъ и межевого департаментовъ правительствующаго сената, коллежскій ассесоръ **Серафимовичъ**—членами митавскаго окружнаго суда.

(13 октября № 66). Назначается: товарищъ прокурора одесскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Винъ**—прокуроромъ симбирскаго окружнаго суда. Увольняется: членъ кievской судебной палаты, статскій совѣтникъ **Змировъ**—отъ занимаемой имъ должности, согласно прошенію, по случаю назначенія состоящимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ межевомъ департаментѣ правительствующаго сената.

(18 октября № 68). Назначается: членъ одесскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Вогудцкій**—товарищемъ прокурора одесской судебной палаты. Увольняются: членъ с.-петербургскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Ганскау** отъ занимаемой имъ должности, согласно прошенію, по случаю назначенія предсѣдателемъ рижско-вольмарскаго съезда мировыхъ судей. *Отъ службы,*

согласно прошенію: судебный слѣдователь 1 участка кирилловскаго уѣзда, округа череповецкаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Сокольскій**. *Умершій исключается изъ списковъ*: товарищъ прокурора одесской судебной палаты, статскій совѣтникъ **Делинъ**.

(25 октября № 69). Назначаются: чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ юстиціи V класса, коллежскій совѣтникъ **Архиповъ** и дѣлопроизводитель временнаго при государственномъ совѣтѣ присутствія, коллежскій совѣтникъ **Добровольскій**—членами с.-петербургской судебной палаты; оберъ секретарь межеваго департамента правительствующаго сената, надворный совѣтникъ **Крашенинниковъ** и членъ нѣжинскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Каменцовъ**—товарищами предсѣдателя рижскаго окружнаго суда; членъ витебскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Павловичъ**—товарищемъ предсѣдателя ревельскаго окружнаго суда; членъ херсонскаго окружнаго суда; титулярный совѣтникъ **Маршалковъ**—товарищемъ предсѣдателя митавскаго окружнаго суда; членъ нижегородскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Нилусъ**—товарищемъ предсѣдателя либавскаго окружнаго суда. *Увольняется отъ службы, согласно прошенію*: товарищъ предсѣдателя сувалкскаго окружнаго суда **Яблонскій**.

ПОЛОЖЕНІЕ СУДОВЪ И СУДЕЙ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ

„Всеу законы писать, когда ихъ не
хранить, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ,
какъ у насъ было, а отчасти и еще есть.“

(Изъ указа Петра, помѣщеннаго въ
судебномъ зеркалѣ, предъ очами судей).

По вопросу о положеніи судовъ и судей въ истекшее двадцатипятилѣтіе, недостаточно обратить вниманіе на тѣ измѣненія, которыя произошли въ законодательствѣ, но важно остановиться и на томъ, какое приложеніе получили неотмѣненные постановленія. Въ ряду послѣднихъ есть не мало такихъ, которыя должны быть отнесены къ числу основныхъ. Почему же, несмотря на это, въ концѣ двадцатипятилѣтія ни судьи, ни общество, ни само правительство состояніемъ судовъ не удовлетворены и нынѣшняго положенія ихъ не считаютъ окончательнымъ. Почему, въ особенности, общество, то самое общество, ликованіями и упованіями котораго полны первые годы реформы, стало къ судамъ въ рѣзко отрицательное отношеніе?

Причины этого явленія, безъ сомнѣнія, весьма сложны и разнообразны, но на взглядъ сторонняго наблюдателя едва ли не первое мѣсто между ними слѣдуетъ дать тому обстоятельству, что законъ не успѣлъ осуществиться въ томъ объемѣ и направленіи, которые предполагались составителями судебныхъ уставовъ. Говоря проще, мы до сихъ поръ не имѣемъ новаго суда во всей совокупности постановленій,

относящихся къ его устройству. Такой судъ, въ концѣ двадцатипятилѣтія, какъ и въ его началѣ, есть еще пока предметъ общихъ желаній и дѣло будущаго.

Въ составъ предполагаемаго нами очерка входятъ всѣ постановленія закона, такъ или иначе опредѣляющія положеніе судовъ и судей. Но на этотъ разъ мы не желали бы омрачать значеніе юбилейнаго дня воспоминаніями о тѣхъ перемѣнахъ, которыя, подъ вліяніемъ постепенно измѣнявшихся взглядовъ на судъ и его государственное значеніе, внесли въ наше судоустройство чуждыя ему до той поры начала. Законы, подвергшіеся отмѣнѣ и измѣненіямъ, а равно и законы, вновь введенные въ учрежденіе судебныхъ установленій, должны составить предметъ особой работы. Теперь же мы ограничимся только тѣми сторонами положенія судовъ и судей за истекшее двадцатипятилѣтіе, которыя опредѣляются существующими, неизмѣненными законами, но, тѣмъ не менѣе, должны быть отнесены къ числу несбывшихся надеждъ законодателя ¹⁾.

Сверхъ того, вопросъ о положеніи судовъ и судей въ концѣ двадцатипятилѣтія, самъ собою ограничивается общими судами, такъ какъ съ изданіемъ закона 12 іюля настоящаго года мировая юстиція находится въ состояніи распаденія, а говоритъ о томъ, что дають новыя учрежденія, представляется преждевременнымъ.

Правильное устройство суда сводится къ приведенію въ надлежащее соотвѣтствіе личныхъ качествъ судьи, съ важностью лежащихъ на немъ обязанностей и широтою предоставленныхъ ему правъ. Качества судьи опредѣляются: усло-

¹⁾ Такимъ образомъ въ кругъ нашего обзора входятъ учрежд. суд. уст. ст. 77—80; 110—123; 137—209; 211—218; 222—296; 407—419. Изъ нихъ до изданія законовъ 1885 г. ни одна не отмѣнена. Измѣнены: ст. 79, 121, 137, 140, 143, 151, 153, 160, 173, прим. 190, 247, 256 и 412. Введены вновь: 79¹, 79², 80¹, 80², 119¹, 119², 121¹, 138¹, 140¹, 183¹, 183², 183³, 197¹, 259¹. Съ изданіемъ законовъ 20 мая и 3 іюня 1885 г. три статьи отмѣнены вполне: 291, 293 и 294. Измѣнены: 113, прим. 117, 119, 119¹, 119², 122, 161, 167 прим. 173, 247, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 263, 264, 270, прим. 272, 281, 282, 288, 290, 295, 296. Введены вновь: 78¹, 78², 78³, 78⁴, 78⁵, 117¹, 117², 119³, 119⁴, 237¹, 237, 249¹, 251¹, 259¹, 295¹, 295².

віями назначенія, порядкомъ назначенія и преимуществами службы. Преимущества службы слагаются изъ достаточнаго содержанія и обеспеченнаго въ должной мѣрѣ самостоятельнаго служебнаго положенія, какъ самого судьи, такъ и той коллегіи, въ составъ которой онъ входитъ. По этому плану мы расположимъ и наше изложеніе.

Основными требованіями закона при назначеніи на должность судьи являются: юридическое образованіе и надлежащая судебная опытность. Правда, въ 202 статьѣ, на ряду съ лицами, получившими юридическое образованіе, стоятъ лица, доказавшія на службѣ свои познанія по судебной части. Но исторія закона ясно указываетъ на истинное его значеніе. Оговоркою этою предполагалось не закрывать *только на первое время* доступа къ судебной службѣ и такимъ лицамъ, которыя—до *преобразованія судовъ*—„продолжительною службою въ судебномъ вѣдомствѣ, при стараніи изучить законы, пріобрѣли основательныя познанія по судебной части“ (О. З. 300). Нужно ли доказывать, что въ настоящее время, при обиліи лицъ, окончившихъ курсъ юридическихъ наукъ, ст. 202 и не можетъ имѣть другаго значенія? Что благотѣльная и разумная въ эпоху введенія судебныхъ уставовъ въ дѣйствіе, оговорка статьи 202 давно утратила свой смыслъ и давно нуждается въ отміну? Непреложность и несомнительность отвѣта подтверждается всѣмъ содержаніемъ судебныхъ уставовъ. Судебное производство во всѣхъ своихъ частяхъ разсчитано на судей-юристовъ. Оно требуетъ отъ судьи не одного диплома, но и дѣйствительныхъ познаній, обширныхъ и многостороннихъ; безъ такихъ познаній судья не можетъ сдѣлать шага ни въ уголовномъ, ни въ гражданскомъ процессѣ, не нарушая достоинства своего званія и интересовъ, ввѣренныхъ его охраненію. Составители судебныхъ уставовъ, обсуждая вопросъ о значеніи образованія для судьи, совершенно вѣрно замѣтили, что „порядку судопроизводства невѣжество и бездарность судьи угрожаютъ большею опасностью, чѣмъ самая недобросовѣстность; что, въ общей сложности, бездарность и невѣжество причиняютъ болѣе несправедливостей, чѣмъ самое пристрастіе“

(О. 3. 97). Разумѣется, дипломъ еще не создаетъ способности быть судьей и не покрываетъ другихъ требованій, которыя должны быть предъявлены въ судѣ, но несомнѣнно также и то, что онъ долженъ быть отправною точкою при сужденіи о пригодности каждаго кандидата въ судьи, такъ какъ безъ него никакія другія качества не помогутъ судѣ выполнить лежащія на немъ обязанности. Подъ покровомъ оговорки, содержащейся въ 202 ст., въ судебное вѣдомство впослѣдствіи проникло не мало лицъ, уронившихъ достоинство суда и судебной службы; это фактъ общезвѣстный, и тѣмъ не менѣе ст. 202 остается безъ перемѣны. Мало того, позднѣйшая практика стремится превратить законъ, по существу своему временной и даже кратковременный, въ постоянное окончательное правило законодательства. Въ позднѣйшемъ законѣ о введеніи судебныхъ установленій въ Прибалтійскомъ краѣ 9 іюля 1889 г. (ст. 30) трехлѣтняя служба въ судебныхъ установленіяхъ, образованныхъ на основаніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. уравнивается съ окончаніемъ курса юридическихъ наукъ, безъ дальнѣйшихъ по этому предмету ограниченій. Таже оговорка помѣщена и въ законѣ 19 февраля 1875 года относительно варшавскаго судебного округа (ст. 527). Это даже меньше того, что требуется 202 статьей, если мы примемъ во вниманіе, что положеніемъ о введеніи судебныхъ уставовъ въ кавказскомъ краѣ (ст. 448) предоставляется допускать необходимыя изыятія даже изъ правилъ ст. 202.

И такъ, безспорный вопросъ о насажденіи юридическаго образованія въ судебномъ вѣдомствѣ, за 25 лѣтъ не успѣлъ получить надлежащаго разрѣшенія. Не въ лучшемъ положеніи находится и другое коренное условіе судебной службы: надлежащая служебная опытность назначаемаго на должность.

Требованіе закона, чтобы назначенію на высшія должности предшествовало прохожденіе низшихъ должностей, въ теченіе не менѣе опредѣленнаго закономъ срока (ст. 203—209), какъ извѣстно, имѣетъ цѣлью обезпечить каждой должности ту степень зрѣлости и опытности назначаемаго, которая

должна ей приличествовать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устранить всякія неправильности и неравномѣрности въ служебномъ движеніи различныхъ лицъ. Составители судебныхъ уставовъ предполагали, что „по введеніи въ каждой мѣстности новаго судебного порядка, правила эти должны возымѣть дѣйствіе во всей ихъ строгости“ и притомъ не далѣе какъ въ теченіи шести лѣтъ. (О. З. 81. Проектъ времен. правилъ ст. 1). Постепенное введеніе судебной реформы, незакончившееся и въ настоящее время, вполне обезпечивало возможность соблюденія этой строгости; на дѣлѣ, однако, оказалось не такъ, и законъ о служебной опытности въ продолженіи 25 лѣтъ составляетъ предметъ благоусмотрѣнія, а не твердо установленнаго и обязательнаго къ исполненію во всѣхъ случаяхъ правила.

Понимая всю важность послѣдствій нарушенія указанныхъ условій замѣщенія судебныхъ должностей, коммисія по составленію судебныхъ уставовъ предполагала сдѣлать ихъ предметомъ особыхъ, стоящихъ отдѣльно отъ закона, весьма тщательно ею продуманныхъ и подробно изложенныхъ временныхъ правилъ (О. З. 229—306). Предположенія коммисіи не были приняты и благодаря этому обстоятельству въ судебной сферѣ до сихъ поръ не успѣли укрѣпиться тѣ элементарныя требованія судебной службы, отъ которыхъ, по словамъ составителей судебныхъ уставовъ „зависитъ весь успѣхъ судебной реформы и самая возможность устроить магистратуру на прочныхъ основаніяхъ“ (О. З. 74 и 80).

Какъ ни важны требованія юридическаго образованія и практической опытности при назначеніи на должность судьи, но они, сами по себѣ, опредѣляютъ только общую, внѣшнюю способность назначаемаго. Затѣмъ, остается открытымъ вопросъ о его внутренней или субъективной способности къ отправленію обязанностей судьи. По мысли закона, къ отправленію этихъ обязанностей можетъ быть призванъ не всякій судебный дѣятель, а только достойнѣйшіе изъ нихъ. При этомъ достойнѣйшими могутъ быть признаны только тѣ, которые, независимо отъ своихъ познаній и опытности, по направленію своего ума, по свойствамъ своего характера, оказы-

ваются наиболѣе способными въ спокойному, безпристрастному, терпѣливому, самостоятельному и независимому образу дѣйствій. Эти свойства лица, быть можетъ пригодныя не во всякомъ родѣ службы, составляютъ непремѣнное качество судебной службы. Опредѣленіе субъективной способности назначаемаго должно, поѣтому, подчиняться такому порядку назначенія, который во всѣхъ другихъ родахъ службы представляется излишнимъ, ненужнымъ и даже вреднымъ. Не такова судебная служба; построенная на началѣ личной независимости и самостоятельности въ отправленіи должности, она требуетъ, чтобы въ самомъ источникѣ происхожденія должности это значеніе ея было надлежащимъ образомъ охранено. „Судья долженъ зависѣть отъ закона, а не отъ лицъ, говорятъ составители судебныхъ уставовъ, и если желательно чтобы судебная власть была независима отъ власти административной, — *что по основнымъ положеніямъ составляетъ треугольный камень настоящей реформы*—то и самое замѣщеніе судебныхъ должностей должно совершаться по указаніямъ судебной власти“ (О. З. 83).

Въ объяснительной запискѣ порядокъ назначенія судей обсуженъ самымъ всестороннимъ и тщательнымъ образомъ, и всѣ большыя стороны настоящаго положенія вещей предумотрѣны съ удивительною для того времени проницательностью. Сообразно состоявшимся сужденіямъ, въ проектъ учрежденія судебныхъ установленій были внесены ст. 175—179, которыми за судебными мѣстами признавалась наивысшая способность въ оцѣнѣ необходимыхъ для судьи качествъ, вслѣдствіе чего выборъ судовъ распространялся на всѣ безъ исключенія судейскія должности, отъ слѣдователя до первоприсутствующаго кассационныхъ департаментовъ сената, причемъ, на чрезвычайные случаи возможныхъ злоупотребленій выборомъ, за министромъ юстиціи оставлялось право представленія на Высочайшее усмотрѣніе и своихъ кандидатовъ, не иначе однако какъ съ объясненіемъ причинъ устраненія кандидата, избраннаго судомъ.

Проектъ составителей судебныхъ уставовъ былъ принятъ

лишь въ отношеніи слѣдователей, членовъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ. Что касается правъ министра, то хотя въ статьѣ 215 объ обязанности его излагать причины предпочтенія избранныхъ имъ кандидатовъ и неупоминается, но такая обязанность подразумѣвается сама собою, при предписанномъ закономъ представленіи Императорскому Величеству на ряду со своими и указанныхъ судебными мѣстами кандидатовъ.

Всѣмъ извѣстна судьба, постигшая прекрасный, даже въ той ограниченной формѣ, которая дана ему государственнымъ совѣтомъ, и единственно вѣрный по своей идеѣ законъ. Статьи 213 и 214 примѣняются, но практика низвела избраніе судовъ на степень совѣта, не всегда требуемаго и ни въ какомъ отношеніи ни для кого необязательнаго. Что касается ст. 215, то по свидѣтельству г. Фойницкаго (Курсъ I, 266) статья эта не примѣняется. При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что суды отбываютъ обязанность выбора какъ повинность, какъ формальность, а не какъ пользованіе правомъ первостепенной важности, отъ котораго зависитъ честь суда и достоинство корпораціи. Отсутствіе увѣренности въ точномъ соблюденіи закона лишаетъ дѣйствія судовъ должной серьезности и необходимой осмотрительности.

Ст. 213—215 конечно не подлежали примѣненію при первоначальномъ введеніи судебныхъ уставовъ въ дѣйствіе. Статья 7 положенія 19 октября 1865 года предоставляла въ этомъ отношеніи министру юстиціи полную свободу. Но съ открытіемъ новыхъ судовъ, казалось бы, разумъ закона и важность послѣдствій, связанныхъ съ его приложеніемъ, должны были внушить мысль, что участіе судовъ въ указаніи достойнѣйшихъ, можетъ быть съ великою пользою приложено не только при открытіи вакансіи въ данномъ судѣ, но и при открытіи новыхъ судебныхъ округовъ. На дѣлѣ произошло совершенно обратное. Учрежденіемъ судебныхъ установленій въ Кавказскомъ краѣ, временное правило о назначеніи въ должности судей всѣхъ степеней, по представленію министра юстиціи, безъ всякаго участія судовъ, уже возведено въ значе-

ніе общаго и постояннаго въ этой мѣстности правила, причемъ права министра по назначенію, во всѣхъ отношеніяхъ, значительно расширены (ст. 447 и 448). Въ послѣдующихъ положеніяхъ о введеніи судебныхъ уставовъ, особыя указанія о порядкѣ назначенія и вовсе отсутствуютъ, какъ бы въ предположеніи, что порядокъ, установившійся на практикѣ, никакихъ сомнѣній не возбуждаетъ и подразумевается самъ собою.

Въ дѣйствительности такъ и вышло, что временное исключеніе обратилось въ общее правило назначенія судей по личному избранію министра юстиціи. Съ этимъ порядкомъ судебное вѣдомство и само общество связываютъ главнымъ образомъ тѣ тревожные признаки вырожденія судовъ, на которые давно указывается въ литературѣ. Мы не станемъ приводить общезвѣстныхъ фактовъ и укориженныхъ цифръ, а ограничимся лишь замѣчаніемъ, что послѣдствія, наблюдаемые у насъ, не представляютъ ничего чрезвычайнаго и непредвидѣннаго; они съ точностью были предусмотрены при составленіи судебныхъ уставовъ, и возникали вездѣ, гдѣ система личнаго выбора прилагалась съ такою же широтою какъ у насъ. „Пригромадной обширности Россіи, говорится въ объяснительной запискѣ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она находится, нѣтъ никакой возможности имѣть въ С.-Петербургѣ вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о способностяхъ, познаніяхъ и нравственныхъ качествахъ всѣхъ судебныхъ чиновъ. Министру юстиціи, сколько бы онъ ни былъ дѣятеленъ и прозорливъ, можетъ быть извѣстна только незначительная часть ближайшихъ въ нему судебныхъ чиновъ. Поэтому, предоставить избраніе на должности судей непосредственно министру юстиціи, значило бы сѣззить кругъ избираемыхъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ нельзя быть очень разборчивымъ въ выборѣ; если же министр юстиціи станетъ полагаться на рекомендаціи, то отъ этого неминуемо разовьется система протекцій, самая фальшивая и зловредная изъ всѣхъ системъ избранія кандидатовъ на общественныя должности“ (О. З. 97).

Такъ какъ послѣдующая практика назначеній не опровергла, да и не могла опровергнуть предвидѣній составите-

лей судебныхъ уставовъ, основанныхъ такъ сказать на природѣ вещей, то казалось бы, ради поднятія достоинства суда и упавшаго къ судамъ общественнаго довѣрія, было бы благовременно и умѣстно поставить вопросъ о пересмотрѣ достоинствъ и недостатковъ практикуемой системы и о средствахъ ея улучшенія.

Конечно, мы не можемъ взять на себя этой задачи; вопросъ о наилучшихъ способахъ назначенія судей, есть вопросъ государственной важности, а потому онъ можетъ быть основательно обсуженъ и рѣшенъ лишь правительственною властью, при надлежащемъ участіи судебного вѣдомства и всего общества.

Но мы рѣшительно отказываемся вѣрить, чтобы существовали непреодолимые практическія затрудненія къ установленію такого порядка назначенія судей, при которомъ были бы одинаково соглашены и авторитетъ правительства и достоинство суда и интересы того общества, которое суды охраняютъ своею дѣятельностью. Дѣло идетъ конечно не о томъ, чтобы заимствовать такіе приемы назначенія, которые были бы несовмѣстны съ нашимъ государственнымъ устройствомъ, а хотя бы о томъ, чтобы статьямъ дѣйствующаго закона было дано надлежащее приложеніе. При этомъ, безъ сомнѣнія, не исключается дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе закона, въ духѣ и направленіи, указанномъ судебными уставами. Улучшеніе можетъ быть достигнуто: распространеніемъ избранія на всѣ судейскія должности, привлеченіемъ общественнаго участія опубликованіемъ именъ избранныхъ кандидатовъ, повѣркою правильности произведенныхъ выборовъ высшимъ судомъ, участіемъ, на ряду съ прокуроромъ, въ окончательномъ избраніи и предсѣдателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Авторитетъ и законное вліяніе министра могли бы найти огражденіе въ установленіи обязанности выбора на должность въ числѣ трехъ или даже пяти кандидатовъ, съ правомъ министра остановить свой выборъ на одномъ изъ нихъ.

Справедливость обязываетъ замѣтить, что вслѣдствіе постоянного открытія новыхъ судебныхъ округовъ, дѣло назначенія на должности, въ истекшее двадцатипятилѣтіе, находи-

лось въ чрезвычайномъ положеніи, которое повторится не можетъ. Въ ближайшемъ будущемъ оно должно войти въ свой естественныя границы и для министра юстиціи съ каждымъ годомъ будетъ становится все тягостнѣе и тягостнѣе обязанность выбора на немногія должности, изъ огромнаго контингента равноправныхъ лицъ. Равнымъ образомъ не можетъ быть рѣчи и объ умаленіи престижа власти, такъ какъ помимо назначеній въ прокуратурѣ и нравственнаго вліянія, остающихся за министромъ, такой порядокъ будетъ лишь оберегать авторитетъ власти, ограждая ее отъ невольныхъ и неизбѣжныхъ ошибокъ. Въ такомъ огромномъ государствѣ какъ наше, и теперь совершенно неправильно приурочивать отвѣтственность за подобныя ошибки къ лицу того или другаго министра; отвѣтственность должна быть переложена на тѣ неизвѣстныя и неопредѣленныя величины, которыя такъ или иначе вліяютъ на назначенія, и все дѣло въ томъ, чтобы факторъ избранія былъ точно опредѣленъ, доступенъ контролю общества и власти, и былъ способенъ сообщить избранію ту нравственную силу, которой оно до сихъ поръ не имѣетъ. Совершенно естественно возложить эту обязанность и связанную съ нею отвѣтственность на судебныя коллегіи въ отношеніи всѣхъ чиновъ ея состава, не только по тѣмъ соображеніямъ, которыя изложены въ объяснительной запискѣ, но и потому, что кто же больше можетъ быть заинтересованъ въ удачномъ выборѣ предсѣдателей и судей, какъ не сами суды, и на комъ же ближе, скорѣе и непосредственнѣе отражается неудачный выборъ, какъ не на самой коллегіи?

Предметъ, нами затронутый, имѣетъ многостороннее значеніе, но мы не можемъ останавливаться на немъ долѣе. Позволимъ себѣ коснуться лишь одного обстоятельства.

Въ ряду различныхъ неудобныхъ послѣдствій господствующаго порядка назначеній, должно быть поставлено и неустройство кандидатуры на судебныя должности, — которой лишь по недостатку времени, а не по недостатку вниманія, мы не посвящаемъ въ настоящей книгѣ особаго очерка. Извѣстно, что за

учрежденіемъ кандидатовъ составители судебныхъ уставовъ признавали чрезвычайно важную цѣль. Въ немъ они справедливо усматривали будущій расадникъ нашихъ судебныхъ дѣятелей (О. З. 278). Кандидатура на судебныя должности должна была служить тѣмъ чистымъ и единственнымъ источникомъ, которому надлежало питать все судебное вѣдомство.

Чтобы охранить судебную службу отъ наплыва людей, вступающихъ въ нее не ради преданности дѣлу, которому они себя посвящаютъ, а лишь ради оклада, а равнымъ образомъ, чтобы оградить казну отъ издержекъ на лицъ, пригодность которыхъ къ судебной службѣ еще неизвѣстна, служба кандидатовъ сдѣлана безмездною, хотя впрочемъ для поддержки отличившихся способностями и усердіемъ и неимѣющихъ средствъ существованія, съ самаго начала было предположено назначеніе достаточнаго пособия.

Въ тѣхъ же видахъ охраненія службы отъ непригодныхъ лицъ, была предположена и другая мѣра: увольненіе, опредѣленіемъ общаго собранія суда, тѣхъ изъ кандидатовъ, которые въ теченіе трехъ лѣтъ пребыванія въ этомъ званіи не обнаружили необходимыхъ для судебной службы качествъ (Проектъ, ст. 377 и 384, О. З. 278, 279).

Назначеніе кандидатуры, указанное составителями судебныхъ уставовъ, конечно должно было вызвать на первыхъ же порахъ введенія судебныхъ уставовъ въ дѣйствіе, необходимость приложенія самыхъ энергическихъ мѣръ къ надлежащему образованію необходимаго числа кандидатовъ. Въ виду огромной потребности въ замѣщеніи судебныхъ должностей, на кандидатурѣ должны были сосредоточиться всѣ заботы, всѣ упованія судебного вѣдомства, къ ней слѣдовало приложить и всю ту мѣру любви къ учрежденію, которая допускается служебными отношеніями. Само собою, что дружными усиліями всѣхъ судебныхъ чиновъ можно было преодолѣть всѣ препятствія и образовать въ достаточномъ числѣ кадръ, достойный своего назначенія. Служба кандидата представляетъ единственный въ своемъ родѣ удобства для всесторонняго ознакомленія съ лицомъ; оцѣнка можетъ быть дана

не только способностямъ, знаніямъ, но и качествамъ ума и характера, съ точки зрѣнія пригодности или непригодности ихъ къ судебной службѣ. Какимъ же образомъ могло случиться, что судебное вѣдомство не только не воспользовалось огромнымъ ресурсомъ, находившимся въ его рукахъ, но и самое учрежденіе кандидатовъ, спустя немного лѣтъ, оказалось забытымъ Богомъ и людьми, въ положеніи такой заброшенности, что наименованіе ихъ илотами и паріями судебного вѣдомства, сдѣланное въ журнальныхъ статьяхъ, не встрѣтило ни малѣйшихъ возраженій и быстро получило права гражданства? Напрасно литература дѣлала героическія усилія, чтобы привлечь вниманіе правительства къ этому важному предмету, напрасно и отдѣльные чины судебного вѣдомства (въ послѣднее, впрочемъ, только время) прилагаютъ усилія внести новую жизнь въ кандидатуру,—въ настоящее время, ея отдѣльные, немногіе наличные члены стоятъ особнякомъ, какъ чужіе и лишніе люди; никакой нравственной связи съ вѣдомствомъ они не имѣютъ, никакой школы не проходятъ, ничьего ума не заботятъ, ничьихъ взоровъ не радуютъ и никому никакихъ надеждъ не внушаютъ. Учрежденіе столь важное, столь настоятельное для обезпеченія будущности обширнаго вѣдомства, носить на себѣ всѣ признаки не только вырожденія, но и вымиранія.

Отвѣтственность за такой результатъ должна быть несомнѣнно отнесена на счетъ порядка назначеній. Направленіе, которое они получили въ первые пятнадцать лѣтъ реформы, убило кандидатуру. Если бы замѣщеніе должностей судебныхъ слѣдователей удержалось съ самаго начала на законной почвѣ, суды были бы поставлены въ необходимость приложить всѣ силы и всѣ заботы къ надлежащей организаціи кандидатуры и безвозмездность ея не составила бы препятствія къ тому, чтобы поставить учрежденіе на твердую почву.

Взамѣнъ соотвѣтствующихъ заботъ по устройству кандидатуры, мы въ истекшее 25-тилѣтіе видимъ слѣдующее: 15 іюня 1865 г. дѣлается первое отступленіе отъ закона, разрѣшеніемъ опредѣлять въ кандидаты на судебныя должности и лицъ, не-

получившихъ юридическаго образованія, но доказавшихъ (!) свои познанія по судебной части. Затѣмъ, если не считать учрежденія въ Закавказскомъ краѣ кандидатовъ съ штатнымъ содержаніемъ (ст. 447 зак. 22 ноября 1866 г.), вызваннаго особыми условіями мѣстности, то въ теченіи 10 лѣтъ не дѣлается ничего, что могло бы упорядочить положеніе кандидатовъ; лишь закономъ 8 апрѣля 1875 г. (ст. 412) министру юстиціи предоставлено право назначать кандидатамъ, въ вознагражденіе за ихъ труды, предположенныя при составленіи уставовъ единовременныя пособія, изъ особо назначенной для того суммы. Распоряженіемъ министра (цир. 1875 г. № 8893) пособія, въ размѣрѣ не превышающемъ 600 р. въ годъ, должны быть назначаемы наиболѣе усерднымъ и достойнымъ (безъ упоминанія о третьемъ, самомъ важномъ, условіи выдачи — наиболѣе нуждающимся). Самое распредѣленіе предоставлено усмотрѣнію предсѣдателей и прокуроровъ, а не суда, для котораго и въ этомъ отношеніи кандидатура остается постороннимъ учрежденіемъ. Въ такомъ видѣ указанная мѣра кажется болѣе мѣрою обезпеченія пользованія необходимымъ для судовъ дешевымъ трудомъ кандидатовъ, чѣмъ проявленіемъ заботы и попеченія о надлежащемъ устройствѣ и дальнѣйшемъ развитіи кандидатуры. Послѣдующее послѣ 1875 года время, равнымъ образомъ, не представляетъ никакихъ мѣропріятій по этому важному предмету.

Какъ бы ни были правильны и безупречны постановленія и практика закона объ условіяхъ назначенія на судебныя должности, они не могутъ еще обезпечить замѣщенія должностей лицами надлежащихъ качествъ. Ни министръ юстиціи, ни сами суды, не въ состояніи привлечь къ судебной службѣ достойнѣйшихъ, если постановка этой службы въ законѣ и практикѣ не будетъ отвѣчать важности и трудностей лежащихъ на судѣ обязанностей или, другими словами, если эта служба, по своей обстановкѣ, не будетъ достаточно привлекательною для способныхъ и даровитыхъ лицъ. Что же можетъ

сдѣлать привлекательною судебную службу? Отвѣтъ повидимому простъ: обезпеченіе достаточныхъ средствъ въ жизни, обезпеченіе возможности выполнять долгъ, лежащій на судѣ, свободно и непринужденно, согласно разуму закона и внушеніямъ совѣсти. Но простымъ такой отвѣтъ можетъ казаться только профану. Лица, достаточно знакомы съ обстановкою суда, хорошо знаютъ, что указанныя условія достигаются не просто, а посредствомъ цѣлой системы огражденій самостоятельности и независимости суда, которая носитъ названіе судебныхъ гарантій. Входящія въ кругъ этой системы мѣры, внушенныя долговременнымъ опытомъ, составляетъ неразрывную цѣпь, ни одно звѣно которой не можетъ быть вынута безъ нарушенія цѣлости всей системы.

Необходимость такихъ мѣръ, въ настоящее время, также мало нуждается въ доказательствахъ, какъ и необходимость соблюденія указанныхъ выше условій назначенія на должность судьи. Находясь, по существу своихъ обязанностей, въ центрѣ столкновенія самыхъ противорѣчивыхъ интересовъ, судья и судъ составляютъ предметъ постоянныхъ, непрерывныхъ посягательствъ заинтересованныхъ сторонъ и чѣмъ значительнѣе вѣренна суду власть, тѣмъ могущественнѣе и разнообразнѣе окружающія его искушенія, тѣмъ серьезнѣе угрожающія ему опасности. Чтобы имѣть правильный судъ, необходимо оградить его отъ искушеній и обезсилить опасности.

Разсужденія составителей судебныхъ уставовъ по вопросу о судебныхъ гарантіяхъ, заключаютъ въ себѣ много доказательствъ глубокаго и всесторонняго пониманія существа судебной службы. Высказанныя ими по этому предмету мысли такъ здравы, практичны а въ то же время такъ возвышены, свѣтлы, глубоки, — что никакое отдѣльное, личное сужденіе съ ними состязаться не можетъ. Время не оказало никакого вліянія на ихъ внутреннее достоинство и пройдетъ еще не одна четверть вѣка прежде, чѣмъ они потеряютъ свою цѣну и замѣнятся новыми, болѣе совершенными представленіями о судѣ. О судебныхъ гарантіяхъ правильнѣе всего было бы, поэтому, говорить авторитетными словами состави-

телей судебныхъ уставовъ, тѣмъ болѣе, что обновленіе въ своей памяти содержанія законодательныхъ работъ по составленію судебныхъ уставовъ, доставляетъ высокое духовное наслажденіе. Если мы воздерживаемся отъ длинныхъ выписокъ, то только въ убѣжденіи, что и безъ нихъ, мысли и идеи составителей судебныхъ уставовъ неизгладимо запечатлѣны въ сердцахъ и умахъ лучшихъ дѣятелей нашего суда.

Въ ряду судебныхъ гарантій на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено матеріальное обезпеченіе судей.

Вопросу о необходимости обезпеченія судьямъ средствъ приличнаго существованія, какъ важнѣйшему условію правильнаго судоустройства, объяснительная записка не посвящаетъ впрочемъ никакихъ особыхъ сужденій; она ограничивается законическою ссылкой на Высочайше повелѣніе 14 декабря 1859 года. Да и въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть какой либо споръ или сомнѣніе въ томъ, что лица государственной службы вообще, должны быть достаточно обезпечены въ интересахъ самого же государства?

Но составители судебныхъ уставовъ понимали, что общія условія вознагражденія чиновниковъ вовсе не примѣнимы къ судебному вѣдомству. Въ административной службѣ выдающіяся способности и познанія требуются лишь отъ немногихъ старшихъ начальниковъ. Посредственныя качества и невысокій умственный уровень всей прочей массы чиновниковъ исполнителей, интересамъ административной службы нисколько не вредятъ. Въ служебной карьерѣ остается достаточно простора для поощренія выдающихся дѣятелей. Къ тому же административная служба, въ большей части случаевъ, не требуетъ отъ служащаго напряженія всѣхъ его умственныхъ и нравственныхъ силъ, и въ обыкновенномъ порядкѣ вещей оставляетъ достаточно досуга. Совершенно иначе поставлена судебная служба; здѣсь всѣ судьи должны быть равнокачественны по способностямъ и знаніямъ; въ этомъ отношеніи между ними не должно быть ни первыхъ, ни послѣднихъ; служебная карьера для большинства невозможна, да и ненужна; обязанности всѣхъ судей одинаково много-

трудны и способны быстро истощать силы служащаго. При такихъ условіяхъ вознагражденіе судей не можетъ быть поставлено въ условія, равныя съ вознагражденіемъ чиновниковъ вообще.

Этого и не предполагалось. Назначенные оклады, по тому времени вполне достаточные, составители судебныхъ уставовъ, однако, отнюдь не считали окончательными.

Единогласно было признано, что матеріальное положеніе судей можетъ быть упрочено лишь періодическими прибавками къ содержанію каждаго, чрезъ каждые семь лѣтъ, въ размѣрѣ одной пятой оклада. Прослужившій 35 лѣтъ въ званіи судьи, на склонѣ лѣтъ и службы пользовался бы, такимъ образомъ, двойнымъ окладомъ, что конечно можно считать за достаточное, хотя и не чрезмѣрное обезпеченіе. Путемъ періодическихъ прибавокъ предполагалось достигнуть постепеннаго улучшенія положенія, создать сильное побужденіе къ безупрочному и ревностному исполненію служебныхъ обязанностей, удержать въ судебной службѣ отъ перехода въ другія вѣдомства лицъ, достаточно послужившихъ, но неимѣющихъ возможности получить служебное повышеніе по недостатку вакансіи. Последняя цѣль представляется въ особенности важною. Въ судебной службѣ, по самому ея существу, крайне необходимо утвержденіе именно такого порядка, при которомъ судья не имѣлъ бы нивакихъ побужденій оставлять судебное вѣдомство. Продолжительное нахожденіе въ одной и той же должности, желательное и полезное для службы, отнюдь не можетъ считаться признакомъ неспособности судьи, ибо судья, какъ доброе вино, отъ времени лишь улучшаетъ свои качества, приобрѣтенныя опытомъ и знаніями.

Предположенія составителемъ судебныхъ уставовъ о необходимости періодическаго увеличенія получаемаго судьей содержанія были приняты и государственнымъ совѣтомъ, но.... не были включены въ учрежденіе судебныхъ установленій, въ виду того, что потребность въ назначеніи прибавокъ къ окладамъ можетъ наступить только чрезъ семь лѣтъ по открытіи

новыхъ судебныхъ установленій (объяс. зап. 139 140. Суд. уст. изд. гос. канц. стр. 165).

Въ результатѣ такого рѣшенія получилось то, что о первоначальной постановкѣ вопроса о вознагражденіи успѣли основательно позабыть и судьи остались при томъ содержаніи, которое и 25 лѣтъ тому назадъ не признавалось окончательнымъ, достаточно обезпечивающимъ, а въ настоящее время самими судьями называется не иначе, какъ нищенскимъ.

Пятнадцать лѣтъ назадъ, въ 1873 г., министерство юстиціи обративъ вниманіе на матеріальное положеніе судей, подвергло его специальному изслѣдованію. Оказалось, что членъ окружнаго суда получаемымъ содержаніемъ не можетъ покрыть самыя первѣйшія и настоятельнѣйшія потребности жизни. Что при бюджетѣ, скромность котораго не можетъ быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію, онъ долженъ прилагать къ своему штатному содержанію до 1000 руб. въ годъ ¹⁾. Но такъ какъ такихъ счастливицевъ немного, то чѣмъ же большинство должно покрывать недочеты своего содержанія? Очевидно, кромѣ долговъ, въ томъ или другомъ видѣ, никакого другаго исхода не предвидится. Никакое благоразуміе, никакая предусмотрительность и предосторожность не могутъ спасти судью отъ этого зла, потому что самый мудрый и осмотрительный не въ состояніи предотвратить тѣхъ чрезвычайныхъ событій въ семьѣ, которыя ведутъ и къ чрезвычайнымъ расходамъ. Для уплаты долговъ судья неизбѣжно долженъ заботиться о постороннемъ заработкѣ и отдавать ему часть своего времени; при всемъ этомъ—нужда заставляетъ его отказаться отъ всякаго общества, отъ всякихъ умственныхъ наслажденій, приличествующихъ его положенію и освѣжающихъ его уставшія силы, отъ всякой возможности совершенствовать свои познанія; этого мало, онъ долженъ отказаться даже отъ надежды прилично воспитать своихъ дѣтей.

Такое положеніе, полное ужаса и опасностей, конечно нельзя признать достойнымъ судьи судебныхъ уставовъ!

¹⁾ *И. Притцъ*. О судебной эмеритурѣ. Журн. гражд. и угол. права 1882 года кн. VIII стр. 65—128. Тамъ же—Нѣсколько словъ о судьяхъ новыхъ судовъ. *Н. Левектона*.

ж. гр. и уг. пр. кн. ix 1889 г.

Оно составляет противорѣчіе Высочайшей волѣ, выраженной въ указѣ правительствующему сенату, въ великій день 20 ноября 1864 г.—„возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность“; оно идетъ въ разрѣзъ съ прямыми постановленіями закона, о несовмѣстимости съ званіемъ судьи постороннихъ должностей и занятій (ст. 246) и съ несомнѣнными намѣреніями законодателя застраховать судью отъ матеріальной зависимости, создаваемой нуждою, дать ему средства, отвѣчающія важности его назначенія, поставить его „въ такое положеніе, чтобы онъ могъ вполне предаться тщательному исполненію своихъ обязанностей, не отвлекаясь для снисканія средствъ къ жизни посторонними занятіями и не искалъ бы себѣ службы внѣ судебного вѣдомства (О. З. 139). До тѣхъ поръ пока это положеніе не измѣнится къ лучшему, судебное вѣдомство вправѣ считать долгъ, добровольно принятый на себя законодателемъ, невыполненнымъ даже и приблизительно.

Представляется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ, при такомъ состояніи крайней необезпеченности судьи, министерство юстиціи можетъ еще до сихъ поръ располагать достаточнымъ числомъ лицъ, нелишенныхъ необходимыхъ судѣ знаній, дарованій и способностей. Мы можемъ себѣ объяснить это только лишь инерціей отъ толчка, который былъ данъ новою постановкою судебной службы 25 лѣтъ тому назадъ. и тѣмъ, что большинство судей продолжаетъ жить надеждою, что нынѣшнее невозможное положеніе вещей должно же имѣть свой конецъ. Но придетъ время, когда судебное вѣдомство, вмѣсто того, чтобы привлекать къ себѣ лучшія силы судебного состава, будетъ вынуждено довольствоваться тѣми посредственностями, которыя не сѣмѣютъ или не смогутъ пристроить себя къ другой, болѣе выгодной дѣятельности. И это еще лучшее, чего можно ожидать. Можно опасаться и худшихъ временъ: когда—въ связи съ упадкомъ другихъ важныхъ сторонъ судебной службы—личные качества судей понизятся до того, что отдѣльные лица уже не въ состояніи будутъ вести героическую борьбу съ тою сѣтью зависимости,

которую неизбежно создают долги и личные услуги; то будет время, когда придется спѣть послѣднюю пѣсню лучшему украшенію современнаго суда—его безкорыстію и нѣмъ до сихъ поръ незаподозрѣнной честности.

Нельзя оставаться равнодушными передъ этою, уже смотрящею въ глаза опасностью, и слѣдуетъ теперь же принять необходимыя мѣры къ ея устраненію. Обычная ссылка на недостатокъ средствъ не можетъ быть принята за возраженіе. Еще составители уставовъ остроумно замѣтили, что денегъ нѣтъ только тамъ, гдѣ нѣтъ хорошихъ судовъ; такъ какъ хорошіе суды обезпечиваютъ развитіе кредита, а кредитъ создаетъ денежный оборотъ, увеличивающій частное и государственное богатство. Впрочемъ, г. Р. М. напечатавшій въ № 7 Юридическаго Вѣстника за 1882 годъ статью о реформѣ нашихъ судебныхъ установленій, сдѣлалъ попытку указать, что необходимыя средства имѣются и теперь, и даже въ самомъ вѣдомствѣ, и разрѣшилъ свою задачу не безъ успѣха. Но если бы этимъ путемъ нужныя средства и не могли быть найдены, то бесспорнымъ остается то положеніе, что хорошо организованный судъ есть первая, насущная и неотложная потребность государства, которая должна быть удовлетворена во что бы то ни стало. Нужно ли напоминать, что дурное состояніе правосудія угрожаетъ всѣмъ и каждому, что оно подрываетъ въ народѣ самыя жизненныя силы, что оно дѣлаетъ невозможною правильную будничную жизнь, грозитъ разстройствомъ личныхъ и экономическихъ отношеній, и поражая отдѣльныхъ лицъ, обезсиливаетъ столько же и государство, внутри и во внѣ? Въ Высочайшей благодарности, выраженной лицамъ судебного вѣдомства, по случаю десятилѣтія изданія судебныхъ уставовъ, Его Императорское Величество осчастливилъ судебное вѣдомство выраженіемъ увѣренности, что „отправляя безпристрастно правосудіе, оно послужитъ охранительною силою правительства въ дѣлѣ поддержанія нравственныхъ началъ и законнаго порядка.“ Мыслимо ли выполненіе такой высокой миссіи приниженымъ, мало способнымъ и дурно вознаграждаемымъ чиновникомъ, который

не можетъ укрыть своей нищеты отъ стоикаго общественнаго наблюденія? Нѣтъ, такая задача по плечу лишь судѣй высокаго служебнаго и общественнаго положенія; судѣй, сильному своими талантами, знаніемъ, добросовѣстнымъ исполненіемъ своего долга; а такую силу даетъ лишь независимость служебнаго положенія и тотъ достатокъ, который служитъ первымъ основаніемъ общественнаго почета. Только за такимъ судьей и можетъ быть признана нравственная сила, авторитетъ и вліяніе.

Въ теченіи истекшаго двадцатипятилѣтія, министерство юстиціи сдѣлало, если не ошибаемся, только одну попытку улучшенія матеріальнаго положенія *всѣхъ* судей. Въ какой формѣ эта попытка была сдѣлана мы не знаемъ, но можемъ предположить, что или форма была неудачна, или настоянія были недостаточно сильны, но попытка успѣха не имѣла. Равнымъ образомъ не имѣла, да и не могла имѣть успѣха, и другая, своеобразная попытка улучшить положеніе судей на счетъ самихъ судей, выдачею эмеритальныхъ окладовъ на службѣ. Самый эмеритальный вопросъ, поставленный въ началѣ судебной реформы (ст. 247), получилъ свое неблестящее разрѣшеніе только двадцать лѣтъ спустя, въ 1885 году.

Чтобы оцѣнить всесторонне размѣръ получаемаго нынѣ судьями содержанія, необходимо обратить вниманіе еще и на слѣдующія обстоятельства.

Штаты нашихъ судебныхъ установленій, по экономическимъ соображеніямъ, опредѣляются весьма скупой и во многихъ случаяхъ совершенно несоразмѣренны съ лежащею на судьяхъ работою. Работая нерѣдко за двухъ, во славу государственнаго казначейства, судьи преждевременно надрываютъ себя, истощаютъ свои силы. Дѣйствительность и здѣсь расходится съ предположеніями законодателя, который имѣлъ въ виду дать судѣй какъ необходимый отдыхъ (ст. 184 и 185), такъ и необходимый досугъ. Досугъ необходимъ судѣй для того, чтобы онъ не застылъ въ пріобрѣтенныхъ имъ знаніяхъ, а имѣлъ возможность развивать и совершенствовать ихъ; онъ необходимъ ему и для того, чтобы судья имѣлъ возможность съ достоинствомъ отправлять свои обязанности. Судебная дѣятельность не

допускаетъ торопливости. Она требуетъ основательности, спокойствія и зрѣлости въ сужденіи; внимательности, самообладанія и терпѣнія въ сношеніяхъ съ отдѣльными лицами. Въмѣсто того, наши судьи, своимъ образомъ дѣйствій, нерѣдко напоминаютъ людей, боящихся опоздать на поѣздъ. Ихъ движенія рѣзки и отрывисты; ихъ рѣчь тороплива, груба и непріятна; ихъ отношенія къ частнымъ лицамъ проникнуты крайними оттѣнками раздражительности, нетерпимости къ мнѣніямъ, притязательности на непогрѣшимость. Что касается сужденій, то и они иногда происходятъ при такой обстановкѣ, которая заставляетъ сильно сомнѣваться въ ихъ достаточной обдуманности. Да это и немудрено: выполняя работу, количественно превышающую его силы, судья невольно забываетъ о ея качествѣ. Такой порядокъ дѣйствій, быть можетъ и оправдываемый необходимостью, совершенно неприличествуетъ суду и вызываетъ справедливыя нареканія.

Въ распредѣленіи вознагражденія между отдѣльными судьями различныхъ судебныхъ степеней, есть также много несовершеннаго не только въ практикѣ, но и въ постановленіяхъ самихъ судебныхъ уставовъ по этому предмету; недостатокъ этотъ тѣмъ менѣе объяснимъ, что онъ находится въ противорѣчій съ существенными требованіями правильнаго суда.

Какъ извѣстно, однимъ изъ главныхъ средствъ огражденія независимости и самостоятельности судьи считается устраненіе въ судебной службѣ всякаго рода служебныхъ приманокъ. Въ ряду ихъ, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить, конечно, не чины и не награды, а возможность перемѣны служебнаго положенія, служебные ранги, служебную карьеру. Если положеніе судьи можетъ быть достаточно хорошо обставлено во всѣхъ степеняхъ суда, то установленіе судебной карьеры, собственно говоря, и нежелательно и ненужно. Съ точки зрѣнія конечной цѣли дѣятельности суда, идеальнымъ можетъ считаться лишь такое положеніе вещей, при которомъ всѣ судьи даннаго состава, являются равнокачественными во всѣхъ отношеніяхъ: и по содержанію и по рангу, и по суммѣ опыта и познаній; только о такихъ судьяхъ можно сказать

что въ составѣ коллегіи каждый изъ нихъ дѣйствуетъ самостоятельно, самъ за себя, не подчиняясь ни нравственному, ни умственному превосходству своихъ сотоварищей. Равнымъ образомъ и о прочномъ огражденіи дѣйствительной, а не мнимой независимости суда, можно серьезно говорить лишь тогда, когда судья по службѣ лучшаго ничего получить не можетъ, и когда, поэтому, онъ по службѣ ничего не ищетъ и ни къ чему не стремится. Только въ такой постановкѣ службы судья можетъ свою честь положить въ отправленіи своихъ обязанностей, въ выполненіи своего долга, въ общемъ уваженіи своихъ согражданъ, а свое честолюбіе свести къ наилучшему отправленію своей должности. Если при этомъ мы допустимъ, что каждый судья служить въ такой мѣстности, съ которою онъ крѣпко связанъ общегражданскими узами и что эти узы не дѣлаютъ для него привлекательною перемѣну службы даже и по мѣсту, то мы получимъ служебное положеніе, при которомъ никакіе соблазны и никакія опасности не могутъ быть страшны судьямъ.

Конечно, осуществленіе такого порядка вещей почти недостижимо, но къ нему слѣдуетъ, по возможности, стремиться; а потому устраненіе неравенствъ въ служебномъ положеніи судей вообще составляетъ крайне важный вопросъ судопроизводства. Но вопросъ этотъ представляется столь же важнымъ и съ точки зрѣнія судопроизводства. Совершеннымъ, съ точки зрѣнія процесса, можетъ быть признанъ только такой порядокъ, при которомъ производство, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго дѣла, можетъ быть завершено въ одной инстанціи суда. Переходъ дѣла въ высшую инстанцію, для вторичнаго пересмотра по существу, не есть процессуальная необходимость; это зло, судебная воловита, и чѣмъ это зло меньше, тѣмъ лучше, такъ какъ только при условіи его полного искорененія или умаленія, государство можетъ освободиться отъ расходовъ на содержаніе апелляціонныхъ инстанцій или уменьшить ихъ число. Какими же средствами можетъ быть достигнута такой болѣе совершенный процессуальный порядокъ? Средство одно—приложить одинаковыя заботы къ организаціи

суда обоихъ степеней, или иначе поднять уровень суда низшаго, до уровня суда высшаго. Это вопросъ чрезвычайной важности. На судѣ первой инстанціи лежитъ самая сложная и самая важная работа; далеко не всѣ погрѣшности и ошибки этой работы могутъ быть исправлены путемъ обжалованія; дѣйствительное огражденіе интересовъ можетъ быть достигнуто не наличностью высшей инстанціе, а надлежащимъ обезпеченіемъ качествъ низшей. Если мы представимъ себѣ, что основательность приговора или рѣшенія вполнѣ гарантирована устройствомъ низшаго суда (напр. на судѣ присяжныхъ), то это будетъ самый лучший и самый желательный порядокъ судопроизводства, такъ какъ только при этомъ порядкѣ интересы, приходящіе въ соприкосновеніе съ судомъ, найдутъ себѣ полную охрану и количество обращеній въ апелляціонную инстанцію, за совершенною ненужностью его, низведется до минимума. И наоборотъ, если мы допустимъ, что на низшій судъ всѣ будутъ смотрѣть только какъ на досадную формальность, безъ которой нельзя обойтись, а питать довѣріе будутъ только къ высшимъ судамъ, то количество обращеній въ высшія инстанціи можетъ оказаться равнымъ числу первоначальныхъ производствъ. Явная невыгода такого положенія вещей, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для государства—очевидна. Кромѣ судебныхъ потерь обращающихся къ суду лицъ, и само государство вынуждается къ двойнымъ издержкамъ на судебную часть, причемъ, ни частныя лица, ни государство не могутъ имѣть увѣренности въ томъ, что окончательный результатъ будетъ достигнутъ.

Выше мы изобразили идеальный порядокъ вещей, но намъ это было необходимо для того, чтобы получить мѣру оцѣнки существующаго—и указать направленіе, которому должно слѣдовать въ опредѣленіи положенія судей. По данному вопросу, въ сужденіяхъ составителей судебныхъ уставовъ замѣтны довольно рѣзкія колебанія, и какъ результатъ такихъ колебаній, непоследовательность въ выработанныхъ ими положеніяхъ. Колебанія мы усматриваемъ въ разнообразіи сужденій о судебной карьерѣ. Съ одной стороны, мы видимъ, что составители уставовъ

установленіе судебной карьеры считаютъ необходимымъ исключительно въ интересахъ широкаго привлеченія къ судебной службѣ способнѣйшихъ и даровитѣйшихъ; съ другой—они эту карьеру стараются монополизировать въ интересахъ находящихся на службѣ судей, хотя бы и съ ущербомъ привлеченію на эту службу достойнѣйшихъ; съ третьей, они какъ бы порицаютъ самую необходимость судебной карьеры, находя, что главная забота законодателя должна быть сосредоточена на обезпеченіи полной самостоятельности и независимости судьи (чему стремленіе къ карьерѣ существенно препятствуетъ), что достоинство судебной службы вообще должно быть поставлено въ зависимость отъ носимаго званія и существа обязанностей, отправляемыхъ судьей, а не отъ мѣста, занимаемаго имъ въ той или другой инстанціи суда; съ четвертой — они признаютъ необходимымъ положить даже препятствія къ судебной карьерѣ. „Необходимо принять мѣры, говорятъ составители уставовъ, чтобы судьи не имѣли никакого особенно важнаго побужденія къ частой перемѣнѣ мѣстъ или къ переходу съ одной должности на другую“ (Суд. уст. изд. госуд. канц. ч. 3 стр. 161).

Неустойчивость во взглядахъ, вызвала непослѣдовательность и въ постановленіяхъ о судебной службѣ. Конечно нельзя требовать недостижимаго. Можно примирится съ особыми привилегіями кассационныхъ департаментовъ сената, а равно и съ преимуществами первенствующихъ въ судебномъ составѣ предсѣдателей судовъ и палатъ, но какая необходимость идти по этому пути далѣе и вмѣсто возможныхъ пяти степеней службы судьи, устанавливать цѣлыхъ *восемь*?

Безспоріе всего намъ кажется ненужность установленной разницы между членами окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ. Сами составители уставовъ раздѣляютъ это мнѣніе: они назначаютъ для обоихъ ранговъ одинъ классъ должности (ст. 237) и одинъ разрядъ пенсіи; въ своихъ сужденіяхъ они нерѣдко отождествляютъ оба служебныя положенія общимъ наименованіемъ членовъ судебныхъ мѣстъ,—это съ одной сто-

роны, а съ другой,—они же опредѣляютъ рѣзкую разницу въ содержаніи тѣхъ или другихъ членовъ суда, и очень часто упоминаютъ о высокопоставленныхъ мѣстахъ членовъ судебныхъ палатъ, умалчивая, что и полномочія членовъ окружныхъ судовъ, въ интересахъ достоинства общаго имъ званія судьи, должны быть признаваемы не менѣе высокими. Отвергая необходимость этаго различія, мы конечно имѣемъ въ виду не приниженіе членовъ палатъ до уровня нынѣшнихъ членовъ окружныхъ судовъ, а возвышеніе служебнаго положенія послѣднихъ, въ убѣжденіи, что такой порядокъ болѣе соотвѣтствуетъ значенію судебной службы, назначенію первой инстанціи суда, и возврѣніямъ самихъ составителей судебныхъ уставовъ.

Равнымъ образомъ представляется намъ ненужнымъ и даже вреднымъ установленіе особыхъ должностей предсѣдателей департаментовъ судебной палаты и товарищей предсѣдателей окружныхъ судовъ. Вопросъ объ учрежденіи этихъ должностей составлялъ предметъ споровъ и сомнѣній (О. З. 35 и 47—49), но тѣ соображенія, которыя были высказаны за окончательное его рѣшеніе, не представляются намъ убѣдительными и, сверхъ того, вовсе не затрогиваютъ предмета съ той стороны, которую мы имѣемъ въ виду. Мы указывали уже, что равнокачественность членовъ коллегіи должна быть признана существеннымъ условіемъ правильнаго ея устройства, какъ съ судоустройственной, такъ и съ судопроизводственной точки зрѣнія. Составители уставовъ стоятъ на той же почвѣ. „Судья только тогда можетъ сознать достоинство своего призванія, говорятъ они, когда его значеніе и въ его собственныхъ глазахъ и въ мнѣніи общества будетъ зависеть единственно отъ его званія, а не отъ какого либо инаго почета. Поэтому, члены каждаго суда должны быть совершенно равны между собою, но такое равенство никогда не можетъ установиться, если законъ будетъ поддерживать различія. Различія въ положеніи должны поставить судей въ неправильныя другъ къ другу отношенія и даже иногда дать перевѣсъ мнѣнію старшаго надъ мнѣніемъ младшаго,

что можетъ быть несовѣсть согласно съ справедливостію“ (О. З. 166).

Изъ изложенныхъ разсужденій, составители уставовъ выводятъ собственно невозможность устанавливать различіе въ чинахъ судей одного и того же суда, но мы идемъ дальше, и думаемъ, что указанныя соображенія пригодны для доказательства ненужности установленія какихъ бы то ни было различій между членами коллегіи вообще. Конечно, коллегія требуетъ руководителя своихъ дѣйствій, но въ интересахъ правосудія этотъ руководитель долженъ былъ дѣйствительно *primus inter pares*, а не старшій среди младшихъ— не властный и вліятельный, среди безвластныхъ и какъ бы неимѣющихъ никакого самостоятельнаго значенія судей.

Составители судебныхъ уставовъ обсуждали три способа замѣщенія предсѣдательствующихъ: по старшинству службы, по избранію членовъ, по назначенію отъ правительства. Последнее рѣшеніе было принято единственно по соображенію необходимости имѣть на мѣстахъ предсѣдательствующихъ въ отдѣленіяхъ и предсѣдателей въ департаментахъ людей способныхъ, надежныхъ и отвѣтственныхъ за охраненіе въ отдѣленіяхъ суда и департаментахъ палаты установленнаго порядка (О. З. 35 и 48). Но развѣ требованія способности, надежности и умѣнья охранить порядокъ въ производствѣ, должны быть чужды остальнымъ членамъ суда? Очевидно нѣтъ, а потому слѣдуетъ признать, что четвертый, почему то неимѣвшійся въ виду составителей уставовъ, порядокъ очереднаго завѣдыванія отдѣленіемъ или департаментомъ, каждымъ изъ членовъ суда и палаты, въ теченіи напримѣръ годичнаго срока, долженъ считаться единственно соотвѣтствующимъ достоинству суда и процессуальнымъ интересамъ.

Разнообразныя преимущества этого порядка могутъ быть сведены къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ. Онъ возвышаетъ значеніе каждаго изъ судей въ отдѣльности, какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ мнѣніи общества и высшей власти; устраняетъ образованіе неумѣстной въ судебной службѣ—служебной аристократіи; возбуждаетъ между судьями

благородное соревнованіе въ отправленіи должности; устраняетъ невыгодныя послѣдствія приобретаемой постояннымъ предсѣдательствованіемъ рутинны въ отношеніяхъ къ участвующимъ лицамъ; дѣлаетъ общее дѣло суда дѣйствительно общимъ для всѣхъ членовъ; усиливаетъ въ судьяхъ сознаніе общественной и должностной отвѣтственности; побуждаетъ каждаго судью заботиться о непрерывномъ совершенствованіи своихъ служебныхъ обязанностей; устраняетъ возможность существованія въ составѣ суда тѣхъ жалкихъ судей, которые скрывая свою неспособность за коллегіею, въ сущности уничтожаютъ ея значеніе, являясь лишь декорумомъ коллегіи, и надо сказать плохимъ декорумомъ, нерѣдко ведущимъ лишь къ нарушенію судебныхъ приличій; гарантируетъ нагляднымъ для всѣхъ образомъ дѣйствительную, а не мнимую равнокачественность и равноправность коллегіальнаго состава; усиливаетъ бдительность и заботу власти, назначающей судей, о качествахъ каждаго члена суда; возвышаетъ нравственную силу и юридическое достоинство постановляемыхъ судомъ приговоровъ и рѣшеній.

Неравенство въ положеніи судей и притомъ принадлежащихъ къ составу одного и того же суда, получило новое подкрѣпленіе съ изданіемъ закона 30 апрѣля 1885 года, установившаго право старшинства 168 судей на полученіе прибавочныхъ окладовъ въ размѣрѣ 600 и 500 р. Казалось бы, столь давножданная и желанная мѣра, будетъ радостно привѣтствована всѣми и не возбудитъ никакихъ противъ себя возраженій. Къ сожалѣнію вышло не такъ, ибо способъ введенія этого закона въ дѣйствіе вызвалъ общій ропотъ и даетъ поводъ къ цѣлому ряду крайне нежелательныхъ въ судебной сферѣ явленій и даже прямому нарушенію справедливости.

Законъ 1885 года, въ дополненіе къ тѣмъ различіямъ въ положеніи судей одного и того же суда, которыя, въ противность общимъ руководящимъ взглядамъ самихъ составителей уставовъ, проникли въ учрежденіе судебныхъ установленій, создаетъ новый рядъ разнообразныхъ привилегій: во первыхъ, привилегію по мѣстностямъ, во вторыхъ, привилегію

по старшинству. Привилегія старшинства, въ свою очередь, различается также по мѣстностямъ; въ мѣстностяхъ перваго разряда старшинство считается по отдѣльнымъ судамъ, въ мѣстностяхъ втораго разряда по цѣлымъ судебнымъ округамъ. Сверхъ всего, старшинство не есть величина постоянно опредѣленная, а колеблющаяся, при перемѣщеніи членовъ изъ одного суда въ другой. Въ связи съ закономъ 20 мая 1885 г. (ст. 295²) это послѣднее обстоятельство получаетъ особое значеніе, дѣлая возможнымъ перемѣщеніе судьи съ высшаго оклада на низшій.

Изложенный въ такомъ видѣ, законъ 1885 года вызываетъ противъ себя цѣлый рядъ существенныхъ возраженій. Прежде всего, къ чему такая сложность закона, когда дѣло идетъ о простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятельнѣйшей необходимости улучшить положеніе *всѣхъ*, безъ исключенія, судей? Въ существѣ, прибавка и въ 500 рублей, при великой нуждѣ судей, есть только заплата на рубищѣ, а отнюдь не тотъ достатокъ, который проектировался составителями судебныхъ уставовъ, въ формѣ постоянного, на всѣхъ одинаково распространяющагося, возвышенія оклада судьи. Намъ казалось бы и мы думаемъ, что съ нами согласится большинство судей — что распредѣленіе этой суммы между всѣми членами судовъ, въ формѣ увеличенія штатнаго содержанія съ 2200 на 2500 р. было бы мѣрою болѣе простою и болѣе справедливою; она была бы и болѣе цѣлесообразна, хотя бы потому, что вопросъ о дальнѣйшемъ повышеніи основныхъ окладовъ до необходимаго размѣра, оставался бы на присущей ему почвѣ равенства окладовъ и, сверхъ того, увеличеніе собственно оклада, оказало бы хотя какое нибудь вліяніе на крайне низкіе размѣры пенсій. За всѣмъ тѣмъ, если по соображеніямъ, намъ неизвѣстнымъ, представлялось невозможнымъ слѣдовать только что изложенному способу улучшенія положенія *всѣхъ* судей, а было признано необходимымъ примѣнить эту мѣру только къ старѣйшимъ по службѣ судьямъ, то, если противъ принципа собственно старшинства и нельзя ничего возразить, то можно

сказать многое противъ порядка его опредѣленія. И въ этомъ отношеніи, казалось бы, проще и справедливѣе было признать право на прибавку за 168 старѣйшими судьями, безъ различія мѣста ихъ служенія. Такое рѣшеніе избавило бы примѣненіе закона отъ многихъ усложненій и недостатковъ, весьма существенныхъ по своимъ послѣдствіямъ. На нѣкоторыя изъ нихъ было уже указано въ юридической литературѣ, но впереди предстоитъ нѣчто худшее и едва ли законъ, имѣющій цѣлью улучшить положеніе чиновъ судебного вѣдомства, не создаетъ новыхъ поводовъ къ дальнѣйшей деморализаціи судебного сословія, уже и безъ того, въ силу многоразличныхъ причинъ, достигшей значительныхъ размѣровъ. Такъ, мы указали уже на возможность примѣненія его къ случаямъ перемѣщенія судьи въ другой судъ по ст. 295²? Далѣе, нельзя не обратить серьезнаго вниманія и на отношеніе этого порядка къ случаямъ перевода судей по собственному ихъ желанію изъ одного суда въ другой. Равнымъ образомъ, намъ представляется несправедливымъ и усложненіе степеней содержанія по мѣстностямъ. На чемъ основывается эта привилегія густо населенныхъ центровъ? На дороговизнѣ жизни? Но дороговизна жизни совпадаетъ съ ея удобствами, которыя, сами по себѣ, для большинства имѣютъ притягательное значеніе, отвлекая къ центрамъ лучшія силы. А между тѣмъ потребность въ разумномъ, честномъ, справедливомъ судѣ вездѣ одинакова: въ чебоксарской глуши столько же, сколько и въ петербургскомъ многолюдьи! Наконецъ, при столь часто практикующемся у насъ измѣненіи штатовъ судебныхъ мѣстъ, порядокъ примѣненія новаго закона можетъ подать поводъ къ новымъ затрудненіямъ и обидамъ входящимъ въ составъ того или другаго суда судей. При такомъ чрезвычайномъ разнообразіи случаевъ и поводовъ къ опредѣленію размѣра вознагражденія судей въ томъ или другомъ видѣ, въ нравы судебного вѣдомства легко могутъ войти обычаи военнаго быта и получать права гражданства извѣстные военные термины: „сѣлъ на шею, посадили на шею“ — съ необходимыми ихъ послѣдствіями: враждою и рознью между сослуживцами.

Сказаннаго слишкомъ достаточно, чтобы признать законъ

1885 года, эту единственную за все двадцатипятилѣтіе мѣру улучшенія содержанія судей,—неотвѣчающе основнымъ началамъ судебной службы.

Въ 1887 году, государственнымъ совѣтомъ рассмотрѣнь и принять проектъ закона о предѣльномъ возрастѣ. Высочайшее утвержденіе его однако приостановлено впредь до выясненія финансоваго вопроса о возможности назначенія соотвѣствующихъ пенсій лицамъ, увольняемымъ въ отставку по достиженіи предѣльнаго возраста. Такая благоразумная осмотрительность можетъ вызвать лишь благодарность и признательность всего судебного вѣдомства, такъ какъ тѣсная связь обоихъ вопросовъ столь очевидна, что едва ли не было бы правильнѣе, впредь до рѣшенія вопроса о достаточномъ обезпеченіи, не возбуждать вопроса и о предѣльномъ возрастѣ....

Хотя проектъ остался проектомъ, но мы считаемъ нелишнимъ высказать нѣсколько мыслей и по его поводу, въ виду важнаго значенія его для судебной службы и судей.

Вопросъ о предѣльномъ возрастѣ разсматривался при составленіи судебныхъ уставовъ, какъ часть общаго вопроса объ увольненіи отъ службы по болѣзни и другимъ причинамъ, препятствующимъ продолжать ее (О. З., 127—129). Признавая установленіе предѣльнаго возраста принципиально правильнымъ и необходимымъ „для поддержанія достоинства самаго суда, ослабѣвающіе дѣятели котораго должны быть своевременно замѣняемы свѣжими силами“—составители уставовъ, подобно государственному совѣту, нашли однакожъ, что вопросъ объ этомъ не можетъ быть окончательно рѣшенъ прежде, чѣмъ увольняемые не будутъ достаточно обезпечены надлежащею пенсіею и эмеритурою. При этомъ составители уставовъ, съ присущимъ имъ чувствомъ справедливости, признавали возможнымъ установленіе лишь общаго для всѣхъ должностей возраста въ 75 лѣтъ.

Не такъ поступаетъ проектъ. По имѣющимъ свѣдѣніямъ, въ немъ предполагается высшія должности въ сенатѣ вовсе изъять

изъ дѣйствія закона о предѣльномъ возрастѣ, для низшихъ же должностей установить разнообразныя сроки въ 55, 60 и 65 лѣтъ. Съ такими основаніями проекта конечно согласиться нельзя. Назначеніе на высшую должность не составляетъ вида страхованія отъ потери физическихъ и умственныхъ силъ, равнымъ образомъ и нахожденіе въ низшей должности вовсе не есть признакъ физической и умственной неспособности. При нѣкоторыхъ недостаткахъ въ порядкѣ назначеній, можетъ случиться какъ разъ наоборотъ, что движенія по службѣ не будутъ получать достойнѣйшіе. Поэтому, строить систему предѣльнаго возраста на признакъ должности нельзя, не нарушая справедливости. Еще менѣе можно включать въ предѣльный возрастъ такіе сроки службы, при которыхъ судья завѣдомо не можетъ выслужить права на полную пенсію и эмеритуру, а такимъ именно и представляется срокъ въ 55 лѣтъ.

Впрочемъ, предѣльный срокъ въ 75 лѣтъ, взятый составителями судебныхъ уставовъ, вѣрно опредѣляя, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, состояніе несомнѣнной дряхлости, можетъ быть нѣсколько и далека; едва ли есть существенное препятствіе къ ограниченію его 70, 65 даже 60 годами, но какою бы, терминъ ни былъ взятъ, онъ долженъ быть общимъ для всѣхъ судей, отъ окружныхъ судовъ до сената. Для случаевъ исключительныхъ, въ видахъ пользы дѣла, если и могутъ быть приняты, то не иначе какъ одинаковыя же средства. Такимъ средствомъ можетъ быть, на примѣръ, баллотировка общимъ собраніемъ того суда, въ составъ котораго судья входитъ, на дополнительный пятилѣтній срокъ службы, по примѣру учебнаго вѣдомства, съ наименованіемъ судьи заслуженнымъ, и съ ограниченіемъ дополнительной службы однимъ, двумя или тремя пятилѣтіями, но опять таки не иначе, какъ на равныхъ для всѣхъ судей основаніяхъ. Такая мысль была уже заявлена въ хроникѣ нашего журнала, (1888 г. кн. VIII) и ей нельзя не сочувствовать.

Различіемъ въ служебномъ положеніи членовъ различныхъ судовъ, а равно и одного и того же суда, и въ получаемомъ ими содержаніи, неисчерпываются тѣ служебныя поощренія, которыя могутъ быть оказаны судьѣ въ теченіи его службы. Къ нимъ слѣдуетъ отнести также чины и награды, пожалованіе которыми занимаетъ въ организаціи судебной службы вполне своеобразное мѣсто. Составители уставовъ совершенно правильно оцѣнили ихъ значеніе признавъ, что вопросъ о награжденіи судей чинами и другими знаками отличій, есть одинъ изъ тѣхъ существенныхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ въ ту или другую сторону можетъ зависѣть успѣхъ судебного преобразования (О. З. 155—171).

Особенность положенія вопроса о служебныхъ поощреніяхъ судьи, опредѣляется особымъ характеромъ судебной службы, въ силу котораго эта служба, по своему существу, не можетъ представлять достаточныхъ поводовъ къ такимъ поощреніямъ, а по задачѣ и цѣлямъ, ею преслѣдуемымъ, можетъ даже сообщить этимъ поощреніямъ такую окраску, которая въ другихъ родахъ государственной службы немыслима. Судья не можетъ отличиться, таково должно быть основное правило судебной службы, истекающее изъ ея существа. Въ самомъ дѣлѣ, что собственно требуется закономъ отъ судьи? По закону, каждый судья долженъ быть одинаково дѣятеленъ, трудолюбивъ, разсудителенъ, знающъ, внимателенъ, справедливъ и непристрастенъ. Гдѣ же тутъ почва для отличій? Судья не можетъ быть инымъ, чѣмъ требуетъ законъ, и если онъ не выполнитъ этихъ требованій въ отдѣльномъ случаѣ, онъ заслуживаетъ взысканія, а если онъ оазывается непригоднымъ къ выполненію ихъ вообще, онъ не заслуживаетъ быть судьей (что не мѣшаетъ ему быть пригоднымъ къ службѣ вообще),—но награждать его за способность къ отправленію своихъ обязанностей тѣмъ менѣе основаній, что личная дѣятельность судьи ничтожна, ибо въ главной и существенной своей части она расплывается въ дѣятельности коллегіи и заслоняется ею.

Главная задача суда, какъ коллегіи, есть оказаніе спра-

ведливости, постановленіе правосуднаго приговора или рѣшенія. Въ этой конечной цѣли своей дѣятельности, судья и судьи должны стоять внѣ всякихъ поощреній для того, чтобы быть внѣ всякихъ подозрѣній и сомнѣній. Извѣстенъ гордый девизъ французской магистратуры, доставившій ей историческую честь и славу: „Суды изрекають приговоры, но не оказываютъ услугъ“. Извѣстна историческая похвала и потсдамтскаго мельника, составляющая гордость немѣцкихъ судей. „Пока въ Берлинѣ существуютъ судьи, несправедливость невозможна даже и для короля“. Это безкорыстіе и безупречность дѣятельности судьи, эта независимость его дѣятельности, составляютъ высшее качество его и отличіе: отъ судьи требуется какъ вообще, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, стоящій внѣ всякихъ сомнѣній и подозрѣній, самостоятельный, независимый ни отъ какихъ вліяній, справедливый и безпристрастный образъ дѣйствій. Только онъ одинъ можетъ поставить судью на недостижимую высоту положенія, отвѣчающую высотѣ его призванія. Осуществляя своею дѣятельностью важнѣйшую изъ функцій верховной власти—правосудіе, судья стоитъ внѣ необходимости отличій и наградъ за свою дѣятельность, какъ и сама Верховная власть, отъ которой власть судьи исходитъ и именемъ которой судья дѣйствуетъ. Это высокое значеніе русской магистратуры, составители уставовъ, въ свою очередь, закрѣпили въ слѣдующихъ горделивыхъ выраженіяхъ, заслуживающихъ перейти въ потомство и быть неизмѣннымъ девизомъ будущихъ поколѣній русскихъ судей. „Получая свою власть непосредственно отъ Государя Императора, судья не можетъ имѣть никакого посредствующаго начальника, который былъ бы вправѣ судить и аттестовать о заслугахъ его въ употребленіи этой, переданной ему свыше, власти“ (суд. уст. стр. 175).

По свойству обязанностей судьи, награжденіе судьи легко рождаетъ предположеніе не только о томъ, что судья безупречно исполняетъ свои обязанности, но и подозрѣніе не пожертвовалъ ли онъ своими обязанностями въ томъ или другомъ случаѣ, ради той или другой выгоды. Система награж-

деній неизбѣжно вызывають разнаго рода искательства, угодливость и стараніе быть угоднымъ, несовмѣстныя съ достоинствомъ судьи. Но и помимо низкой угодливости, идущей на встрѣчу власти и вліянію, старающей ихъ расположить въ свою пользу и заранѣе задобрить,—интересы, ввѣренныя судьѣ, слишкомъ важны для того, чтобы сильныя и вліятельныя лица сами не рѣшались на самыя широкіе посулы, для достиженія своихъ эгоистическихъ и противозаконныхъ цѣлей. Необходимо, слѣдовательно, оградить судью не только отъ опасности соблазна, но и отъ возможности такой опасности. Необходимо оградить судью какъ отъ себя самаго, такъ и отъ подозрѣнія другихъ въ томъ, что онъ можетъ подвергнуться искушеніямъ и соблазну.

Честолюбіе не есть качество судьи, а есть порокъ въ судьѣ, потому что оно стоитъ въ противорѣчій съ его обязанностями. Для людей честолюбивыхъ открыты другія поприща службы. Высшее качество судьи есть нравственная его устойчивость, несовмѣстная съ личнымъ честолюбіемъ; независимость и самостоятельность характера, образа дѣйствій и сужденій, несовмѣстныя съ исканіемъ отличій и надеждою по ихъ полученію. А такъ какъ всѣ эти высокія нравственныя качества, ставящія судью внѣ опасности какихъ бы то ни было прельщеній, къ сожалѣнію, далеко не составляютъ обычнаго явленія, то эти добродѣтели въ судьѣ приходится не только оберегать, но и культивировать, воспитывать, самому закону.

Исходя изъ этого общаго взгляда, и въ частности, признавая, что „аттестаціи и представленія къ наградамъ, неизбѣжно связанныя съ системою наградъ, могутъ поколебать самостоятельность и независимость судьи, столь громко провозглашаемую главнѣйшими условіями правильнаго суда, и возбуждаютъ опасеніе, чтобы отъ одного этого не прошло и на сей разъ безуспѣшно намѣреніе правительства создать судъ правый, внушающій, къ себѣ довѣріе общества“ (О.З. 187) составители уставовъ пришли къ извѣстному заключенію о необходимости устраненія производства судей въ чины въ теченіи ихъ службы и о награжденіи судей единственно по лич-

ному усмотрѣнію Императорскаго Величества, *безъ всякихъ о томъ представленій*.

Само собою, что въ такомъ рѣшеніи нельзя усматривать— ни умаленія значенія чиновъ и знаковъ отличій, ни тѣмъ мѣ- жѣ умаленія преимуществъ судебной службы.

И чины и знаки отличій, составляютъ важное государствен- ное установленіе, полезное и необходимое тамъ, гдѣ примѣненіе ихъ благопріятствуетъ успѣху службы; но если встрѣчается отрасль государственной службы, подобная судебной, въ ко- торой примѣненіе системы отличій грозитъ отрицательны- ми результатами, то интересъ самого государства вызываетъ необходимость въ такой отрасли службы примѣненіе системы наградъ — приостановить. Вотъ почему мы считали бы еще болѣе послѣдовательнымъ со стороны составителей уставовъ, если бы и полученіе наградъ они подчинили правиламъ, оди- наковымъ съ указанными въ 241 статьѣ.

Для судей изъ такихъ ограниченій никакихъ неудобствъ истекать не можетъ,—такъ какъ во 1-хъ, эти особенности уста- новляются въ видахъ огражденія достоинства самихъ судей и возвышенія достоинствъ самой службы; во 2-хъ, они должны находить себѣ противовѣсъ въ такихъ преимуще- ствахъ судебной службы, которыя неизвѣстны другимъ ро- дамъ службы государственной и въ 3-хъ, въ дѣйствитель- ности судьи не лишаются ни права на высшіе чины, ни права на высшія награды, а лишь пользованіе ими отсро- чивалось бы на все время продолженія судебной службы.

Въ окончательной редакціи 248 статьи, приставка проекта: „безъ всякихъ о томъ представленій“ —была отброшена, по достаточно ознакомиться съ текстомъ этой статьи, чтобы убѣ- диться, что такое его сокращеніе отнюдь не повліяло на измѣненіе ея существа, какъ это послѣднее опредѣляется въ законодательныхъ работахъ.

Практика, однако, какъ извѣстно, и здѣсь не оправдала ожиданій составителей уставовъ. Вопреки подчеркнутой въ объяснительной запискѣ (стр. 168 и 169) необходимости въ награжденіи судей слѣдовать такому порядку, при кото-

ромъ,,никто-бы изъ судей не разсчитывалъ на срочныя награды и не искалъ ихъ“,—въ судебномъ вѣдомствѣ быстро установился отвергнутый закономъ обычай представленій къ производству въ чины и къ награжденію знаками отличія—на основаніяхъ, принятыхъ въ государственной службѣ вообще.

Мы отказываемся отъ подведенія итоговъ фактическому положенію судовъ и судей, въ истекшее двадцатипятилѣтіе. Если взять во вниманіе тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются по этому предмету въ литературѣ, то картина вышла бы нѣсколько мрачною, несоотвѣтствующею значенію юбилейнаго дня. Поэтому мы ограничиваемся приведеніемъ литературныхъ указаній на статьи, изъ которыхъ можно видѣть какъ далеко уклонилась дѣйствительность отъ идеала, начертаннаго въ законодательныхъ работахъ по составленію судебныхъ уставовъ ¹⁾).

*) ЖУРНАЛЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

1879 г. 1) Какъ мы провели 1878 годъ? Кн. 1. 2) Судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы. *А. Кистьяковскаго*. Кн. 2 и 3. 3) Порядки С.-Петербургскаго окружнаго суда *В. Володимірова* Кн. 4. 4) Въ защиту судебныхъ уставовъ, *В. Володимірова* Кн. 5. 5) Юридическая хроника (къ 15-ти лѣтію судебныхъ уставовъ). *Н. Коркунова* Кн. 2. 6) Новое изыатіе въ закавказскихъ судебныхъ порядкахъ Кн. 6.

1880 г. 7) Кандидаты на судебныя должности *Н. Муравьева* Кн. 1 и 6. 8) Могутъ-ли кандидаты на судебныя должности нести судейскія обязанности? Кн. 1. 9) Дѣло мирового судьи Волкова—*В. Володимірова* Кн. 2. 10) Одна изъ причинъ медленности производства по уголовнымъ дѣламъ *Н. Г—съ*.

1881 г. 11) Дѣло г. Савицкаго; *В. Володимірова* Кн. 4. 12) Злополучный судья. *В. Володимірова* Кн. 1. 13) Порядки устъ—медвѣдичкаго окружнаго суда Кн. 5. 14) Признаки времени въ мірѣ новыхъ судовъ *И. С.* Кн. 6. 15) О прусскихъ судахъ. *А. фонъ-Резона*. Кн. 5 и 6. 16) Судьбы привилегированныхъ и непривилегированныхъ юристовъ (къ статистикѣ юридическаго образованія въ Россіи съ 1863 г. *Н. Реннекампа* Кн. 1. 17) Больныя мѣста новаго судебного устройства. *К. Мальчевскаго*. Кн. 2. 18) Признаки времени въ мірѣ новыхъ судовъ (общій и особый наказы судебнымъ мѣстамъ). *И. С. Члена новаго суда*. Кн. 1. 19) Признаки времени въ мірѣ новыхъ судовъ (по поводу проекта общаго наказа судебнымъ установленіямъ) *С. И. члена новаго суда*. Кн. 4 и 6. 20) Къ вопросу о внѣшнихъ отношеніяхъ магистратуры къ адвокатурѣ. *И. С.* Кн. 2.

1882 г. 21) Толкованіе законовъ судебными мѣстами, какъ органами надзора *И. К. С. К.* 7. 22) Парламентскіе акты о преобразованія личнаго состава фран-

Но само собою въ настоящемъ положеніи судовъ и судей, есть не только отрицательныя, тѣнныя стороны, но и сторона положительная,—это дѣятельность судовъ и ея результаты. Правдивая оцѣнка этой стороны требуетъ сложной, спеціальной работы, для которой нѣтъ еще и надлежащихъ матеріаловъ. Несомнѣнно, однако, что никто не станетъ оспаривать того, что трудъ, выполненный нашими новыми судами въ истекшее двадцатитрехлѣтіе, громаденъ и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. Не смотря на исключительно неблагоприятныя условія своей дѣятельности, новые суды честно выполнили возложенную на нихъ Высочайшею волею задачу „утвер-

цузскаго суда. Переводъ съ подлинника *Л. Б. К.* 7. 23) О желательныхъ измѣненіяхъ въ судебныхъ уставахъ *И. Закревскаго* Кн. 2. 24) О судебной эмеритурѣ *П. Принца*. Кн. 7. 25) Судебная реформа во Франціи (реформа судоустройства) *В. Палаузова* Кн. 7 и 8. 26) Роль Н. Д. Замятнина въ судебной реформѣ *Г. Джамшидова*. Кн. 2. 27) О нѣкоторыхъ сторонахъ нынѣшняго общественнаго быта русскихъ коллегіальныхъ судовъ и судей *Н. Н.* Кн. 1. 28) Нѣсколько словъ о судахъ новыхъ судовъ (письмо въ редакцію) *И. Левентона* Кн. 7. 29) Толкованіе законовъ судебными мѣстами, какъ органами надзора *И. К. С.* Кн. 5. 30) Изъ практики судовъ какъ учреждений, замѣняющихъ совѣты присяжныхъ повѣренныхъ *И. К. С.* Кн. 5. 31) Общіе судебныя учрежденія въ Царствѣ Польскомъ *Н. Рейнке* Кн. 8.

1883 г. 32) Объ отношеніяхъ судебной уголовной практики по законодательству и наукѣ права *В. Случевскаго* Кн. 4. 33) О нашемъ безприсяжномъ судѣ (наблюденія практики) *Д. Маркова* Кн. 5. 34) О дисциплинарной отвѣтственности судей *А. фонъ-Резона* Кн. 9. 35) Дѣло г. Савицкаго (опеляціонная жалоба рѣчь В. Д. Спасовича; приговоръ сената) Кн. 5. 36) По поводу нападокъ на председателей судовъ (письмо въ редакцію) *З.* Кн. 4. 37) Сенаторское обозрѣніе на Кавказѣ *З. З.* Кн. 4. 38) Плоты судебного вѣдомства. *Одного изъ мотовъ.* Кн. 7.

1884 г. 39) Судебные уставы и заключеніе оберъ-прокурора по дѣламъ Мельничскихъ и Свиридова Кн. 5. 40) Къ ученію о несмѣняемости по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года *К. Амцыферова*: Кн. 9. 41) Обстановка дѣятельности судебныхъ слѣдователей *Я. Городыскаго* Кн. 9 и 10. 42) Новый фазисъ судебной реформы на Кавказѣ *Н.* Кн. 7. 43) По поводу жалобъ на Кавказскіе суды. *Н.* Кн. 10. 44) Къ вопросу объ измѣненіи штатовъ судебныхъ установленій *Ц. Я.* Кн. 8. 45) Какъ мы провели 1883 годъ? *З.* Кн. 4. 46) 20 Ноября 1884. *В. Володимирова* Кн. 10. 47) Прусская магистратура и наша *И. Закревскаго*.

1885. 48) Изъ памятной книжки *Д. Т.* Кн. 4. 49) Изъ практики Тифлисской судебной палаты *З.* Кн. 1. 50) Въ память двадцатипятилѣтія судебной реформы. Старога юриста. Кн. 2. 51) О судоустройствѣ въ Привислянскомъ краѣ. *А. Эмбленъ.* Кн. 5.

дѣтъ въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго.“ И если въ послѣднее время замѣчается въ этомъ отношеніи нѣкоторое ослабленіе силы воздѣйствія судебныхъ мѣстъ, но оно объясняется ослабленіемъ силы и значенія самаго суда. Во всякомъ случаѣ, то различіе, которое всѣми чувствуется въ правосознаніи между Россією 1864 и 1889 годовъ, должно быть отнесено, главнымъ образомъ, на счетъ суда и составляетъ неотъемлемую его заслугу. Честь и слава тѣмъ судамъ и судьямъ, которые ни разу не измѣнили завѣтамъ законодателя и выполняли свой долгъ до конца, безъ колебаній и уступокъ!

1886 г. Кн. 3. 52) Достаточны-ли средства уголовныхъ судовъ въ закавказскомъ краѣ? *З. Кн. 1. 53) Какъ мы провели 1885 годъ? М. Г. Кн. 2. 54) Германскій законопроектъ объ измѣненіи и дополненіи учрежденія судебныхъ установленій и устава уголовного судопроизводства. А. фонъ-Резона.. Кн. 5.*

1887 г. 55) Статистика судебныхъ неисправностей. *В. Волжина. Кн. 1. 56) По поводу десятилѣтія со времени введенія въ Царствѣ Польскомъ судебныхъ уставовъ Императора Александра II. Р. Кн. 2.*

1888 г. 57) Когда-же? *Икса. Кн. 5.*

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

1880 г. 58) Образованіе лицъ судебного вѣдомства *В. О—ва № 5.*

1881 г. 59) По вопросу о судейскомъ содержаніи и эмеритурѣ *А. Барышова № 10.*

1882 г. 60) Къ вопросу объ эмеритальной кассѣ судебного вѣдомства *В. Г. № 1. 61) Къ вопросу о реформѣ нашихъ судебныхъ установленій Р. М. № 7. 62) Общія судебныя учрежденія въ Царствѣ Польскомъ А. Тимановскаго № 1. 63) Наше гражданское правосудіе Своего. №№ 2 3 4 и 7. 64) Курьезъ изъ судебной практики № 3.*

1883 г. 65) Несмѣняемость судей во Франціи *Дм. Тамберта № 1. 66) Внутренніе судебныя порядки А. Тимановскаго № 2.*

1884 г. 67) Желательныя измѣненія въ штатахъ судебныхъ установленій *Ар. Лонгинова № 2. 68) Двадцатилѣтіе судебной реформы № 12.*

1885 г. 69) Суды и судебныя порядки *С. Хрулева № 3.*

1886 г. 70) По поводу прибавки содержанія членамъ окружныхъ судовъ. *А. Тимановскаго. № 2. 71) О судебной службѣ Н. Муравьева № 9 и 10. 72) Реформа судебныхъ уставовъ въ связи съ современнымъ состояніи правосудія соч. Н. Карабелова С.-Петербургъ 1889 года.*

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ ¹⁾.

Судъ присяжныхъ въ первое двадцатипятилѣтіе его существованія въ Россіи вынесъ на себѣ неизмѣримо больше нападокъ, чѣмъ всѣ другіе институты, вызванные къ жизни уставами Императора Александра II. Его противниками выступали не только представители реакціонной прессы, принципиальные противники уставовъ, но и сами дѣятели судебныхъ уставовъ, лица совершенно чуждыя всякихъ личныхъ и партійныхъ интересовъ. Одновременно съ этимъ и въ западной юридической литературѣ противъ суда присяжныхъ стали раздаваться голоса весьма авторитетныхъ юристовъ. Такимъ образомъ ко дню двадцатипятилѣтняго юбилея судебныхъ уставовъ

¹⁾ Источники: 1) Журналы государственнаго совѣта и представленія совѣту министра юстиціи; 2) Объяснительная записка къ проекту учрежденія судебныхъ установленій; 3) Судебные уставы изд. государственной канцеляріи и *С. Щеловитова*; 4) *Фойницкій*, Курсъ уголовного судопроизводства С.П.-Б. 1884 г.; 5) *Владиміровъ*, Судъ присяжныхъ Харьковъ 1873 г.; 6) *Митермайеръ*, Законодательство и юридическая практика, пер. В. Бартенева. Его же, Судъ присяжныхъ въ Европѣ и Америкѣ; 7) *Фойницкій*, Оправдательныя рѣшенія и мѣры къ ихъ сокращенію, Журналъ гражд. и угол. права 1876 г., Кн. VI; 8) *Коачевскій*, Нашъ судъ присяжныхъ, Журналъ гражд. и угол. права 1880 г., Кн. III; 9) *Цухановъ*, Недостатки суда присяжныхъ, Журналъ гражд. и угол. права Кн. II, 1882 г.; 10) *Кони*, Спорный вопросъ нашего судопроизводства, Вѣстникъ Европы, 1881 г. № 1; 11) *Селивановъ*, Судъ присяжныхъ, Сѣверный Вѣстникъ, 1885 г. № 1 и 2; 12) *Фуксъ*, Судъ присяжныхъ, Русскій Вѣстникъ 1885 г.; 13) *гр. Джаншета*, Первая новелла Юридич. Вѣст. 1885 г., и 14) *С. Хрулевъ*, „Судъ присяжныхъ“. Журналъ гражд. и угол. права 1886 г. Кн. 8, 9 и 10.

является какъ бы заподозрѣнною самая пригодность этой формы суда. Въ настоящемъ очеркѣ, имѣющемъ цѣлью лишь обзорѣніе законодательныхъ работъ—за первое 25-тилѣтіе со дня утвержденія судебныхъ уставовъ—касающихся суда присяжныхъ и примѣненія этого суда на практикѣ, мы о принципиальныхъ вопросахъ будемъ говорить лишь вскользь, а главнымъ образомъ займемся обзорѣніемъ того: чѣмъ былъ судъ присяжныхъ по проекту уставовъ 20 ноября 1864 года и чѣмъ онъ сталъ теперь? Отвѣчая на послѣдній изъ поставленныхъ нами вопросовъ, мы сначала рассмотримъ законоположенія, изданныя въ отмѣну постановленія уставовъ, а затѣмъ коснемся практической стороны дѣятельности института присяжныхъ засѣдателей.

I.

Сущность учрежденія присяжныхъ засѣдателей, по опредѣленію составителей судебныхъ уставовъ, заключается въ томъ, *чтобы судебнымъ приговорами, посредствомъ внушенія довѣрія къ судьямъ, придать нравственную силу.*

Иными словами—составители уставовъ признавали, что въ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ одни коронные судьи не могутъ внушать *бесусловнаго* довѣрія обществу и что это довѣріе, необходимое для правосудія, явится лишь тогда, когда само общество, въ лицѣ своихъ представителей, будетъ призвано судить своихъ преступныхъ сочленовъ. Правильность приведеннаго положенія не подлежитъ спору. Въ объяснительной запискѣ къ новымъ судебнымъ уставамъ германской имперіи (Berlin 1874 г. стр. 19) замѣчено по указанному поводу, что „нужно считать исчерпаннымъ вопросъ—слѣдуетъ ли дать народному элементу мѣсто въ уголовно-судебной дѣятельности, или же предоставить ее всецѣло въ руки юристовъ-техниковъ. Въ теченіи послѣдняго десятилѣтія онъ окончательно разрѣшенъ множествомъ германскихъ законодательствъ и хотя иногда раздаются отдѣльные голоса въ защиту уголовного разбирательства исключительно юристами, но повторять доводы за и противъ народнаго элемента совершенно излишне. Вопросъ только—

въ какой формѣ и въ какомъ объемѣ должно быть допущено участіе народнаго элемента въ уголовныхъ судахъ различныхъ порядковъ“.

Необходимость участія въ судахъ народнаго элемента можетъ быть обоснована и исторически. Въ одной изъ нашихъ работъ о судѣ присяжныхъ, мы подробно касались этого вопроса (Сѣверн. Вѣстн. 1885 г. № 1) а потому, теперь ограничимся однимъ указаніемъ, что въ лицѣ судныхъ мужей, уже существовавшихъ во времена Дмитрія Донскаго, мы въ далекомъ прошломъ имѣемъ прототипъ присяжныхъ засѣдателей.

Такимъ образомъ, о принципѣ народнаго участія въ судѣ, нѣтъ спора вообще, а особенно не можетъ быть этаго спора въ Россіи, гдѣ до введенія судебныхъ уставовъ всѣ суды состояли изъ выборныхъ членовъ и, слѣдовательно, весь вопросъ сводился опять таки къ тому—какова должна быть форма этого участія?

Формы эти не могутъ быть разнообразны. До настоящаго времени извѣстны только пять формъ, въ которыя вылилось участіе народнаго элемента въ судебной дѣятельности: 1) судъ народа, 2) судебные мужи, цѣловальники и губные старосты—у насъ и старые шеффены—за границей (*scabini*, *gachimburchi*, *Schöffen*), 3) составные суды, 4) присяжные засѣдатели и 5) судебные засѣдатели или шеффены новаго германскаго права, которымъ соотвѣтствуютъ наши такъ называемые сословные представители (о неудачности и неточности этого названія шла рѣчь въ одной изъ послѣднихъ юридическихъ хроникъ нашего журнала). Понятно, что составителямъ судебныхъ уставовъ представлялась возможность выбора лишь между учрежденіемъ присяжныхъ и шеффеновъ (судебныхъ засѣдателей). Неудивительно, что они остановились на первыхъ.

Институтъ шеффеновъ во время учрежденія уставовъ не имѣлъ за собою, да и не имѣетъ теперь, ничего, кромѣ мнѣній нѣсколькихъ германскихъ теоретиковъ, возставшихъ противъ суда присяжныхъ, главнымъ образомъ потому, что шеффены—національный германскій институтъ, а присяжные—ин-

ститутъ иноземный. Между тѣмъ за институтъ присяжныхъ говорила его повсемѣстная распространенность въ Европѣ и Америкѣ и громадная плеяда стоявшихъ за него ученыхъ юристовъ и дѣятелей, примѣнявшихъ его на практикѣ. Въ то время въ европейской наукѣ было безспорнымъ положеніемъ, что форма народнаго участія нигдѣ такъ полно не выражается, какъ въ судѣ присяжныхъ, что судъ этотъ ограждаетъ произволъ коронныхъ судей, въ силу своего положенія не могущихъ не относиться формально къ отправленію правосудія. Искони извѣстно, что „optima est lex, quae minimum relinquit arbitrio iudicis“. Коронный судья—это машина, примѣняющая законъ, и чѣмъ точнѣе она его примѣняетъ, тѣмъ лучше она исполняетъ свою задачу. Результаты этой *машинной* дѣятельности были на глазахъ у составителей уставовъ; они воочию видѣли, къ чему привела на практикѣ формальная теорія доказательствъ и имѣли полное основаніе не желать продолженія этой черной неправды. Составителямъ уставовъ было ясно, что судъ правдивый и милостивый могли дать только народные представители, несвязанные въ своихъ приговорахъ формальной правдой, дѣйствующіе лишь подъ высшимъ контролемъ своей совѣсти. Но остановившись на институтѣ присяжныхъ засѣдателей, составители уставовъ не могли не понимать, что, передавая судебныя функціи въ руки представителей общества, они дѣлаютъ этихъ избранныхъ общественными властелинами. Поэтому, они прежде всего обратили вниманіе на способъ избранія присяжныхъ. Въ знаменитомъ журналѣ государственнаго совѣта за № 65, мы находимъ по этому поводу слѣдующія, безусловно вѣрныя соображенія: „судъ чрезъ присяжныхъ тогда только достигаетъ своего назначенія, когда устроенъ такимъ образомъ, что они оказываются дѣйствительно представителями большинства благонамѣренныхъ гражданъ, когда мнѣніе присяжныхъ можетъ быть признано за приговоръ *общественной совѣсти*, непосредственное сознаніе которой потому только предпочитается соображеніямъ, основаннымъ на теоріи доказательствъ, и потому только считается непреложнымъ и неподлежащимъ ви-

какому контролю въ порядкѣ апелляціи или ревизіи, что въ немъ предполагается *сознаніе чистой совѣсти мучимыхъ людей общества*; насколько правдива совѣсть, настолько же правдивъ и приговоръ такихъ людей, по совѣсти ими произнесенный; слѣдовательно благая цѣль учрежденія присяжныхъ достигается преимущественно благоразумными постановленіями законодателя относительно ихъ избранія“.

Еще въ основныхъ положеніяхъ было установлено, что назначеніе присяжныхъ засѣдателей должно происходить изъ мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій и, притомъ, въ присяжные могутъ быть избраны лишь лица, способные къ исполненію важныхъ обязанностей, на нихъ возлагаемыхъ. Но опредѣленіе законныхъ качествъ для назначенія въ присяжные весьма затруднительно. Конечно, сравнительно легко опредѣлить внѣшнія условія возможности быть присяжнымъ (возрастъ, имущественное положеніе и пр.). Но этого мало, такъ какъ значеніе суда присяжныхъ, его успѣхъ, всецѣло лежитъ не въ наличности однихъ этихъ внѣшнихъ качествъ, а коренится единственно во внутреннихъ качествахъ избираемыхъ лицъ. Между законодателемъ и лицами, подлежащими избранію въ присяжные, необходимъ посредникъ, который былъ бы способенъ сдѣлать личную оцѣнку каждого предполагающагося къ избранію въ присяжные. Въ дѣятельности этого посредника, слѣдовательно, и лежитъ весь залогъ успѣха института присяжныхъ. Этими посредниками являются, какъ у насъ, такъ и за границей, коммисіи для составленія списковъ присяжныхъ. Списки присяжныхъ, какъ извѣстно, дѣлятся на общій, куда вносятся всѣ лица, имѣющія формальную возможность быть присяжными, и *очередной*, куда изъ общаго списка переносятся лица, имѣющіе кромѣ формальнаго и нравственное *право* судить своихъ ближнихъ.

Оставивъ въ сторонѣ порядокъ составленія общихъ списковъ ¹⁾, какъ немѣлющій рѣшающаго вліянія на составъ присяжныхъ, призванныхъ къ дѣйствительному отправленію

¹⁾ Мы отчасти коснемся этого вопроса говоря о законѣ 28 апрѣля 1889 года.

судебныхъ функцій, мы остановимся на порядкѣ составленія, по судебнымъ уставамъ, списковъ очередныхъ, такъ какъ повторяемъ, отъ способа ихъ составленія зависитъ весь успѣхъ дѣла. Первоначально предполагалось поручить составленіе очередныхъ списковъ земской управѣ, съ присоединеніемъ къ ней для этой именно цѣли всѣхъ участковыхъ судей города, въ которомъ состоитъ управа. Но затѣмъ обязанность составленія очередныхъ списковъ была возложена, послѣ цѣлаго ряда проектовъ, о которыхъ по условію мѣста мы распространяться не можемъ, на особыя временныя коммисіи, состоящія изъ лицъ, избираемыхъ ежегодно уѣздными земскими собраніями. Эти коммисіи составляли и общіе списки, но при составленіи очередныхъ они усиливались приглашеніемъ предводителя дворянства, предсѣдательствовавшего въ коммисіи и одного изъ участковыхъ мировыхъ судей. Никакихъ особыхъ правилъ, регламентировавшихъ дѣятельность этихъ коммисій, издано не было, и потому неудивительно, что чуть не съ первыхъ дней примѣненія уставовъ на практикѣ, на эти коммисіи посыпался градъ нареканій. Члены этихъ временныхъ коммисій, говоря высокими словами, оказались не на высотѣ своей задачи. Все дѣло, отъ котораго исключительно зависѣлъ успѣхъ суда—охраненіе самыхъ дорогихъ общественныхъ интересовъ, было передано въ полное и безконтрольное завѣдываніе полуграмотныхъ писмоводителей, предводителей дворянства и секретарей управъ. Эти господа должны были рѣшать, кто нравственно способенъ быть присяжнымъ; дѣлить лицъ, обладавшихъ внѣшними условіями права быть присяжными, на добрыхъ и лихихъ, выражаясь юридическимъ языкомъ нашихъ предковъ. Вниманіе къ возложеннымъ на коммисіи обязанностямъ доходило до того, что въ одномъ изъ столичныхъ окружныхъ судовъ въ очередной списокъ однажды была занесена какая то купчиха Матрена Иванова. Бывали случаи, когда списки составлялись по алфавиту, безъ всякаго выбора, и тому подобное ¹⁾).

¹⁾ По вычисленіямъ Г. Н. Тимофѣева (см. его книгу Судъ присяжныхъ.

Но, конечно, вина въ этихъ безобразіяхъ лежала не на письмоводителяхъ и не на составителяхъ уставовъ. Не надо забывать, что уставы писались тогда, когда послѣ долгаго застоя и косности русская жизнь забила ключемъ живой воды. Составители уставовъ вѣрили, что этотъ взрывъ общест-венности, этотъ яркій разцвѣтъ мысли и духа—не случайное явленіе, не блестящая вспышка, а нѣчто серьезное, имѣющее впредь развиваться. Поэтому то они и предоставили обще-ству, въ лицѣ его представителей—земскихъ и городскихъ гласныхъ, избраніе лицъ, на которыхъ возложенъ закономъ выборъ судей. Думаемъ, что составители уставовъ иначе и не могли поступить, такъ какъ основной принципъ суда присяжныхъ—*свободный ихъ выборъ самимъ обществомъ*, безъ котораго невозможно требовать къ нимъ довѣрія. При-сяжный, назначенный правительствомъ, почти такой же корон-ный судья и его отличие отъ коронныхъ судей будетъ заклю-чаться развѣ лишь въ недостаткѣ юридическаго образованія и судейской опытности. Судъ присяжныхъ—учрежденіе обще-ственное, а всякое общественное учрежденіе является такимъ, какимъ его дѣлаетъ среда. Институтъ присяжныхъ для своего процвѣтанія требуетъ наличности въ обществѣ, въ которомъ онъ дѣйствуетъ, извѣстныхъ моральныхъ условій, требуетъ, чтобы въ обществѣ было чутко чувство справедливости, было твердо сознаніе долга. Отчего въ Англіи судъ присяжныхъ искони пользуется такимъ уваженіемъ, что, по выраженію Forsyth'a „король, палата лордовъ, коммонеры и всѣ законы и статуты королевства имѣютъ одну только великую цѣль—привести 12 человѣкъ на скамью присяжныхъ?“ Оттого, что въ Англіи энергично чувство нравственной обязанности. Въ Англіи чувство долга есть девизъ, проходящій чрезъ всѣ слои общества, отъ высшаго до низшаго. Самый богатый, самый знатный человѣкъ, въ Англіи, никогда не позволитъ себѣ

Москва 1882 г.), въ семи окружныхъ судахъ, въ 19 годовыхъ періодахъ, было исключено судомъ 824 человѣка, занесенныхъ въ очередные списки, но неимѣю-щихъ права быть присяжными по формальнымъ основаніямъ и 132 человѣка умершихъ за нѣсколько лѣтъ до внесенія ихъ въ списки.

небрежно отнестись къ своимъ обязанностямъ. Ему и въ голову не придетъ воспользоваться своимъ выдающимся положеніемъ, чтобы уклониться отъ исполненія долга. Напротивъ, тамъ исполненіе долга есть предметъ высшаго самолюбія. Судъ присяжныхъ, чтобы ни говорили наши ретрограды, способенъ, при правильной его постановкѣ, развитъ въ обществѣ это драгоцѣнное для государства чувство нравственной обязанности, способенъ воспитать въ обществѣ чувство справедливости. Вѣдь чувство справедливости развивается какъ и всякое другое чувство. Культура, развитіе, дѣлаютъ людей болѣе справедливыми. Этому насъ учить исторія. Чтобы недалеко ходить за примѣромъ, сравнимъ чувство справедливости въ нашемъ обществѣ 50 лѣтъ тому назадъ и теперь. То, что теперь возмущаетъ насъ до глубины души, тогда было явленіемъ не только обычнымъ, но и законнымъ, ничуть невозмущавшимъ громаднаго большинства людей. Бываютъ моменты въ исторіи, когда это чувство временно притупляется, но въ общемъ оно, конечно, идетъ впередъ, вмѣстѣ съ культурой. Лица, ратующія противъ принципа суда присяжныхъ, оставляютъ въ сторонѣ общественный характеръ этой формы суда и называя его судомъ улицы, не хотятъ понять, что судъ присяжныхъ таковъ, какимъ его дѣлаетъ само общество. Онъ вѣрное зеркало, отражающее въ опредѣленный моментъ степень нравственнаго развитія общества, степень сознанія имъ чувства долга.

Примѣромъ, подтверждающимъ наши положенія, можетъ служить нашъ судъ присяжныхъ. Въ первое время по его введеніи, когда еще не улеглись тѣ хорошіе порывы, тотъ подъемъ духа, которымъ отмѣченъ блестящій періодъ реформъ, нынѣ съ легкимъ сердцемъ забрасываемый грязью, дѣятельность присяжныхъ не вызвала нареканій. Д. Н. Замятнинъ такъ отзывался о дѣятельности нашихъ первыхъ присяжныхъ въ своемъ отчетѣ: „присяжные засѣдатели вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудныя для разрѣшенія вопросы, надъ

которыми обыкновенно затрудняются люди, приученные опытомъ къ правильному разрѣшенію дѣлъ уголовныхъ, и всѣ эти вопросы, благодаря *поразительному* вниманію, съ которымъ присяжные вникаютъ въ дѣло, разрѣшались, въ наибольшей части случаевъ, правильно и удовлетворительно.“

Отзывъ Д. Н. Замятина вполне подтверждали газеты и журналы временъ введенія суда присяжныхъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что не смотря на всѣ нападки противъ суда присяжныхъ, самый принципъ этого суда является, въ сущности, неопороченнымъ, и если даже согласиться, что дѣятельность присяжныхъ въ первое двадцатипятилѣтіе ихъ существованія и оставляла многого желать, то виновато въ томъ само общество, необладающее твердымъ развитіемъ чувства законности, и неправильный—не въ принципѣ, а въ виду именно указанного недостатка развитія чувства законности—способъ составленія очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей. Къ этому нужно прибавить, что хотя мы, въ виду условія мѣста, и оставили безъ разсмотрѣнія извѣстный и мало вызывающій споръ вопросъ о качествахъ, дающихъ возможность быть присяжнымъ, но нельзя не указать на то, что составители уставовъ едва ли правильно поступили, допустивъ избраніе въ число присяжныхъ лицъ, не только необразованныхъ, но и прямо безграмотныхъ. Они слѣдующимъ образомъ мотивировали это допущеніе. „Нѣтъ сомнѣнія, говорили они, что образованіе вообще, а юридическое—въ частности, болѣе всего способствуетъ правильному опредѣленію какъ силы представляющихся въ уголовномъ дѣлѣ уликъ, такъ и степени виновности подсудимаго; но къ этой цѣли могутъ привести и другія средства: проникательный и наблюдательный умъ, естественная здравая логика сужденій и знаніе мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и распорядковъ жизни; поэтому поставять образованіе единственнымъ мѣриломъ способности къ исполненію обязанности присяжнаго—значило бы стѣснять безъ нужды средства къ учрежденію суда чрезъ присяжныхъ, значило бы идти узкимъ

путемъ туда, куда ведетъ широкая дорога. Кромѣ того, такое исключительное условіе въ учрежденіи суда чрезъ присяжныхъ нарушило бы равновѣсіе между огражденіями, съ одной стороны, отъ опасности потворства явнымъ преступникамъ, а съ другой—отъ опасности неосновательныхъ осужденій. По причинѣ меньшаго или большаго развитія умственныхъ способностей, нѣкоторые люди видятъ связь между явленіями тамъ, гдѣ ее другіе вовсе не замѣчаютъ. Какъ тотъ, такъ и другой взглядъ нерѣдко впадаютъ въ крайности: самонадѣянность приводитъ къ фантастическимъ уликамъ, а робкая близорукость готова отрицать и явныя. По причинѣ большаго или меньшаго развитія юридическихъ понятій и опытности въ дѣлахъ, нѣкоторые люди дѣлаются недовѣрчивыми къ впечатлѣніямъ, производимымъ на нихъ доказательствами и уликами въ виновности подсудимаго и забываютъ иногда, что для человѣческаго правосудія достовѣрностью можетъ быть во многихъ случаяхъ только высшая степень вѣроятности; напротивъ того другіе, не зная, какъ часто самыя сильныя, повидимому, улики оказывались ошибочными, готовы увлечься своею впечатлительностью за предѣлы надлежащей осторожности. Понятно, что правда здѣсь, какъ и вездѣ, не въ крайностяхъ, а въ благоразумной серединѣ, къ которой и приводитъ столкновеніе мнѣній противоположныхъ.... Для каждаго подсудимаго долженъ служить важнымъ огражденіемъ такой составъ суда, въ которомъ находились бы люди не слишкомъ самонадѣянныя, не легко поддающіеся впечатлѣніямъ, производимымъ доводами обвинителей, наконецъ люди, произносящіе осужденіе, не отрѣшаясь отъ круга понятій подсудимаго.

„Такой судъ присяжныхъ можетъ быть составленъ только тогда, когда къ исполненію обязанности присяжнаго будутъ допущены лица различныхъ оттѣнковъ образованія, всѣхъ слоевъ общества, или всѣхъ сословій, не исключая ни мѣщанскаго, ни крестьянскаго, которые должны внести въ судъ присяжныхъ многіе элементы, необходимыя для правильности его дѣйствій, какъ-то: знаніе, въ отношеніи къ большей

части подсудимыхъ, нравовъ, обычаевъ и образа жизни той среды, въ которой подсудимый принадлежитъ, проникательность сметливаго русскаго ума, простоту здравыхъ суждений и болѣе вѣрное взвѣшиваніе соотношенія виновности подсудимаго, принадлежащаго къ ихъ сословію. Притомъ, судъ присяжныхъ нельзя бы было и признать судомъ общественной совѣсти, если бы устранить отъ исполненія обязанности присяжныхъ самый многочисленный слой нашего общества. По симъ соображеніямъ представляется необходимымъ принять за правило, съ одной стороны, что присоединяемые къ составу окружнаго суда присяжные засѣдатели назначаются отъ всѣхъ сословій: дворянскаго, городскаго и сельскаго, а съ другой, что условія назначенія присяжныхъ не зависятъ отъ общихъ узаконеній о выборахъ“ (журн. 1862 г. № 65, стр. 313—318).

II.

Разсмотрѣвъ условія избранія въ присяжные, мы должны теперь указать на взаимныя отношенія коллегіи коронныхъ судей и присяжныхъ. Не останавливаясь на двухъ различныхъ типахъ этихъ отношеній, принятыхъ на континентѣ и въ Англіи, мы будемъ говорить лишь о постановленіяхъ по этому предмету нашихъ судебныхъ уставовъ и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя внесла въ нихъ практика сената. Присяжные засѣдатели присоединяются къ составу судебныхъ мѣстъ для опредѣленія вины или невинности подсудимыхъ. На коронныхъ судьяхъ въ уголовныхъ дѣлахъ лежатъ, во первыхъ, принятіе мѣръ для того, чтобы предоставить присяжнымъ возможность всесторонне разсмотрѣть всѣ обстоятельства, сопровождавшія то преступное дѣяніе, которое передано ихъ разсмотрѣнію, и затѣмъ, во вторыхъ, по признаніи подсудимаго виновнымъ—опредѣленіе тѣхъ юридическихъ послѣдствій, которыя влечетъ за собою для осужденнаго совершенное имъ дѣяніе или—въ случаѣ оправданія его—освобожденіе его отъ суда. Такимъ образомъ, роли судей и

присяжныхъ въ уголовномъ процессѣ являются точно разграниченными. „Отъ присяжныхъ судей, читаемъ мы въ журналѣ соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта 1862 г. (№ 65 стр. 185) собственно требуется рѣшеніе того, изобличается ли подсудимый въ преступленіи, которое выставлено обвиненіемъ и слѣдствіемъ. Если законъ требуетъ отъ обсуживающихъ фактическую сторону дѣла только одного внутренняго убѣжденія, нестѣсняемаго никакими формальными доказательствами, то очевидно, что для справедливаго разрѣшенія такого вопроса присяжные, избираемые обыкновенно изъ той же среды, къ которой принадлежитъ обвиняемый, имѣютъ болѣе средствъ къ оцѣнкѣ факта, чѣмъ судьи, чуждые мѣстности или круга, въ коемъ совершилось преступленіе. Какъ тѣ, такъ и другіе пользуются одними и тѣми же данными, обнаруженными слѣдствіемъ, и едва ли возможно допустить, чтобы изъ этихъ данныхъ естественная логика, присущая каждому человѣку съ здравымъ умомъ, не могла вывести относящихся къ предмету обвиненія соображеній. Но сверхъ этихъ общихъ данныхъ, присяжные для открытія истины могутъ пользоваться ближайшею извѣстностью имъ поведенія и наклонностей подсудимаго, а равно мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и порядковъ домашней жизни, что проливаетъ иногда свѣтъ на такіа обстоятельства, которыя для людей, посвятившихъ себя исключительно кабинетнымъ занятіямъ, кажутся или темными или неимѣющими связи съ преступленіемъ“.... „Съ отмѣною этой системы (формальной теоріи доказательствъ), развившей у насъ безнаказанность за преступленія до крайнихъ предѣловъ, и съ предоставленіемъ суду рѣшать вопросъ о винѣ и невинности подсудимыхъ по однимъ уликамъ, сила которыхъ опредѣляется не рѣдко лишь ближайшимъ знакомствомъ съ нравами, обычаями, образомъ жизни и кругомъ понятій подсудимыхъ, представляется совершенно необходимымъ дать нашимъ сословнымъ засѣдателямъ значеніе судей одной фактической стороны дѣла, т. е. образовать изъ нихъ присяжныхъ судей, со всѣми гарантіями, представляемыми этимъ учрежденіемъ.“

Приведенная выписка достаточно ясно опредѣляетъ взаимныя отношенія въ судѣ элементовъ короннаго и народнаго. Этимъ раздѣленіемъ функцій обезпечивается высшая независимость суда присяжныхъ. Противники суда присяжныхъ, искажая постановленія уставовъ, говорятъ, что судъ присяжныхъ независимъ отъ требованій закона. Стоитъ прочесть присягу, которую даютъ присяжные, чтобы опровергнуть эти ламентации. Повторяемъ, что присяжные тѣмъ болѣе сознаютъ важность возложенныхъ на нихъ обязанностей, чѣмъ развитѣе въ обществѣ понятіе о справедливости и нравственномъ долгѣ. Не свобода, данная присяжнымъ, опасна, опасно если между судомъ короннымъ и присяжными нѣтъ согласія; если эти двѣ коллегіи, долженствующія идти рука объ руку, становятся въ положеніе двухъ враждебныхъ лагерей. Но это можетъ быть лишь тогда, когда на судъ присяжныхъ смотрятъ какъ на институтъ политическій и когда въ этомъ смыслѣ стараются его прессировать. Собственно такого строгаго различія между областью факта и права, которое проводится въ теоріи, нельзя добиться на практикѣ. Присяжные, отвѣчая на вопросъ о виновности, кромѣ часто внѣшнихъ фактовъ проявленія злой воли, не могутъ не обращать вниманія и на внутреннюю сторону дѣянія, сторону, опредѣляемую юридическими понятіями—соучастія, разумнія, направленія воли. Требовать отъ нихъ отвѣта на внѣшній фактъ, безъ всякаго соображенія его съ понятіями моральнаго порядка — это значило бы совершенно извращать институтъ, такъ какъ вопросъ о виновности человѣка неразрывно связанъ съ моральной стороной его дѣянія. Точно также и коронный элементъ суда не можетъ быть устраненъ отъ участія въ фактической сторонѣ дѣла. Поэтому на него возложено рѣшеніе вопросовъ, касающихся и фактической стороны, какъ-то: относительно вызова свидѣтелей, устраненія на судъ всего, неотносящагося къ дѣлу, постановка вопросовъ. „Не въ механическомъ разграниченіи правовой и фактической областей, говорить профессоръ Фойницкій, которое при судебномъ разборѣ никогда не можетъ быть достигнуто, а въ дружномъ совмѣст-

номъ дѣйствиі профессиональныхъ юристовъ и народныхъ судей, для выясненія и разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, какъ фактическихъ, такъ и юридическихъ, въ дѣлѣ встрѣтившихся, лежитъ сила института присяжныхъ. Отдѣленіе ихъ отъ коронныхъ судей служить не качеству способности къ отправленію правосудія, а лишь качеству судебной независимости. Но оно не ослабляетъ такой способности, по слѣдующимъ причинамъ:

Во первыхъ, устраняя сліяніе элементовъ короннаго и народнаго. институтъ присяжныхъ предполагаетъ ихъ единеніе; выносимый при этомъ приговоръ есть результатъ совмѣстной дѣятельности судей коронныхъ и народныхъ, на общей ихъ совѣсти и отвѣтственности лежащій.

Во вторыхъ, коронный составъ суда, отдѣльно отъ народнаго организованный, не стѣсняется послѣднимъ при разрѣшеніи такихъ вопросовъ, которые требуютъ дѣятельности профессиональнаго юриста; но ему доставляются всѣ средства сообщить народнымъ судьямъ техническія познанія, для судебной дѣятельности необходимыя.

Въ третьихъ, занимая самостоятельное положеніе, народные судьи, въ свою очередь, могутъ дать отвѣтъ въ предѣлахъ своей житейской опытности, не стѣсняясь такимъ давленіемъ авторитетныхъ для нихъ судей коронныхъ, которое избѣгаетъ контроля сторонъ и оставляетъ мѣсто сомнѣнію о безпристрастіи приговора. Напротивъ, легальные способы вліянія на присяжныхъ находятся въ распоряженіи суда въ значительномъ объемѣ, такъ что онъ въ силахъ выполнить тѣ пробы свѣдѣній и тѣ ошибки во взглядахъ судей народныхъ, которые имъ будутъ усмотрѣны.

Въ четвертыхъ, опытъ показываетъ, что участіе судей народныхъ, въ формѣ самостоятельной коллегіи, служитъ для суда лучшимъ побужденіемъ къ тщательному соблюденію всѣхъ предписанныхъ закономъ формъ производства, значеніе которыхъ умаляется при всякой иной системѣ суда и которая, потому, менѣе соблюдается. Замѣчено, что и нашъ присяжный судъ дѣйствуетъ несравненно легальнѣе суда без-

присяжного. Основныя начала непосредственности, устности, гласности и равноправности сторонъ, въ послѣднемъ утрачиваютъ свою живучесть, превращаясь въ пустыя обрядности ничтожнаго практическаго значенія, такъ какъ безприсяжный судъ въ совѣщательной комнатѣ можетъ знакомиться съ письменнымъ производствомъ и даже—какъ иногда дѣлается, дополнить узнанное на судебномъ слѣдствіи нелегальными бесѣдами со сторонами.

Въ пятыхъ, присяжные засѣдатели, поставленные независимо отъ судей коронныхъ, были прекраснымъ средствомъ для перехода отъ теоріи формальныхъ уликъ къ началу суда по внутреннему убѣжденію и совѣсти. Участіе въ составѣ ихъ профессиональнаго судьи, привыкшаго къ формальной теоріи, не могло бы не склонять весьма часто и ихъ на ея сторону, вопреки волѣ новаго закона. Въ этомъ отношеніи историческая заслуга института присяжныхъ такъ несомнѣнна и велика, что ее вынуждены признать даже его противники“.

Сводя въ одно все сказанное о принципиальной постановкѣ у насъ суда присяжныхъ, всякій безпристрастный человѣкъ долженъ признать, что устанавливая эту форму суда, имѣющаго у насъ къ тому же свои историческіе корни, составители уставовъ:

1) вводя въ отправленіе правосудія элементъ народный, который и въ наукѣ и практикѣ всѣхъ безъ исключенія культурныхъ государствъ признается безусловно необходимымъ для правосудія—они приняли форму, дондѣсь признаваемую наиболѣе совершенной.

2) предоставивъ обществу всецѣло заботу объ избраніи присяжныхъ—они поступили вполне правильно, такъ какъ въ противномъ случаѣ судъ присяжныхъ не могъ бы пользоваться довѣріемъ общества, а въ этомъ довѣріи лежитъ весь успѣхъ дѣла.

3) указавъ на *подзаконную* дѣятельность суда присяжныхъ они дали коронному суду значеніе органа закона, направляющаго дѣятельность присяжныхъ и наблюдаю-

щаго, чтобы эта дѣятельность не переходила положенной ей черты.

III.

Теперь обратимся къ законоположеніямъ, изданнымъ въ первое 25-лѣтіе судебныхъ уставовъ, по вопросу объ организаціи и предметахъ вѣдомства суда присяжныхъ. При самомъ утвержденіи судебныхъ уставовъ государственный совѣтъ изъясилъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ. Это изъясненіе мотивировалось слѣдующими соображеніями. Государственный совѣтъ нашелъ, что „преступленія, направленныя не противъ частныхъ лицъ или отдѣльныхъ членовъ общества, а противъ всего государства или охраняющей его власти, гораздо важнѣе и опаснѣе всѣхъ другихъ преступленій, но, по особому свойству своему не всегда и не во всѣхъ членахъ общества возбуждаютъ такое же, какъ другія преступленія, отвращеніе, особенно если прикрываются ложною наружностью мнимаго желанія общественнаго блага. Наружность эта иногда такъ обманчива, что для многихъ людей, имѣющихъ неправильныя понятія о долгѣ гражданина и отношеніяхъ его къ правительству, самыя преступныя дѣла представляются совсѣмъ въ иномъ видѣ, получаютъ совсѣмъ другое значеніе и вмѣсто строгаго, вполне заслуженнаго осужденія, встрѣчаютъ сочувствіе. При такихъ воззрѣніяхъ, предоставить присяжнымъ разрѣшеніе вопроса о преступности или не преступности дѣйствій, превратно толкуемыхъ и невѣрно понимаемыхъ многими, иногда даже добросовѣстными членами общества, значило бы оставить государство, общество и власть безъ всякой защиты“. Указанныя соображенія на нашъ взглядъ недостаточно убѣдительны и, конечно, не основаны на опытѣ. Въ русскомъ народѣ такъ сильна любовь къ своему Царю, въ его мнѣніи такъ высоко стоятъ государственныя интересы, что сомнѣваться въ томъ, что общество, въ лицѣ своихъ представителей—присяжныхъ, не будетъ охранять эти интересы, нѣтъ ровно никакихъ основаній.

Нисколько неудивительно, что противники института при-

сяжных воспользовались тѣмъ, что само правительство какъ бы не вполнѣ вѣрить присяжнымъ, изъявъ изъ ихъ компетенціи государственныя преступленія, стали эксплуатировать это недовѣріе. Предупрежденіе, сдѣланное знаменитымъ Миттермайеромъ, чтобы правительство, не видя немедленно плодовъ, ожидаемыхъ имъ отъ новыхъ учреждений, не было бы запугано приверженцами стараго порядка и врагами всякихъ нововведеній—не привело ни къ чему. Два несчастныхъ дѣла, Протопопова и Засуличъ, кончившіеся оправдательными (совершенно неосновательными) приговорами, подорвали кредитъ присяжныхъ и закономъ 9 мая 1878 года дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ главахъ первой, второй и пятой раздѣла IV улож. о нак., когда они влекутъ за собою наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, равно какъ дѣла объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ, нанесеніе имъ ранъ или увѣчій и другихъ насильственныхъ противъ нихъ дѣйствій, или же объ угрозахъ имъ, когда преступленія эти совершены при исполненіи должностными лицами служебныхъ обязанностей, либо вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, были изъяты (временно) изъ юрисдикціи присяжныхъ и переданы для разрѣшенія въ судебныя палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Законъ 9 августа 1878 г. передалъ наиболѣе важныя изъ этихъ дѣлъ въ военныя суды, а законъ 11 мая 1882 г. вернулъ часть дѣлъ этого разряда въ юрисдикцію присяжныхъ.

Въ это время нападки на судъ присяжныхъ дошли до своего апогея. Не было того обвиненія, которымъ не бросали въ этотъ институтъ, не было той брани, которою его не позорили. Быть можетъ этому движенію не чуждо и появленіе закона 7 іюля 1889 г., которымъ производство дѣлъ по преступленіямъ, предусмотрѣннымъ 263—272, 274, 276, 282, 286¹, 304, 315, 618, 633, 755, 756, 803, 823, 824, 830, 1083, 1085, 1143, 1144, 1154—1156, 1225, 1236, 1241, 1254, 1262 и 1554 статьями улож. о нак., изъято изъ юрисдик-

ж. гр. и уг. пр. кн. ix 1889 г.

ціи присяжныхъ и передано судебнымъ палатамъ съ участіемъ сословныхъ представителей.

Такимъ образомъ институтъ присяжныхъ, вступая во второе 25-лѣтіе своего учрежденія, является значительно ограниченнымъ въ своей компетенціи. Мы не можемъ входить въ разборъ тѣхъ отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, по которымъ присяжные не признаны способными доставлять защиту государству и обществу. Мы не можемъ въ краткомъ обзорѣ законоположеній, касающихся присяжныхъ, подробно останавливаться на мотивахъ, послужившихъ основаніемъ для этихъ ограниченій. Но мы должны отмѣтить одно. Есть же много цѣннаго въ дѣятельности этого, столь жестоко преслѣдуемаго извѣстными органами печати и ими же оклеветаннаго института, если онъ по прежнему сохраненъ для важнѣйшихъ преступленій общаго характера. Высшая власть, подвергая изслѣдованію дѣятельность присяжныхъ по извѣстнаго рода преступленіямъ, не могла, конечно, не остановиться на тѣхъ принципахъ, на которыхъ покоится этотъ институтъ, не могла не обсудить, насколько они отвѣчаютъ государственнымъ потребностямъ величайшей важности. Уже одно то, что признано необходимымъ только ограничить, а не уничтожить институтъ присяжныхъ, лучше всего говоритъ, какъ не правы тѣ, которые смѣютъ называть этотъ судъ, Высочайшей властью дарованный на благо и пользу народа, судомъ улицы. Нелишнее напомнить и о томъ, что честные, образованные противники этой формы суда, какъ напр. профессоръ Іерингъ, признаютъ, что институтъ присяжныхъ освободилъ юстицію отъ двоякаго гнета, давившаго ее до него, отъ гнета незаконныхъ насилій надъ личностью и отъ бремени средневѣковой теоріи доказательствъ. Эти услуги Іерингъ считаетъ драгоцѣнными, неоцѣнными.

IV.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію измѣненій, происшедшихъ со дня утвержденія уставовъ Императора Александра II, въ самой организаціи института и въ толкованіямъ сената по вопросамъ, касающимся присяжныхъ. Самымъ

важнымъ изъ законоположеній, касающихся организаціи присяжныхъ, слѣдуетъ признать законъ 28 апрѣля 1887 г., окончательно измѣнившій порядокъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей. Мы уже указывали выше, что комисіи по составленію списковъ, пообщимъ отзывамъ, съ непростительной небрежностью относились къ важнымъ обязанностямъ, на нихъ возложеннымъ. Министерство юстиціи задолго до 1884 г. сознало, что въ комиссіяхъ дѣло составленія списковъ ведется дурно и еще въ 1871 году просило губернаторовъ обратить вниманіе предсѣдателей временныхъ комиссій на ту осмотрительность, съ которою надлежитъ дѣйствовать при выборѣ присяжныхъ засѣдателей изъ общихъ въ очередные списки, и на лежащую на комиссіяхъ нравственную отвѣтственность за неудачный выборъ лицъ, коимъ ввѣрены интересы правосудія и охраненіе общественной и частной безопасности. Затѣмъ сенатъ, въ маѣ 1880 г., нашелъ, съ своей стороны, необходимымъ разъяснить, что составленіе очередныхъ списковъ присяжныхъ потому поставлено внѣ всякаго контроля, что только подъ этимъ условіемъ присяжные могутъ быть дѣйствительными представителями общественной совѣсти; но законъ, вручая комиссіямъ обширные права и обязанности, требуетъ отъ чиновъ этихъ комиссій *сознательнаго и добросовѣстнаго* исполненія своихъ обязанностей. Но и это не помогло. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ обнаруженъ чрезвычайно прискорбный фактъ, что масса лицъ, принадлежащихъ къ уѣздной интеллигенціи, систематически уклоняется отъ исполненія обязанности присяжныхъ. Нѣкій г. Никитинъ рассказываетъ въ своей книгѣ „Общественные погрѣшности“, что когда въ концѣ 1870 года, онъ, не получая повѣстки объ избраніи его въ присяжные, пошелъ съ товарищемъ въ с.-петербургскую городскую думу и розыскалъ чиновника, занимавшагося составленіемъ списковъ присяжныхъ, то послѣдній, прежде всего, хотѣлъ спастись отъ нихъ бѣгствомъ. Когда же его остановили, то онъ скороговоркой проговорилъ: „вы вѣдь пришли *оттравиваться* отъ засѣдательства, да? Не могу, никакъ не могу,

сть отказываются, никто не хочет въ засѣдатели и т. п.“. Справедливость сообщенія г. Никитина не можетъ подлежать сомнѣнію.

Затѣмъ, закономъ 12 іюня 1884 г., порядокъ составленія списковъ присяжныхъ былъ измѣненъ, но на этихъ измѣненіяхъ мы останавливаться не станемъ, такъ какъ они вошли въ нынѣ дѣйствующій законъ отъ 28 апрѣля 1887 года, къ разсмотрѣнію коего мы теперь и переходимъ.

Законъ 28 апрѣля воснулъ какъ тѣхъ условій, которыя даютъ возможность быть присяжнымъ, такъ и организаціи учреждений, завѣдывающихъ выборомъ въ присяжные. Прежде всего, новый законъ установилъ мудрое правило, что грамотность составляетъ необходимое условіе права быть присяжнымъ. На настоятельную необходимость этаго условія мы указывали выше. Затѣмъ лица, впавшія въ крайнюю бѣдность, лишены права быть присяжными. Въ мотивахъ къ этому ограниченію министръ юстиціи указалъ, что недостаточность средствъ такихъ присяжныхъ засѣдателей, которые иногда даже не могутъ себя содержать во время судебной сессіи и принуждены просить милостыню, представляетъ слишкомъ удобную почву для всякаго рода воздѣйствія на нихъ со стороны зажиточныхъ подсудимыхъ, направленнаго къ расположенію ихъ въ свою пользу. Затѣмъ, упорядочены условія ценза и участіе, въ качествѣ присяжныхъ, лицъ, находящихся на государственной службѣ; наконецъ, измѣненъ порядокъ составленія общихъ и очередныхъ списковъ.

Измѣненія, внесенныя въ порядокъ составленія очередныхъ списковъ, наиболѣе существенны. Мы уже указывали, въ чьи руки попало это важное дѣло. Еще закономъ 12 іюня 1884 года былъ временно измѣненъ составъ комисіи, составлявшей очередные списки и такъ какъ на практикѣ измѣненіе это оказалось удобнымъ, то постановленія по этому предмету закона 12 іюня и были приняты за исходную точку дальнѣйшихъ мѣропріятій по организаціи комисій.

IV.

Изъ другихъ законоположеній, касающихся присяжныхъ, мы упомянемъ лишь о предоставленномъ присяжнымъ засѣдателямъ правѣ принимать участіе въ постановкѣ вопросовъ на судебномъ слѣдствіи. Что касается разъясненій уголовного кассационнаго департамента сената относительно дѣятельности присяжныхъ, то кассационный сенатъ съ начала своей дѣятельности старался доказать, что присяжные входятъ въ составъ суда *единственно* для разрѣшенія *фактической стороны дѣла*. По мнѣнію сената, присяжные исключительно рѣшаютъ вопросъ о достовѣрности предложенныхъ имъ фактовъ и вмѣненіи подсудимому въ вину совершеннаго имъ дѣянія, а судьи постановляютъ, что такіе-то законные признаки преступленія осуществляются въ признанныхъ присяжными фактахъ, что вся совокупность этихъ признаковъ исчерпываетъ требуемый закономъ составъ извѣстнаго преступленія и что, наконецъ, подсудимому должно быть назначено такое-то наказаніе. Очевидно сенатъ вполне усвоилъ себѣ формулу „*de jure respondent judices, de facto juratores*“.

Но неуклонно провести эту формулу, достаточно оцѣненную наукой права, сенату не удалось. Да едва ли и могло удасться, такъ какъ рѣшительно невозможно провести рѣзкой черты въ живомъ дѣлѣ, такъ сказать судебного спора и состязанія между фактомъ и юридической нормой.

V.

Теперь намъ слѣдуетъ остановиться вкратцѣ на вопросѣ—какъ дѣйствовалъ на практикѣ нашъ судъ присяжныхъ?

По для того, чтобы оцѣнить отвѣтъ, указываемый наблюденіями близко стоящихъ къ дѣлу людей и цифрами судебныхъ отчетовъ, въ интересахъ справедливости слѣдуетъ имѣть въ виду, что судъ присяжныхъ дѣйствуетъ пока при условіяхъ, которыя никакъ не могутъ назваться нормальными: С. С. Хрулевъ, въ своей прекрасной статьѣ „О судѣ присяжныхъ“ помѣщенной въ 1886 г. въ нашемъ журналѣ, указываетъ на слѣдующіе тормазы, которые судъ присяжныхъ неизмѣнно,

въ теченіи всѣхъ истекшихъ 25 лѣтъ, встрѣчалъ въ своей дѣятельности:

1) Неправильное (до послѣдняго времени) составленіе списковъ, поведшее къ тому, что въ составъ присяжныхъ попадали лица, для успѣха дѣла вовсе нежелательныя.

2) Несовершенство нашихъ уголовныхъ законовъ, всѣми, начиная съ Верховной власти, признанное, которое подчасъ заставляло оправдывать подсудимыхъ, несомнѣнно виновныхъ, въ виду полного несоотвѣтствія вины съ мінімумомъ грозящаго наказанія.

3) Неправильная, неясная постановка вопросовъ, главнымъ образомъ вызываемая требованіемъ сената избѣгать „юридическихъ терминовъ“, и замѣнять ихъ общеупотребительными выраженіями, напр. вмѣсто выраженія запальчивость и раздраженіе — ставить вопросъ „страстный порывъ“ (!!!)

4) Вліяніе предсѣдателей, проводящихъ нерѣдко свои личные взгляды.

5) Переутомленіе присяжныхъ массой разсматриваемыхъ въ одинъ день дѣлъ.

6) Невозможныя внѣшнія условія на уѣздныхъ сессіяхъ, фактически лишающія присяжныхъ возможности внимательно разбирать дѣла.

7) Разсмотрѣніе дѣлъ судомъ безъ явки нужныхъ свидѣтелей и торопливость въ рѣшеніи дѣлъ.

8) Неосновательность обвиненій и дурное (подчасъ) поддержаніе таковыхъ на судѣ, а равно и отсутствіе въ уѣздахъ порядочной адвокатуры.

Поискавши, можно бы найти немало и другихъ тормозовъ, но думаемъ, что и приведенныхъ достаточно. Несмотря на то, тотъ же авторъ свидѣтельствуетъ, что судъ присяжныхъ „до такой степени сроднился съ обществомъ и народомъ, до такой степени сталъ ему дорогъ, что уничтоженіе его не забылось бы такъ скоро, какъ уничтоженіе другихъ какихъ либо учрежденій“.

Но допустимъ, что оцѣнка судебныхъ дѣятелей можетъ быть невѣрна и пристрастна и обратимся къ безстрастному

языку цифръ. Судъ присяжныхъ принято обвинять въ наклонности къ чрезмѣрнымъ оправданіямъ, въ недостатокъ репрессіи. Но вотъ что отвѣчаютъ на эти модныя упреки цифры: Беремъ данныя за 1874—1881 года и оказывается, что присяжными за этотъ періодъ изъ 248,239 обвиняемыхъ—было осуждено 155,373 и оправдано 92,866, т. е. 37,7%. Въ то же время коронными судами безъ участія присяжныхъ, изъ 72,269 подсудимыхъ было оправдано 19,470 или 26,8%. Если вычесть изъ числа судившихся безъ присяжныхъ бродягъ (10,385), которыхъ суды, какъ извѣстно, оправдывать не могутъ, то окажется, что % оправданій въ безприсяжномъ судѣ поднимется до 31,2%. Въ варшавскомъ округѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ присяжныхъ, оправданій 33%.

Если брать цифры оправданій по округамъ, то окажется напр. что въ округахъ: харьковскомъ, число оправданныхъ подсудимыхъ присяжными (безъ бродягъ) *меньше* числа оправданныхъ судьями коронными. Только въ одесскомъ округѣ присяжные оправдали вдвое больше, чѣмъ коронные судьи. Причина послѣдняго обстоятельства очевидна, такъ какъ фактически доказано, что нигдѣ списки присяжныхъ не составлялись такъ скверно, какъ въ одесскомъ округѣ.

Со времени же введенія новаго порядка составленія списковъ, число обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ увеличилось. На это не разъ указывалось, на основаніи фактическихъ данныхъ (отчетовъ судовъ), въ хроникахъ нашего журнала. Еще поразительнѣе будутъ выводы о будто бы слабой репрессіи присяжныхъ, если сравнить ихъ дѣятельность съ дѣятельностью судебныхъ палатъ, съ участіемъ сословныхъ представителей. За тотъ же періодъ времени 1874 — 1881 г.г. % отношеніе числа оправданій къ общему числу подсудимыхъ въ палатахъ составляетъ 40,8%, т. е. на 3,1% больше чѣмъ у присяжныхъ. Взявши число оправданій по каждой палатѣ отдѣльно мы увидимъ, что въ с.-петербургской палатѣ % оправданій=32,5; въ московской—40; въ харьковской—50; въ одесской—40; въ казанской—31; въ саратовской—37,6 и въ кievской—65. Говорить о слабости репрессіи при-

сяжныхъ и только присяжныхъ, въ виду указанныхъ цифръ, едва ли умѣстно. Каковъ будетъ судъ присяжныхъ, когда уничтожатся тѣ тормазы, которые до сихъ поръ мѣшали его развитію— о томъ скажетъ намъ будущее, а теперь закончимъ нашъ бѣглый очеркъ словами публициста, писавшаго о судѣ присяжныхъ до его введенія. „Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ засѣдателей, долженъ быть и будетъ живою общественною силою и идея законности и права станетъ могучимъ дѣятелемъ народной жизни“ (Моск. Вѣд. 1866 г. № 86). Это предсказаніе мы вправѣ признать сбывшимся на дѣлѣ.

Z.

ОЛѢДСТВЕННАЯ ЧАСТЬ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ.

Изъ всѣхъ должностей по судебному вѣдомству, должность судебного слѣдователя самая многострадальная, требующая большого запаса выносливости, мужества, силъ, энергіи и здоровья. Условія жизни большинства слѣдователей въ уѣздныхъ городахъ, а подчасъ и въ селахъ, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, самыя безотрадныя. Почти круглый годъ судебные слѣдователи (мы, конечно, исключаемъ городскихъ и столичныхъ слѣдователей) не выходятъ изъ тѣлги и саней въ которыхъ они околачиваютъ гигантскія разстоянія нашего отечества по плохимъ, иногда трудно проѣзжимъ, дорогамъ. Неудивительно, что слѣдственная дѣятельность вліяетъ очень разрушительно на здоровье слѣдователя. Не мало приходится на его долю и нравственныхъ потрясеній. Его дѣятельность съ внѣшней стороны прикрываетъ собою всѣхъ, кто является вольною или невольною причиною медленности производства или необнаруженія виновныхъ. Отсюда проистекаетъ обычное огульное осужденіе нашихъ слѣдователей. Подобно тому какъ въ каждомъ желѣзнодорожномъ крушеніи непременно оказывается виновнымъ стрѣлочникъ или желѣзнодорожный сторожъ, такъ и въ неудачахъ судебного дѣла вся вина, или значительная ея часть, сваливается, обыкновенно, на судебного слѣдователя.

Не въ защиту слѣдователей во что бы то ни стало, но во имя справедливости мы должны сказать, что обвиненія,

ж. гр. и уг. пр. кн. ix 1889 г.

падающія на нихъ, очень и очень преувеличены. Мы сами далеки отъ мысли утверждать, чтобы дѣятельность нашихъ слѣдователей была вполне удовлетворительна. Но дѣло въ томъ, что причины неудовлетворительности во многомъ лежатъ внѣ личной вины слѣдователя. Возьмемъ для примѣра плохое состояніе нашей полиціи, которое такъ ощутительно отражается на неудачахъ предварительнаго слѣдствія. Развѣ въ этомъ виноваты наши слѣдователи?—Конечно нѣтъ. Между тѣмъ всѣ и подобные имъ недостатки ложатся исключительно на голову судебныхъ слѣдователей.

Истекшія 25 лѣтъ въ дѣятельности нашего слѣдственнаго института да послужатъ къ болѣе спокойному, а главное—къ болѣе безпристрастному и справедливому отношенію къ этому институту. Въ дѣятельности судебныхъ слѣдователей, кромѣ одной тѣневой стороны, есть и свои свѣтлыя стороны. Для правильной оцѣнки надо брать въ расчетъ и тѣ и другія.

Вотъ, напримѣръ, что свидѣтельствууетъ одинъ судебный дѣятель, близко знаемый съ слѣдственной дѣятельностью, хотя и не принадлежащій къ слѣдственной корпораціи. „Надо видѣть ¹⁾), говоритъ онъ, съ какимъ довѣріемъ народъ относится вообще къ слѣдователямъ, для того, чтобы понять, насколько этотъ „слѣдователь“ въ духѣ народа. Намъ много разъ приходилось видѣть въ Полтавской губерніи, гдѣ народъ крайне недовѣрчивъ, что къ слѣдователямъ обращаются за совѣтомъ по своимъ дѣламъ, совершенно также какъ въ Англіи обращаются за совѣтомъ къ полицейскимъ судьямъ. Достаточно помнить, что не смотря на то, что показанія свидѣтелей по неграмотности ихъ рѣдко подписываются ими, на судѣ развѣ изъ сотни дѣлъ по одному какой нибудь свидѣтель заявитъ, что показаніе его не такъ записано, но это заявленіе сейчасъ же найдетъ себѣ объясненіе въ личности свидѣтеля и очень часто опровергается другими свидѣтелями, которые удивляются, какъ это можно подуматъ, что

¹⁾ С. Хрулевъ, Суды и судебные порядки, Юридическій Вѣстникъ 1884 годъ, кн. 9.

слѣдователь записалъ неправильно? Много разъ намъ приходилось слышать отвѣтъ свидѣтелей на вопросъ слѣдователя, нѣтъ ли здѣсь грамотнаго, кто бы могъ росписаться? „Помилуйте, зачѣмъ подписываться, подпишитесь вы, будетъ вѣрно“! *Такіе отвѣты могутъ быть продиктованы только сложившимися отношеніями народа къ слѣдователямъ, заслужившимъ довѣріе народа. А мнѣніе народа не есть мнѣніе одного человѣка: масса народа всегда даетъ правильную оцѣнку и учрежденію и человѣку.*“

Истекшее двадцатипятилѣтіе побуждаетъ насъ оглянуться назадъ, опредѣлить, какъ сложилась въ нашемъ законѣ судебно-слѣдственная реформа и какія дальнѣйшія перипетіи она переживала въ нашемъ законодательствѣ, въ судебной практикѣ и въ литературѣ. Мы заранее оговариваемся, что нашъ очеркъ, по необходимости очень сжатый, не можетъ расчитывать исчерпать въ указанныхъ направленіяхъ интересный и важный вопросъ о слѣдственной части.

I.

Дореформенное состояніе слѣдственной части въ Россіи было отчаянное. Чтобы много не распространяться по этому предмету, достаточно будетъ привести изъ рѣчи Н. И. Стояновскаго ¹⁾, произнесенной имъ въ общемъ собраніи с.-петербургскаго юридическаго общества 3 февраля 1880 года, нѣсколько знаменательныхъ воспоминаній его изъ прошлаго.

„При заочномъ судѣ, говорилъ ораторъ, самымъ надежнымъ доказательствомъ считалось собственное признаніе подсудимаго, не смотря на то, что требовавшаяся дѣйствовавшими тогда законами повѣрка „совершенно ли оно сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ и показаны ли притомъ такіа обстоятельство дѣйствія, по которымъ о достовѣрности и истинѣ онаго сомнѣваться невозможно“ — была почти невозможна, такъ какъ весьма трудно было знать, *насколько протоколы, составленные производившими слѣдствіе становыми*

¹⁾ Г. Джанинговъ, Страница изъ исторіи судебной реформы, стр. 122.

приставами, а чаще всего — ихъ письмоводителями, согласны съ действительностью. Къ 1855 году составъ судовъ значительно улучшился, но производители слѣдствія остались тѣ же; въ этомъ году въ шестомъ департаментѣ (въ которомъ Н. И. Стояновскій былъ тогда оберъ-прокуроромъ) производилось по Высочайшему повелѣнію слѣдствіе о виновныхъ въ составленіи на трехъ страницахъ протокола о собственномъ сознаніи государственнаго крестьянина въ убійствѣ жены, которая черезъ годъ послѣ наказанія подсудимаго плетью и ссылкой его въ каторжныя работы, оказалась живущею въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, гдѣ жилъ ея мужъ. Протоколъ этотъ былъ подписанъ чернилами разныхъ цвѣтовъ, семью должностными лицами, составлявшими временное отдѣленіе вѣмоваго суда, въ томъ числѣ исправникомъ, становымъ приставомъ, уѣзднымъ стряпчимъ, депутатомъ со стороны государственныхъ имуществъ и священникомъ, увѣщавшимъ подсудимаго. Оказалось, что протоколъ написанъ письмоводителемъ становаго пристава и ложенъ отъ перваго слова до послѣдняго. “Страшно подумать, что такіе факты имѣли мѣсто у насъ еще въ сравнительно недавнее время.

Первымъ по времени закономъ, положившимъ начало новому порядку изслѣдованія уголовныхъ дѣлъ, было Высочайше утвержденное 8 іюля 1860 года *„учрежденіе судебныхъ слѣдователей“* съ двумя приложенными къ нему *„наказами“*: судебнымъ слѣдователямъ и полиціи (о производствѣ дознаній по происшествіямъ, могущимъ заключать въ себѣ преступленіе или проступокъ). Законъ этотъ хотя и составляетъ первый существенный шагъ на пути къ судебной реформѣ, но тѣмъ не менѣе въ немъ еще сильно чувствуется колебаніе между старыми и новыми началами и замѣтна нерѣзкость стать на сторону однихъ новыхъ началъ.

Розыскной характеръ остался господствующимъ въ этомъ народившемся у насъ слѣдственномъ институтѣ. Самое отдѣленіе слѣдственно-судебной власти отъ административной было намѣчено очень слабо. Судебные слѣдователи были отнесены въ вѣдомству министерства юстиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ

самое назначеніе, перемѣщеніе и увольненіе ихъ было установлено по представленіямъ начальника губерніи, который избиралъ кандидатовъ по соглашенію съ губернскимъ прокуроромъ (ст. 2 учрежд. судеб. слѣдов.). Губернаторъ, по соглашенію съ прокуроромъ, назначалъ судебнымъ слѣдователямъ ихъ слѣдственные участки (ст. 8). Наконецъ, въ порядкѣ сношеній, губернаторы давали имъ предписанія и, въ свою очередь, отъ нихъ получали рапорты и доношенія (ст. 30).

Такая постановка судебно-слѣдственного института, введеннаго притомъ до общей судебной реформы, не могла дать удовлетворительныхъ результатовъ. Приклеенная къ дореформеннымъ уѣзднымъ судамъ, судебно-слѣдственная реформа напоминала собою заплату на старомъ изношенномъ платьѣ.

По удостовѣренію одного изъ судебныхъ слѣдователей того времени ¹⁾, „они были совершенно связаны въ своихъ дѣйствіяхъ и поневолѣ должны были служить не дѣлу, а формѣ и исполненію бюрократическихъ требованій; на каждомъ шагу встрѣчали они не содѣйствіе и сочувствіе, а пагубное для дѣла равнодушіе и формализмъ. Поэтому, при самой доброй волѣ и при всѣхъ стараніяхъ дѣятельныхъ слѣдователей, большая часть производимыхъ нынѣ слѣдствій есть не что иное, какъ рассказы извѣстныхъ происшествій, съ поименованіемъ лицъ пострадавшихъ, но не дѣйствовавшихъ, или съ указаніемъ заподозрѣнныхъ, но такъ слабо учтенныхъ, что судъ надъ преступникомъ кончается преимущественно оставленіемъ въ подозрѣніи.“

Далѣе, въ этомъ чрезвычайно интересномъ отзывѣ г. Бергхольца говорится, что „по какимъ-то темнымъ причинамъ“ судебные слѣдователи встрѣчаютъ въ большей части полицейскихъ чиновниковъ такой антагонизмъ, что вмѣсто ожидаемаго содѣйствія и помощи, судебные слѣдователи затрудняются ими только въ своихъ дѣйствіяхъ. Почти всѣ дѣла,

¹⁾ Сводъ замѣчаній и предположеній о развитіи основныхъ положеній преобразования судебной части въ Россіи. 1863 годъ ч. 1 стр. 641—650. Мнѣніе судебного слѣдователя алатырскаго уѣзда фонъ-Бергхольца.

поступавшія въ то время изъ полиціи, г. Бергхольцъ дѣлитъ на двѣ категоріи: или они не заключаютъ никакого дознанія, или дознаніе произведено такъ, что всѣ слѣды совершеннаго преступленія, если не скрыты, то затемнены и спутаны по невозможности уяснить ихъ формальнымъ слѣдствіемъ.“

Изъ приведеннаго отзыва лица, стоявшаго у слѣдственнаго дѣла въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, видно, что какъ по организаціи, такъ и по условіямъ дѣятельности того времени, слѣдственная часть получила весьма печальную постановку.

Нельзя при этомъ не пожалѣть, что такой важный институтъ, какъ судебно-слѣдственный, былъ введенъ до общей судебной реформы. Сравнительно короткій промежутокъ времени, въ теченіи котораго институтъ этотъ дѣйствовалъ на глазахъ составителей судебныхъ уставовъ, не давалъ быющихъ въ глаза доказательствъ своей непригодности. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что хотя въ средѣ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи уставовъ и раздавались единичные голоса противъ инквизиціонной формы предварительнаго слѣдствія, однако голоса эти не встрѣтили сочувствія. Вообще, нельзя не признать, что учрежденіе судебныхъ слѣдователей отъ 8 іюля 1860 года значительно повліяло на существующую у насъ конструкцію предварительнаго слѣдствія. Въ этомъ отношеніи учрежденіе это было злой мачихой нашего судебно-слѣдственного института.

Плачевные результаты учрежденія судебныхъ слѣдователей 1860 года сказались, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ отзывахъ практиковъ на основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи 1862 года. Въ отзывахъ этихъ встрѣчаются мнѣнія, отвергавшія въ принципѣ необходимость судебныхъ слѣдователей.

Такъ напримѣръ, лідскій уѣздный стряпчій Виленской губерніи Бутаровскій ¹⁾ доказывалъ, что судебные слѣдователи вовсе ненужны, такъ какъ они составляютъ напрас-

¹⁾ Сводъ замѣчаній и предположеній, ч. I, стр. 59.

ный расходъ казнѣ безъ всякой пользы. „Слѣдователи, говорится въ отзывѣ г. Бутаровскаго, имѣютъ право спрашивать или отбирать показанія безъ присяги, но это есть только дознание, которое, по § 8 наказа полиціи, Высочайше утвержденнаго 8 іюля 1860 года, обязана сдѣлать полиція. Ей это даже удобнѣе и сподручнѣе, безъ всякихъ съ мѣстной властью переписокъ, а тѣмъ самымъ безъ отлагательства, не выжидая никогда прибытія судебного слѣдователя“.

Полоцкій уѣздный судья Сумарововъ ¹⁾ точно также полагалъ, что судебные слѣдователи вовсе ненужны и что дѣйствія ихъ слѣдовало бы передать чиновникамъ полиціи, которыхъ по судебной части поставить въ зависимость отъ прокуроровъ и окружныхъ судовъ. Сужденія эти въ настоящее время имѣютъ интересъ только историческій, но въ свое время они служили отраженіемъ тѣхъ неудачъ, которыя терпѣло у насъ на первыхъ порахъ своего существованія слѣдственное дѣло.

Чтобы покончить съ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей 1860 года, необходимо еще упомянуть, что и отношеніе къ слѣдственной власти прокурорскаго надзора было совершенно неудовлетворительное.

„Законъ 8 іюля 1860 г., говоритъ Н. Муравьевъ ²⁾, несомнѣнно нѣсколько приблизилъ прокурорскій надзоръ къ предварительному изслѣдованію преступленій, но однакоже не настолько, чтобы онъ могъ играть, какъ въ немъ самомъ, такъ и въ оцѣнкѣ его результатовъ роль дѣятельную и полезную для правосудія. Подчиненіе слѣдователей министру юстиціи, ближайшимъ мѣстнымъ органомъ котораго былъ губернский прокуроръ, вліяніе послѣдняго на служебное положеніе слѣдователей, зависѣвшее въ своихъ размѣрахъ отъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ отношеній и условій, установившееся обыкновеніе поручать прокурорамъ ревизію слѣдственного дѣла

¹⁾ Сводъ замѣчаній и предположеній, ч. IV, стр. 205.

²⁾ Н. Муравьевъ. Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности, т. I, стр. 368.

производства и другія подобныя же причины поставили слѣдователей въ полную фактическую зависимость отъ губернскихъ прокуроровъ, не участвовавшихъ между тѣмъ ни въ слѣдствіи, ни въ разрѣшающемъ его уголовномъ судѣ“.

II.

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части, Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 года, краеугольнымъ камнемъ было принято отдѣленіе власти судебной отъ административной.

Благодѣтельное начало это распространилось и на судебныхъ слѣдователей. „Для производства слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ состоятъ въ опредѣленныхъ участвахъ *судебные слѣдователи, кои считаются членами окружнаго суда* (ст. 7 основныхъ положеній). Затѣмъ, 26 статья тѣхъ же положеній устанавливала приглашеніе въ засѣданія окружныхъ судовъ судебныхъ слѣдователей въ случаѣ недостатка наличныхъ членовъ, а затѣмъ, въ 67 статьѣ, на нихъ, какъ на членовъ судебныхъ мѣстъ, было распространено начало несмѣняемости.

Начала эти остались непоколебленными и при обработкѣ отдѣльныхъ статей учрежденія судебныхъ установленій 20 ноября 1864 года. По вопросу о вліяніи прокурора на назначеніе судебныхъ слѣдователей въ комисіи по составленію проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части были, между прочимъ, высказаны слѣдующія весьма цѣнныя соображенія ¹⁾: „прислоненное къ старой судебной системѣ учрежденіе судебныхъ слѣдователей, созданное отчасти уже по новымъ требованіямъ и началамъ, было въ противорѣчіи съ окружающей сферой, и опытомъ доказано, что отъ всѣхъ тѣхъ властей судебныхъ, полицейскихъ и административныхъ, съ которыми судебные слѣдователи были въ ежедневномъ соприкосновеніи, они встрѣчали не столько содѣйствіе, сколько бездѣйствіе, или даже противодѣйствіе. Но то,

¹⁾ Объяснительная записка къ проекту учрежденія судебныхъ мѣстъ, стр. 94.

что было сделано учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей на половину—именно изъятіе слѣдствія отъ полицейскихъ и административныхъ властей—должно быть совершенно настоящею реформою исполнѣно. Именно поэтому нельзя безусловно и во всѣхъ случаяхъ давать прокурору голосъ при замѣщеніи должности судебныхъ слѣдователей“.

Интересно, что въ упомянутой комисіи возникло разногласіе по вопросу о томъ, Высочайшею ли властью или властью министра юстиціи должны быть назначаемы судебные слѣдователи. Большинство, въ количествѣ 14 членовъ, находя ¹⁾, что „судебные слѣдователи будутъ и должны стоять въ будущей судебной іерархіи гораздо ниже, чѣмъ члены окружныхъ судовъ и что, посему, на нихъ не могутъ быть распространены въ полной мѣрѣ всѣ тѣ преимущества, которыя проектъ предполагаетъ предоставить судьямъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова“—полагало, что будетъ вполне достаточно оставить въ этомъ отношеніи порядокъ, по которому судебные слѣдователи опредѣляются и увольняются министромъ юстиціи.

Меньшинство же, состоявшее изъ 13 членовъ, признавало необходимымъ, чтобы судебные слѣдователи назначались Высочайшею властью. Такое правило важно, находили они ²⁾, для того, „чтобы поставить на ногу едва прививающійся институтъ судебныхъ слѣдователей, возвыситъ значеніе этихъ важныхъ дѣятелей на пользу общества и государства, доставитъ имъ возможность дѣйствительно пользоваться тою властью, какую предполагается присвоить имъ уставомъ уголовнаго судопроизводства, между прочимъ, подчиняя ихъ контролю распоряженія и дѣйствія полиціи по производству розысканій по преступленіямъ и проступкамъ, и чрезъ то обезпечить правильное теченіе уголовныхъ слѣдствій“. Какъ извѣстно, взглядъ меньшинства былъ принятъ государственнымъ совѣтомъ и получилъ формулировку въ 212 статьѣ учрежденія судебныхъ установленій.

¹⁾ Та же объяснительная записка, стр. 95.

²⁾ Та же объяснительная записка, стр. 94.

Изъ приведенной выписки видно, что составители судебныхъ уставовъ предъявляли высокія требованія къ должности судебного слѣдователя. Приравнивая его къ членамъ окружнаго суда, они хотѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ, провести эту параллель не на бумагѣ только, но и на дѣлѣ. Судебный слѣдователь рисовался имъ независимымъ, безпристрастнымъ судьей. Къ сожалѣнію, какъ увидимъ ниже, жизнь не оправдала ихъ надеждъ и ожиданій.

Такова была въ главныхъ чертахъ постановка должности судебного слѣдователя по судебнымъ уставамъ. Обращаясь къ предварительному слѣдствію и его организаціи, необходимо сдѣлать указаніе тѣхъ главныхъ положеній, на которыхъ былъ построенъ составителями судебныхъ уставовъ новый уголовный процессъ. Эти положенія могутъ быть сведены въ три главныхъ: 1) *власть обвинительная отдѣляется отъ судебной*; 2) *власть обвинительная, т. е. обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ, принадлежитъ прокурорамъ*, и 3) *власть судебная, т. е. разсмотрѣніе и постановленіе приговоровъ принадлежитъ судамъ безъ всякаго участія властей административныхъ* (ст. 3—5 основныхъ положеній уголовного судопроизводства отъ 29 сентября 1862 года).

Однако, сообщивъ уголовному процессу обвинительную форму, законодатель не рѣшился построить его только на обвинительномъ началѣ и по особеннымъ условіямъ нашего отечества призналъ необходимымъ, „сохранивъ въ уголовномъ судопроизводствѣ слѣдственное начало, на основаніи котораго уголовный процессъ долженъ имѣть цѣлью обнаруженіе истины независимо отъ воли и желанія частныхъ лицъ, ввести такія правила и формы обвинительнаго процесса, которыя, обезпечивая общество отъ безнаказанныхъ преступленій, представляли бы подсудимому надлежащее огражденіе отъ неправильнаго обвиненія“ ¹⁾. Въ дальнѣйшемъ развитіи „основ-

¹⁾ Журналъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта о преобразованіи судебной части въ Россіи, 1862, стр. 170.

ныхъ положеній“, слѣдственное, розыскное начало было удержано на предварительномъ слѣдствіи, а обвинительное перенесено на слѣдствіе судебное.

Въ комисіи по составленію проекта устава уголовного судопроизводства, тремя членами (Любимовъ, Поповъ и Спасовичъ), при обсужденіи вопроса о порядкѣ передачи дознаній судебному слѣдователю, было высказано желаніе провести и на предварительномъ слѣдствіи отдѣленіе власти обвинительной и судебной, что очевидно не соотвѣтствуетъ вовсе розыскной формѣ процесса.

„Основные положенія, говорится въ мнѣніи трехъ членовъ, вводя коренную реформу въ систему уголовного преслѣдованія, постановили, между прочимъ, отдѣленіе, насколько это возможно, власти обвинительной отъ судебной. Обнаруженіе преступленія, привлеченіе заподозрѣнныхъ лицъ къ слѣдствію и дальнѣйшее передъ судомъ преслѣдованіе ихъ отнесены къ обязанностямъ прокуроровъ. Но если принять за правило, что дознанія о преступленіяхъ сообщаются непосредственно судебнымъ слѣдователямъ, то оцѣнка поводовъ къ уголовному преслѣдованію или возбужденіе уголовныхъ дѣлъ будетъ принадлежать не прокурорамъ, а судебнымъ слѣдователямъ. Поэтому, чтобы провести послѣдовательно начало отдѣленія обвинительной власти отъ судебной, надлежало бы установить, что полиція, узнавъ о происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія, должна свѣдѣнія свои передать представителю обвинительной власти — прокурору, который, рассмотрѣвъ эти свѣдѣнія, обязанъ опредѣлить: есть ли въ происшествіи поводъ къ возбужденію дѣла и привлеченію кого либо къ слѣдствію и затѣмъ уже передать слѣдователю свои соображенія и требовать отъ него собранія матеріаловъ для обвиненія или оправданія заподозрѣннаго лица. Но имѣя въ виду, что предоставленіе прокурорамъ исключительнаго права возбужденія уголовныхъ дѣлъ, при нашихъ разстояніяхъ и сообщеніяхъ, повело бы во многихъ случаяхъ къ замедленію хода дѣла, три члена считаютъ необходимымъ допустить исключеніе изъ этого пра-

вила на тѣ случаи, когда прокуроръ находится въ отсутствіи, и потому полагають постановить, что полиція дознанія о преступленіяхъ сообщаетъ прокурорамъ, а когда ихъ нѣтъ на мѣстѣ, то судебнымъ слѣдователямъ ¹⁾“.

Противъ этого мнѣнія высказалось 17 членовъ комисіи, ставшихъ на ту точку зрѣнія, что по основнымъ положеніямъ обвинительная власть отдѣлена отъ судебной только при разсмотрѣніи дѣла на судѣ, а не при производствѣ предварительнаго слѣдствія, и къ этому послѣднему мнѣнію примкнулъ въ послѣдствіи государственный совѣтъ.

Составители проекта устава уголовного судопроизводства предполагали ввести на предварительномъ слѣдствіи гласное производство и, кромѣ того, допустить въ этой стадіи процесса участіе защиты.

„Одно допущеніе гласности, полагали они, въ производствѣ предварительнаго слѣдствія не можетъ служить достаточнымъ огражденіемъ для обвиняемыхъ, потому что гласность не вездѣ и не всегда примѣнима, какъ по закрытію дверей самимъ слѣдователемъ, такъ и по той причинѣ, что въ деревняхъ и захолустяхъ, гдѣ часто совершаются слѣдственные дѣйствія, слѣдователь поневолѣ останется наединѣ съ обвиняемымъ. Единственное въ такихъ случаяхъ огражденіе обвиняемаго есть предоставленіе ему права защиты, которое является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ допущенія представителя обвинительной власти къ присутствію при всѣхъ дѣйствіяхъ судебного слѣдователя. Какъ на судѣ, такъ и при слѣдствіи права обѣихъ сторонъ должны быть одинаковы ²⁾“.

Необходимость гласности и защиты на предварительномъ слѣдствіи была признава комисіею единогласно.

Иначе отнесся къ этимъ вопросамъ государственный совѣтъ. Какъ защита, такъ и гласность на предварительномъ слѣдствіи были имъ отвергнуты ³⁾. Такимъ образомъ благія

¹⁾ Объяснительная записка къ проекту устава уголовного судопроизводства, стр. 131.

²⁾ Объяснительная записка къ проекту устава уголовного судопроизводства, стр. 160.

³⁾ Судебные уставы имп. государственной канцеляріи, ч. 2 стр. 128.

пожеланія составителей проекта устава уголовного судопроизводства въ этихъ частяхъ остались безъ осуществленія.

III.

Таковы существенныя черты судебно-слѣдственного института, принятыя судебными уставами 20 ноября 1864 года. Институтъ этотъ, въ главномъ, представляется въ такомъ видѣ.

Судебный слѣдователь, считаясь членомъ окружнаго суда, назначается на должность Высочайшею властью по представленію министра юстиціи (79 и 212 ст. учр. суд. уст.). Представленія министру юстиціи на должности судебныхъ слѣдователей дѣлаются окружными судами, по обсужденіи въ общемъ собраніи этого вопроса при участіи прокурора (213 и 214 ст. учр. суд. уст.). Должность судебного слѣдователя замѣщается изъ числа лицъ, имѣющихъ аттестаты университетовъ, или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, объ окончаніи курса юридическихъ наукъ или о выдержаніи экзамена въ сихъ наукахъ, или же доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части (202 ст. учр. суд. уст.). Судебный слѣдователь пользуется несмѣняемостью, и удаленію или отрѣшенію отъ должности можетъ подвергнуться не иначе, какъ по приговору уголовного суда (243, 295 и 296 ст. учр. суд. уст.). За недостаткомъ судей судебный слѣдователь пополняетъ присутствіе окружнаго суда (146 ст. учр. суд. уст.). Надзоръ за судебными слѣдователями принадлежитъ судебнымъ мѣстамъ и министру юстиціи, а ближайшій надзоръ—окружному суду (249 ст. учр. суд. уст.).

Предварительное слѣдствіе, производимое судебнымъ слѣдователемъ, построено на началѣ розыска, такъ что въ лицѣ слѣдователя соединены функціи всѣхъ органовъ, входящихъ въ уголовный процессъ.

Согласно ст. 250, 309, 277 ст. уст. угол. суд., въ судебному слѣдователю непосредственно поступаютъ сообщенія и донесенія о совершихся преступленіяхъ, хотя бы лица виновныя и не были обнаружены. По смыслу же 264, 265, 266 ст. уст. угол. суд., главная задача предваритель-

наго слѣдствія сводится къ открытію и изобличенію лицъ, виновныхъ въ совершеніи преступленія, хотя въ тоже время на судебного слѣдователя возлагается обязанность производить слѣдствіе съ полнымъ безпристрастіемъ, не опуская обстоятельствъ, оправдывающихъ обвиняемаго, причемъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи слѣдователь дѣйствуетъ самостоятельно, помимо указаній обвинительной власти или обвиняемаго.—271 ст. уст. угол. суд. даетъ судебному слѣдователю даже право производить дознаніе даже черезъ полицію по дѣламъ, о которыхъ у него возникло предварительное слѣдствіе. Приведеннаго вполне достаточно для того, чтобы сказать, что судебный слѣдователь по судебнымъ уставамъ есть одновременно судья, обвинитель и защитникъ.

Такимъ образомъ мнѣніе нѣкоторыхъ составителей судебныхъ уставовъ ввести обвинительную форму на предварительномъ слѣдствіи осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь. Въ государственномъ совѣтѣ по этому вопросу взяли вверхъ взрѣнія прежнихъ временъ и, потому, предварительное слѣдствіе по судебнымъ уставамъ въ значительной степени утратило свою свѣжесть и новизну, будучи не новымъ порядкомъ, а лишь развитіемъ учрежденія судебныхъ слѣдователей отъ 8 іюля 1860 года.

Какъ плохо примѣнилась къ жизни слѣдственная реформа 1860 года, мы уже видѣли. Немногимъ лучше, по своимъ практическимъ результатамъ, оказалась и слѣдственная реформа 1864 года.

Не далѣе какъ черезъ три года послѣ открытія въ 1866 году с.-петербургскаго и московскаго судебныхъ округовъ, правительствомъ уже была признана необходимость приступить къ пересмотру законоположеній, касающихся слѣдственной части.—9 мая 1869 года по Высочайшему повелѣнію была образована особая коммисія изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи ¹⁾, подъ предсѣдательствомъ се-

¹⁾ Въ составъ коммисіи были назначены: отъ министерства юстиціи—статскій совѣтникъ Ыльостокій и надворный совѣтникъ Роде; отъ министерства внутреннихъ дѣлъ—надворный совѣтникъ Поливановъ и коллежскій секретарь Стуртъ.

натора Петерса, для выясненія причинъ, вызвавшихъ нѣкоторые обнаруженные практикою недостатки слѣдственного производства. Коммисіи этой поручено было отправиться въ губерніи, въ которыхъ введены были новыя судебныя учрежденія, для изслѣдованія на мѣстѣ недостатковъ слѣдственной части и затѣмъ внести въ министерство юстиціи надлежащія соображенія о необходимыхъ по этой части преобразованіяхъ.

Коммисія открыла свои дѣйствія 1 августа 1869 года и окончила порученное ей обозрѣніе въ С.-Петербургѣ въ концѣ декабря мѣсяца, посѣтивъ слѣдующія губерніи: Московскую, Ярославскую, Владимірскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Курскую, Харьковскую, Полтавскую, Воронежскую, Херсонскую и Таврическую. Во всѣхъ этихъ губерніяхъ, кромѣ городовъ губернскимъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ, въ которыхъ имѣются окружные суды, коммисія ознакомилась съ состояніемъ слѣдственной части во многихъ уѣздныхъ городахъ, удаленныхъ отъ центровъ губернскаго управленія.

По существу возложеннаго на нея порученія, коммисія обозрѣла дѣлопроизводство полицейскихъ учреждений въ столицахъ, полицейскихъ управленій городскихъ и уѣздныхъ, становыхъ приставовъ, волостныхъ правленій, судебныхъ слѣдователей и прокурорскаго надзора. Кромѣ того, для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, коммисія, согласно данному ей полномочію, присутствовала при различныхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и при разбирательствѣ мировыми судьями уголовныхъ дѣлъ, а также посредствомъ словесныхъ объясненій и письменныхъ сношеній со многими лицами административнаго и судебного вѣдомствъ старалась изучить состояніе слѣдственного процесса.

Въ 1870 году коммисія сенатора Петерса представила подробный отчетъ о настоящемъ положеніи слѣдственной части. Не приводя здѣсь содержанія этого интереснаго отчета, мы ограничимся лишь указаніемъ предположеній коммисіи о мѣрахъ къ устраненію несовершенствъ по слѣдственной ча-

сти. Предположенія эти состояли изъ нижеслѣдующихъ двадцати главныхъ положеній ¹⁾):

I. Обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ возлагается исключительно на обязанность чиновъ прокурорскаго надзора.

Примѣчаніе. Изъятіе изъ сего общаго правила составляютъ только случаи, въ коихъ преслѣдованіе виновныхъ передъ уголовнымъ судомъ предоставлено закономъ частнымъ лицамъ.

II. Въ составъ прокурорскаго вѣдомства входятъ, въ качествѣ вспомогательныхъ чиновъ онаго, тѣ полицейскіе чиновники, которые особымъ распоряженіемъ закона призваны въ участію въ обнаруженіи преступленій и преслѣдованіи виновныхъ.

III. Прокуроры и ихъ товарищи принимаютъ жалобы и объявленія частныхъ лицъ о преступленіяхъ. Всѣ правительственныя и судебныя мѣста и должностныя лица обязаны немедленно доводить до свѣдѣнія подлежащихъ чиновъ прокурорскаго надзора о каждомъ преступленіи, которое они обнаружатъ при исполненіи обязанностей службы.

IV. Прокуроры и ихъ товарищи обязаны, независимо отъ жалобъ и объявленій частныхъ лицъ и сообщеній правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ и лицъ, обнаруживать служебною дѣятельностью преступленія, которыя останутся безгласными.

V. Предоставленныя пунктами III и IV прокурорамъ и ихъ товарищамъ права, принадлежать и вспомогательнымъ чинамъ, входящимъ въ составъ прокурорскаго вѣдомства, на коемъ нераздѣльно лежитъ и обязанность обнаруживать преступленія черезъ служебную дѣятельность.

VI. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прокуроръ или его товарищ извѣстится о такомъ преступленіи, которое совершается или же только что совершилось, вышепоименованныя

¹⁾ Приложение первое къ матеріаламъ для пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій, стр. 238.

лица имѣютъ право приступить къ осмотру мѣста происшествія и оставленныхъ преступленіемъ слѣдовъ, въ освидѣтельствующему таковыхъ черезъ свѣдущихъ людей, а также къ обыскамъ и выемкамъ, съ цѣлью собрать необходимыя для обвиненія доказательства. Прокуроръ или же товарищъ въ указанныхъ случаяхъ имѣютъ право поручить производство этихъ дѣйствій полицейскимъ чинами, а также предложить судебному слѣдователю о приступѣ къ предварительному слѣдствію.

VII. Въ указанныхъ въ предшествующемъ пунктѣ случаяхъ и вспомогательные чины прокурорскаго вѣдомства уполномочены на производство предоставленныхъ прокурорамъ и ихъ товарищамъ дѣйствій. Но приступая къ этимъ дѣйствіямъ, полицейскіе чины обязаны немедленно доносить подлежащему прокурору или его товарищу объ обнаруженномъ происшествіи и тотчасъ по прибытіи на мѣсто преступленія кого либо изъ чиновъ прокурорскаго надзора или судебного слѣдователя прекратить свои самостоятельныя дѣйствія, впредь до полученія особыхъ порученій.

VIII. Предварительное слѣдствіе, производится судебными слѣдователями, для исполненія обязанностей коихъ назначаются, на определенное время и въ установленномъ законѣ порядкѣ, члены окружныхъ судовъ.

IX. Судебный слѣдователь производитъ всѣ дѣйствія не иначе, какъ въ присутствіи отраженнаго распоряженіемъ предсѣдателя окружнаго суда помощника секретаря, который ведетъ протоколъ и хранитъ подлинныя дѣла.

X. Судебные слѣдователи приступаютъ къ производству предварительнаго слѣдствія не иначе, какъ по предложеніямъ чиновъ прокурорскаго надзора.

XI. Судебные слѣдователи уполномочены принимать жалобы и объявленія частныхъ лицъ о преступленіяхъ, но, не приступая къ предварительному слѣдствію, обязаны передавать таковыя на усмотрѣніе чиновъ прокурорскаго надзора.

XII. Изъятіе изъ установленнаго предшествующимъ пунктомъ правила составляютъ только тѣ случаи, въ коихъ су-

ж. гр. и уг. пр. кн. ix 1889 г.

судебный слѣдователь извѣстится черезъ жалобы или объявленіе о такомъ преступленіи, первоначальное изслѣдованіе коего предоставлено чинамъ прокурорскаго вѣдомства. Въ сихъ случаяхъ судебный слѣдователь приступаетъ, не выжидая предложенія прокурорскаго надзора, къ производству безотлагательныхъ слѣдственныхъ дѣйствій. По совершеніи сихъ дѣйствій, онъ обязанъ немедленно передать дѣло подлежащему прокурору или его товарищу, и только по предложенію послѣдняго приступаетъ къ дальнѣйшему производству слѣдствія.

XIII. Во время предварительнаго слѣдствія прокуроры и ихъ товарищи, постоянно наблюдая за его производствомъ, не совершаютъ лично никакихъ слѣдственныхъ дѣйствій, а только даютъ о семъ предложенія судебнымъ слѣдователямъ.

XIV. Прокуроры и ихъ товарищи имѣютъ право во всякое время требовать къ себѣ для разсмотрѣнія находящіяся у судебныхъ слѣдователей въ производствѣ уголовныя дѣла.

XV. Судебные слѣдователи передъ принятіемъ нѣкоторыхъ, опредѣленныхъ въ законѣ мѣръ, требуютъ заключенія чиновъ прокурорскаго надзора.

XVI. Исполненіе постановленій и распоряженій судебныхъ слѣдователей возлагается на обязанность чиновъ прокурорскаго надзора.

XVII. Во время предварительнаго слѣдствія судебный слѣдователь имѣетъ право постановлять о производствѣ полицейскими чинами тѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій, которыя, на основаніи VI и VII пунктовъ, отнесены къ прокурорскому вѣдомству.

XVIII. Всѣ должностныя лица, на обязанности коихъ лежить обнаруженіе преступленій, преслѣдованіе виновныхъ и производство предварительныхъ слѣдствій, *не исключая судебныхъ слѣдователей, состоятъ въ непосредственной зависимости отъ прокуроровъ судебныхъ палатъ*, которые, наблюдая за ихъ дѣятельностью, направляютъ таковую къ законному порядку и предписываютъ мѣры, необходимыя для того, чтобы

обеспечить соблюденіе правилъ, установленныхъ закономъ для предварительнаго слѣдствія.

XIX. Всѣ поименованныя въ XVIII пунктѣ должностныя лица привлекаются къ отвѣтственности прокуроромъ судебной палаты, который, въ случаѣ дошедшихъ до него свѣдѣній о бездѣйствіи или превышеніи власти, нерадѣніи, неправильныхъ или противозаконныхъ поступкахъ сихъ должностныхъ лицъ, имѣетъ право требовать отъ виновныхъ объясненіе и предложить ихъ дѣйствія на разсмотрѣніе судебной палаты.

XX. При наложеніи взысканій на виновныхъ, судебная палата руководствуется правилами, установленными для дисциплинарнаго производства надъ судебными чинами (учрежд. судебн. уст. 270—292).

Не вдаваясь въ подробную критику положеній, выработанныхъ комиссіей сенатора Петерса, достаточно сказать, что положенія эти представляютъ собою значительный поворотъ назадъ сравнительно съ положеніями, принятыми судебными уставами. Несмотря на розыскное начало, проведенное составителями уставовъ на предварительномъ слѣдствіи, они однако не подчинили судебного слѣдователя прокурору, какъ этого желала комиссія сенатора Петерса. Поэтому выводы этой комиссіи, сводящіеся, главнымъ образомъ, къ возвышенію прокурорской власти, совершенно неудовлетворительны.

Проекту преобразованія слѣдственной части комиссіи сенатора Петерса не суждено было осуществиться. Отчетъ этой комиссіи былъ сообщенъ министерствомъ юстиціи въ началѣ семидесятыхъ годовъ дѣйствовавшимъ въ то время новымъ судебнымъ учрежденіямъ, выработанныя же ею предположенія не признавалось возможнымъ направить въ законодательномъ порядкѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ указаній болѣе продолжительнаго опыта и въ виду необходимости исполнѣ твердыхъ основаній и многостороннихъ данныхъ для какихъ либо измѣненій нашего предварительнаго слѣдствія.

Вслѣдъ за отчетомъ Высочайше учрежденной комиссіи сенатора Петерса, въ министерство юстиціи стали поступать

новыя свѣдѣнія и соображенія о способѣ устройства слѣдственной части.

Въ 1874 году въ министерство юстиціи поступили подробныя замѣчанія прокурора одесской судебной палаты Г. А. Евреиннова ¹⁾, въ которыхъ доказывалась совершенная несостоятельность проекта комисіи сенатора Петерса.

„Коренное преобразованіе у насъ слѣдственной части по французскому или всякому иному заграничному образцу (проектъ комисіи несомнѣнно заимствуетъ постановку слѣдственной части изъ французскаго образца), указывалъ Г. А. Евреинновъ, не привело бы къ удовлетворительнымъ результатамъ, такъ какъ *слѣдственное дѣло есть та часть уголовного судопроизводства, въ которой мѣстныя условія страны имѣютъ наибольшее вліяніе*“ ²⁾. Причины неудовлетворительнаго состоянія слѣдственной части сводятся имъ къ тремъ главнымъ: 1) крайнее обремененіе судебныхъ слѣдователей множествомъ дѣлъ, 2) недостаточное содѣйствіе, которое оказываетъ полиція при раскрытіи преступленій и во время производства предварительныхъ слѣдствій и 3) недостаточное наблюденіе за производствомъ предварительныхъ слѣдствій со стороны прокурорскаго надзора. Сообразно этимъ тремъ намѣченнымъ имъ недостаткамъ, цитированный авторъ предлагалъ въ своихъ замѣчаніяхъ посильныя мѣры къ ихъ устраненію, не подвергая при этомъ коренной ломкѣ принциповъ, на которыхъ зиждется наше предварительное слѣдствіе.

По этому же поводу въ министерство юстиціи была представлена оберъ-прокуроромъ 4 департамента правительствующаго сената Л. В. Безроднымъ записка ³⁾, въ которой слѣдственная часть въ Россіи сопоставлялась съ устройствомъ слѣдственной части во Франціи. Въ этой запискѣ было вы-

¹⁾ Матеріалы для пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій, ч. 2, стр. 1—47.

²⁾ Матеріалы, ч. 2, стр. 15.

³⁾ Матеріалы, ч. 2, стр. 48—60.

сказано мнѣніе о привлеченіи мировыхъ судей въ участію въ производствѣ слѣдствій.

25 мая 1880 года министръ юстиціи, статсъ-секретарь Набоковъ, обратился къ оберъ-прокурору уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената, старшимъ предсѣдателямъ и прокурорамъ судебныхъ палатъ съ запросами объ основаніяхъ, на которыхъ могли бы быть совершены необходимыя въ слѣдственной части усовершенствованія. Въ отвѣтъ на эти запросы поступили въ высшей степени интересныя мнѣнія различныхъ лицъ судебного вѣдомства. Мнѣнія эти сведены въ изданныхъ въ 1882 году министерствомъ юстиціи матеріалахъ для пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій ¹⁾).

Вопросъ о коренномъ переустройствѣ предварительнаго слѣдствія былъ поставленъ совѣщаніемъ лицъ оберъ-прокурорскаго надзора при уголовномъ кассационномъ департаментѣ правительствующаго сената. Въ мнѣніи этого совѣщанія указывалось, что наши судебные слѣдователи неминуемо должны быть пристрастны, въ силу „розыскаго“ начала предварительнаго слѣдствія; что 265 ст. уст. угол. суд., по которой „судебный слѣдователь обязанъ съ полнымъ безпристрастіемъ приводить въ извѣстность какъ обстоятельства, уличающія обвиняемаго, такъ и обстоятельства, его оправдывающія“, на практикѣ игнорируется и слѣдствія ведутся исключительно въ обвинительномъ направленіи; что для достиженія желаемыхъ результатовъ необходимо поставить судебного слѣдователя въ положеніе судьи, взвѣшивающаго лишь матеріалъ, представленный сторонами; что только при такомъ условіи онъ можетъ отрѣшиться отъ увлеченій въ одностороннемъ направленіи и что для этого необходимо построить предварительное слѣдствіе на началахъ состязанія обвиненія и защиты ²⁾).

¹⁾ Матеріалы, ч. 2, стр. 61—95.

²⁾ Совѣщаніе состояло изъ сенатора Д. Б. Бера и товарищей оберъ-прокурора: графа Холоневскаго, Фойлицкаго, Жукова, Якоби, Баландина, Вострема, Перфильева, Петрова и Поскочина.

Чтобы покончить съ официальнымъ движеніемъ вопроса о преобразованіи слѣдственной части, необходимо упомянуть еще о ревизіи слѣдственной части города С.-Петербурга, произведенной въ 1885 и 1886 годахъ по Высочайшему повелѣнію сенаторомъ Н. М. Окуловымъ ¹⁾. Ревизія эта была вызвана злоупотребленіями столичнаго судебного слѣдователя Федорова.

Произведя тщательное изслѣдованіе слѣдственной части въ С.-Петербургѣ и условий, которыми она обставлена, ревизующій сенаторъ остановилъ свое вниманіе и на вопросѣ о мѣрахъ къ улучшенію слѣдственной дѣятельности. Многія мѣры, имъ предложенныя, имѣютъ характеръ исключительно мѣстный для С.-Петербурга, но нѣкоторыя имѣютъ и общее значеніе. Изъ этихъ послѣднихъ мѣръ слѣдуетъ упомянуть о слѣдующихъ.

Сенаторъ Окуловъ предполагаетъ увеличить составъ с.-петербургскаго окружнаго суда 18 членами, и тогда судъ долженъ командировать 15 своихъ членовъ въ слѣдственные участки, а 3 членовъ оставить въ запасъ, для временнаго замѣщенія отсутствующихъ изъ участковъ производителей предварительныхъ слѣдствій. Въ неразрывную связь съ этой реформой должна быть поставлена и другая, рекомендуемая ревизовавшимъ сенаторомъ мѣра, касающаяся вчинанія слѣдователями дѣлъ. Онъ предполагаетъ направлять всѣ полицейскія дознанія о происшествіяхъ къ участковымъ товарищамъ прокурора, которыя и будутъ передаваться ими слѣдователямъ, съ мотивированнымъ предложеніемъ о приступѣ къ слѣдствію. Для болѣе же успѣшнаго розыска, смыслная полиція должна быть поставлена подъ руководство одного изъ лицъ прокурорскаго надзора.

IV.

Несмотря на сознанію правительствомъ необходимость преобразованія слѣдственной части и на массу матеріала, со-

¹⁾ Журналъ гражд. и угол. права за 1886 г., книга VIII. „За глѣто“, (Юридическаго хроника).

браннаго по этому предмету, вопросъ объ этомъ преобразованіи остается открытымъ. Положительная же законодательная дѣятельность за 25 лѣтъ въ сферѣ предварительнаго слѣдствія и вообще слѣдственного института выразилась въ разрѣшеніи отдѣльных вопросовъ, выдвигавшихся жизнью, причемъ самая организація предварительнаго слѣдствія осталась нетронутою. Въ дальнѣйшемъ мы намѣрены представить краткій очеркъ главныхъ изъ законоположеній послѣдняго двадцатипятилѣтія, касающихся слѣдственной части.

На первомъ планѣ по своей важности для слѣдственного института должна быть поставлена судебная реформа на Кавказѣ. Еще въ 1866 г. состоялся законъ объ образованіи изъ сѣвернаго Кавказа и Закавказья округа тифлисской судебной палаты, съ распространеніемъ на него дѣйствія уставовъ 20 ноября, съ нѣкоторыми изыятіями для сѣвернаго Кавказа, менѣе значительными, чѣмъ для Закавказья. Въ дѣйствительности судебная реформа введена на Кавказѣ въ 868 году (собр. узак. №№ 54 и 57).

Въ Закавказьѣ мировые судьи, назначаемые правительствомъ, несутъ двойную функцію судебныхъ слѣдователей и мировыхъ судей, имѣютъ особыхъ помощниковъ и подчинены непосредственно окружнымъ судамъ, такъ какъ мировыхъ сѣздовъ здѣсь не существуетъ вовсе. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 24 февраля 1870 г. въ Закавказьѣ для производства слѣдствій по особо важнымъ дѣламъ учреждены должности судебныхъ слѣдователей при окружныхъ судахъ.

Нормальнымъ органомъ для производства предварительныхъ слѣдствій въ Закавказьѣ являются мировые судьи и ихъ помощники. Эти послѣдніе поставлены закономъ въ полную фактическую зависимость отъ мировыхъ судей. Организациія эта страдаетъ большими недостатками. Разбирательство мировыхъ дѣлъ и прочія судебнo-административныя функціи требовали, чтобы мировой судья безотлучно находился при своей камерѣ; слѣдственные же его обязанности требовали постоянныхъ отлучекъ. Очевидно, совмѣщеніе въ немъ обя-

занностей судьи и слѣдователя дѣлало его положеніе совершенно невозможнымъ. Чтобы вывести его изъ этого затруднительнаго положенія при немъ былъ созданъ помощникъ.

„Своего круга вѣдомства, говоритъ А. Красовскій, въ своей интересной статьѣ о слѣдственной части въ закавказскомъ краѣ, своихъ функцій и даже своей юридической фізіономіи помощники не получили вовсе, а стали миниатюрами своихъ принципаловъ, съ тою только разницею, что не получили ни инициативы, ни самостоятельности. Мировой судья могъ возлагать на нихъ производство слѣдствій, могъ командировать ихъ для осмотровъ и обысковъ по мировымъ дѣламъ, могъ, однимъ словомъ, распоряжаться ими, какъ суды распоряжаются кандидатами, но только гораздо неограниченнѣе и и полновластнѣе. Возложеніе слѣдствія на помощника никогда не превращало этого послѣдняго въ хозяина извѣстнаго дѣла; онъ всегда и всюду продолжалъ оставаться покорнымъ вассаломъ мирового судьи, продолжая дѣйствовать подъ его руководствомъ и его наблюденіемъ“.

Жалобы на это положеніе стали раздаваться всюду. Предѣлъ ему былъ положенъ въ циркулярѣ кавказскаго намѣстника. Циркуляромъ этимъ давленіе мировыхъ судей на предварительное слѣдствіе было рѣшительно устранено и помощники получили право дѣйствовать также самостоятельно и при тѣхъ же условіяхъ, какъ и судебные слѣдователи. Имъ были выдѣлены даже особые участки, существующіе и понынѣ.

Казалось бы циркуляръ этотъ долженъ былъ получить законодательную санкцію. На дѣлѣ же вышло нѣчто иное. Въ Высочайше утвержденномъ положеніи отъ 10 марта 1883 г. предварительное слѣдствіе въ Закавказьѣ сведено въ главныхъ чертахъ къ прежнимъ началамъ, съ крайне незначительными отступленіями. „Поставленная въ заколдованный циклъ сомнѣній, говоритъ А. Красовскій, закавказская судебная практика пришла къ наиболѣе разумному выводу, возможному въ этомъ положеніи: она сдѣлала видъ, что позабыла 7 главу III книги уст. угол. суд. и въ тоже время не ознакомилась съ положеніемъ отъ 10 марта, а осталась

при томъ слѣдственномъ строѣ, который былъ установленъ циркуляромъ намѣстника“. Жизнь такимъ образомъ взяла верхъ надъ писаннымъ закономъ.

Почти одновременно съ открытіемъ судебной реформы возникъ вопросъ объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ всеподданнѣйшею запискою бывшего с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера и подвергнутъ, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 30 декабря 1866 г., обсужденію особой комисіи изъ министровъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и шефа жандармовъ, которая пришла къ заключенію, что единственнымъ способомъ для достиженія успѣшнаго производства слѣдствій по дѣламъ особенно важнымъ и сложнымъ (какъ напр. поддѣлки денежныхъ знаковъ), можетъ служить учрежденіе при столичныхъ окружныхъ судахъ по одному временному судебному слѣдователю, которымъ, не назначая участка, поручалось бы производство особенно важныхъ слѣдствій во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ бы оно ни потребовалось.

30 октября 1867 года Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта было учреждено по одному особому временному судебному слѣдователю при столичныхъ судахъ, съ предоставленіемъ министру юстиціи права возлагать на нихъ производство слѣдствій по особо важнымъ дѣламъ. Послѣдующими узаконеніями (27 іюля 1870 г., 1 ноября 1875 г. и 13 іюня 1879 г.) число судебныхъ слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ при столичныхъ судахъ было увеличено и самый характеръ этой должности пересталъ быть временнымъ.

11 мая 1870 г. министру юстиціи предоставлено право назначать одного изъ состоящихъ при каждомъ окружномъ судѣ судебныхъ слѣдователей собственно для производства слѣдствій по важнѣйшимъ дѣламъ. Слѣдователи эти принимаютъ къ своему производству дѣла по предложеніямъ прокурора суда, а сему суду, по соглашенію съ прокурорскимъ надзоромъ, предоставляется дѣла, производящіяся въ участкѣ этихъ слѣдователей, распредѣлять между прочими, состоящими

при томъ судъ судебными слѣдователями и, сообразно числу остающихся въ участкахъ, дѣлать новое распредѣленіе сихъ послѣднихъ.

30 января 1870 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта были установлены наказанія за оглашеніе въ печати свѣдѣній, обнаруживаемыхъ дознаніемъ или предварительнымъ слѣдствіемъ.

Съ распространеніемъ 19 февраля 1875 г. на царство Польское дѣйствія судебныхъ уставовъ, 285 статьи устава уголовного судопроизводства, предоставляющая слѣдователю представлять на разсмотрѣніе суда требованія прокурорскаго надзора о заключеніи обвиняемыхъ подъ стражу, въ случаѣ несогласія съ таковыми, измѣнена для царства Польскаго въ томъ смыслѣ, что судебный слѣдователь долженъ предварительно исполнить требованіе прокуратуры, а уже затѣмъ обращается по этому предмету въ судъ (1315 ст. уст. угол. суд. изд. 1883 г.). Подобное же измѣненіе 285 ст. уст. угол. суд. сдѣлано и для Остзейскихъ губерній Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 9 іюля 1889 года о введеніи въ дѣйствіе въ этихъ губерніяхъ судебныхъ уставовъ.

30 октября 1878 г. установлены особые правила осмотра и выемки почтовой или телеграфной корреспонденціи отъ имени или присланной на имя лица, противъ котораго возбуждено уголовное преслѣдованіе. Эти слѣдственные дѣйствія производятся судебнымъ слѣдователемъ не иначе, какъ съ разрѣшенія окружнаго суда.

3 іюня 1879 года состоялся законъ о распредѣленіи опредѣленнаго штатами числа судебныхъ слѣдователей. Закономъ этимъ установлено, что въ случаяхъ крайней необходимости слѣдователи распредѣляются вновь: между окружными судами округа одной и той же судебной палаты—по постановленію общаго собранія департаментовъ судебной палаты, утвержденному министромъ юстиціи, а между окружными судами округовъ различныхъ судебныхъ палатъ—по постановленію

соединеннаго присутствія перваго и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената.

27 апрѣля 1882 года закономъ объ освѣдѣтельствованияхъ состоянія умственныхъ способностей обвиняемыхъ сдѣланы нѣкоторыя дополненія и измѣненія правилъ, содержащихся въ 353—356 статьяхъ устава уголовного судопроизводства.

3 мая 1883 года были сдѣланы измѣненія въ порядѣ прекращенія предварительныхъ слѣдствій, причемъ, какъ извѣстно, функціи эти всецѣло сосредоточены въ окружныхъ судахъ.

Въ заключеніе этого очерка надлежитъ указать на Высочайше утвержденное 7 іюля 1889 года мнѣніе государственнаго совѣта объ измѣненіи порядка производства дѣлъ по нѣкоторымъ преступленіямъ, подлежащимъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Закономъ этимъ для слѣдственной части сдѣланы слѣдующія измѣненія. 544 статья уст. угол. суд. измѣнена въ томъ смыслѣ, что только по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, обязательно должно быть произведено предварительное слѣдствіе. Сообразно этому расширена власть прокурора вносить въ судъ съ обвинительными актами, по 545 статьѣ устава уголовного судопроизводства, безъ производства предварительнаго слѣдствія дѣла, влекуція лишеніе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Прежде, какъ извѣстно, и по этимъ послѣднимъ дѣламъ требовалось обязательное производство слѣдствія.

Любопытно, что приведенное измѣненіе 544 и 545 ст. уст. угол. суд., обязательно для всѣхъ мѣстностей, въ которыхъ введены судебныя уставы, не распространяется, однако, на Остзейскія губерніи. Въ Высочайше утвержденномъ 9 іюля 1889 года положеніи о судебномъ преобразованіи въ этихъ губерніяхъ, въ измѣненіе 544 статьи уст. угол. суд. говорится, что *„по преступленіямъ, влекущимъ за собою лишеніе или*

ограниченіе правъ состоянія, судебному производству предшестуетъ, во всякомъ случаѣ, предварительное слѣдствіе и преданіе обвиняемаго суду.“

Словами „ограниченіе правъ“ обнимается, очевидно, и лишеніе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Не касаясь здѣсь вопроса о томъ, насколько удовлетворительнѣе текстъ 544 статьи по закону 7 іюля, мы не можемъ, однако, не замѣтить, что такъ какъ остзейскіе окружные суды отнесены къ округу с.-петербургской судебной палаты, то на практикѣ окажется, что въ одной и той же палатѣ будетъ различная постановка объема преданія суду обвинительной камерой судебной палаты. Едва ли такая постановка, хотя бы только съ точки зрѣнія единообразія въ практикѣ одной палаты, желательна и полезна.

Обращаясь отъ закона къ судебно-слѣдственной практикѣ, мы должны отмѣтить, какъ наиболѣе выдающійся фактъ, что практика эта пестра и многообразна. Не смотря на двадцатипятилѣтнее существованіе слѣдственного дѣла, руководства и направленія отъ нашей высшей кассационной инстанціи—правительствующаго сената—оно не получило почти никакого.

Въ кассационной практикѣ относительно нарушеній, допущенныхъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія, какъ общее правило, установлено, что они не принадлежатъ къ нарушеніямъ, составляющимъ поводъ къ отмѣнѣ судебныхъ приговоровъ. Только въ видѣ особаго исключенія сенатъ допускаетъ эти нарушенія къ кассационному разсмотрѣнію, если нарушенія эти не могли быть исправлены на судѣ и если они могли имѣть и дѣйствительно имѣли положительное вліяніе на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей (рѣш. уголовного кассационнаго департамента 1868 г. № 34, 1870 г. № 135, 1875 г. № 317, 1876 г. № 97 и друг.).

Замѣтимъ, что взглядъ этотъ нашелъ себѣ талантливую поддержку въ заключеніи г. оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента правит. сената А. Ф. Кони, по извѣстному дѣлу бывшаго московскаго нотаріуса Назарова. При этомъ, къ указаннымъ условіямъ, необходимымъ для касса-

ціоннаго обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій, г. оберъ-прокуроръ присоединилъ еще одно условіе, чтобы жалобщикъ былъ въ свое время лишенъ возможности обжаловать слѣдственныя дѣйствія.

Всѣ эти ограниченія, по нашему мнѣнію, совершенно произвольно суживаютъ кассационныя поводы и, вслѣдствіе этого, лишаютъ слѣдственную дѣятельность единообразнаго кассационнаго контроля. Нельзя упускать изъ виду, что на предварительномъ слѣдствіи законъ нашъ не допускаетъ участія защиты и, потому, вопреки взглядамъ кассационной практики, желательно было бы расширить возможность кассационнаго обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій и тѣмъ самымъ не лишать обвиняемаго охраны такихъ правъ, нарушеніе которыхъ онъ, по невѣдѣнію законовъ, своевременно не обжаловалъ.

При отсутствіи кассационнаго надзора за слѣдственною дѣятельностью, дѣятельность эта контролируется окружными судами и судебными палатами, значительно расходящимися по многимъ вопросамъ слѣдственной практики. Отсюда-то хаотическое состояніе, о которомъ мы упомянули выше.

Тѣмъ не менѣе правительствующимъ сенатомъ кое-что сдѣлано въ интересующей насъ сферѣ. Существуетъ нѣсколько циркулярныхъ указовъ и разъясненій, по преимуществу общаго собранія кассационныхъ департаментовъ, которыхъ нельзя обойти молчаніемъ, подводя итоги слѣдственной части за двадцать пять лѣтъ. Мы приведемъ изъ нихъ только наиболѣе существенныя.

24 апрѣля 1881 года за № 96 послѣдовалъ циркулярный указъ сената о правѣ окружныхъ судовъ командировать своихъ членовъ для производства ревизіи дѣлопроизводства подвѣдомственныхъ этимъ судамъ судебныхъ слѣдователей. 1 мая того же года за № 99 былъ разосланъ сенатомъ циркулярный указъ о порядкѣ производства дѣлъ частнаго обвиненія. 17 ноября 1884 года за № 133 въ указѣ сената было сдѣлано подробное разъясненіе о порядкѣ производства судебно-медицинскихъ осмотровъ и составленія по нимъ протоколовъ. Указомъ отъ 1 декабря 1884 года за № 144 былъ разрѣ-

шенъ въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о правѣ представительства гражданскихъ истцовъ на предварительномъ слѣдствіи. 28 февраля 1885 года циркулярнымъ указомъ за № 148 было преподано разъясненіе о порядкѣ вызова врачей судебными слѣдователями къ осмотрамъ и освидѣтельствуваніямъ.

Изъ отдѣльныхъ разъясненій общаго собранія кассационныхъ департаментовъ, сдѣланныхъ за послѣдніе годы, необходимо указать на слѣдующіе: въ рѣшеніи отъ 26 марта 1884 года за № 18 сенатъ разъяснилъ, что судебный слѣдователь не можетъ требовать отъ государственнаго банка задержанія платежа по 5%, банковымъ билетамъ на предъявителя, объявленнымъ похищенными; 21 мая 1884 года за № 21, что прекращеніе слѣдствія о преступленіи должности по 277 ст. уст. угол. суд. зависитъ отъ установленія, предающаго обвиняемое должностное лицо суду. 29 октября 1884 года за № 42, что въ тѣхъ случаяхъ, когда безымянные 5% билеты государственнаго банка или вообще кредитныя бумаги на предъявителя отобраны отъ лица, которое уголовнымъ судомъ не признано ни соучастникомъ въ похищеніи ихъ, ни прикосновеннымъ къ дѣлу лицомъ, то они должны быть возвращены ему, какъ дѣйствительному ихъ владѣльцу и законному собственнику.

28 апрѣля 1886 года за № 17 сенатъ разъяснилъ, что судебный врачъ обязанъ давать судебному слѣдователю заключеніе о свойствѣ тѣлеснаго поврежденія и о вліяніи его на здоровье потерпѣвшаго съ надлежащею опредѣлительностью. 15 декабря 1886 года за № 37, что въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія лица, обвиняемаго въ преступленіи по должности, распоряженіе о пріостановленіи слѣдствія зависитъ отъ начальства обвиняемаго, относительно же его имущества распоряженіе дѣлается подлежащимъ судомъ на общемъ основаніи.

16 марта 1887 года за № 10 состоялось въ высшей степени важное разъясненіе общаго собранія кассационныхъ департаментовъ о томъ, что 126 и 777 ст. уст. угол. суд. не уполномочиваютъ уголовный судъ возвращать потерпѣвшему похищенные у него или присвоенныя вещи, когда та-

ковыя взяты отъ третьихъ лицъ, и что въ этихъ случаяхъ, равно какъ и въ случаяхъ оправданія обвиняемаго въ похищеніи или присвоеніи оныхъ, требованіе о возвратѣ вещей можетъ быть заявлено только суду гражданскому. 20 октября 1887 года за № 21 сенатъ разъяснилъ, что обвиняемый по уголовному дѣлу при разсмотрѣніи его частной жалобы на слѣдственные дѣйствія не можетъ имѣть защитника.

23 мая 1888 года за № 14 послѣдовало разъясненіе о томъ, что жалобы, приносимыя въ судебныя палаты на опредѣленія окружныхъ судовъ, постановленныя на основаніи 501—509 ст. уст. угол. суд., должны разсматриваться не въ публичныхъ засѣданіяхъ, а въ распорядительныхъ. 28 ноября 1888 года за № 27 сенатъ отвергъ обжалованіе постановленій начальства о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ.

V.

Едва ли не больше всего изслѣдованій, статей и замѣтокъ въ текущей литературѣ, сравнительно съ другими судебными институтами, выпало на долю слѣдственного института. Да оно и понятно. Постановка этого института признается неудовлетворительною даже въ правительственныхъ сферахъ. Между тѣмъ изъ всѣхъ должностей судебный слѣдователь ближе всего соприкасается съ мѣстнымъ населеніемъ. Эта должность неизбѣжно привлекаетъ всеобщее вниманіе. Всѣ погрѣшности, промахи слѣдственной дѣятельности оставляютъ за собою всегда замѣтный слѣдъ въ общественномъ сознаніи. Неудивительно поэтому, что наша литература не безучастно относилась къ слѣдственной практикѣ и дѣятельности.

Литература наша знаетъ нѣсколько комментаріевъ для судебныхъ слѣдователей. Самымъ цѣннымъ и наиболѣе распространеннымъ изъ нихъ является „*Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей*“ П. Макалинскаго, выдержавшее два изданія: первое въ началѣ 1870 года, а второе въ 1879 году. Достоинства этого комментарія общезвѣстны и въ новыхъ похвалахъ онъ не нуждается.

Въ 1886 году бывшимъ с.-петербургскимъ столичнымъ судебнымъ слѣдователемъ А. Рѣпинскимъ былъ изданъ *сборникъ разъясненій по процессуальнымъ вопросамъ предварительнаго слѣдствія*. „Зная по личному многолѣтнему опыту, говоритъ авторъ этого сборника въ предисловіи, какъ необходимо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ затруднительно для слѣдователя, особенно въ уѣздѣ, имѣть всегда подъ рукой всѣ источники для немедленнаго разрѣшенія возникающихъ по дѣлу вопросовъ, разъясненія которыхъ закономъ или сенатомъ удержать въ памяти невозможно, составитель сборника поставилъ себѣ задачей собрать въ одну книгу все, что можетъ облегчить судебному слѣдователю быстрое и точное разрѣшеніе, безъ дальнихъ справокъ и совѣщаній, каждаго процессуально-слѣдственнаго вопроса, т. е. составить возможно полную справочную настольную книгу, своего рода *vade mecum* слѣдователя“. Сборникъ Рѣпинскаго составляетъ книгу очень полезную въ смыслѣ справокъ по отдѣльнымъ вопросамъ.

Слѣдуетъ также упомянуть о „*Практическомъ руководствѣ для судебныхъ слѣдователей*“ М. Горановскаго, изданномъ въ текущемъ году. Руководство это слабѣе комментарія Макалинскаго, но и оно не лишено нѣкоторыхъ практическихъ достоинствъ.

Здѣсь же умѣстно упомянуть о подробныхъ правилахъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія, выработанныхъ въ *Наказѣ с.-петербургскаго окружнаго суда*, изданномъ въ 1887 году. Большой практическій интересъ представляетъ также *Сводъ разъясненій къ устраненію недостатковъ слѣдственной части*, составленный бывшимъ прокуроромъ московской судебной палаты С. Гончаровымъ. Сводъ этотъ изданъ въ видѣ приложения къ инструкціи лицамъ прокурорскаго надзора въ 1881 году.

Обозрѣвая нашу литературу по отдѣльнымъ изслѣдованіямъ и работамъ, мы встрѣчаемся и здѣсь съ двумя теченіями, о которыхъ мы говорили выше, по поводу мнѣній судебныхъ практиковъ о преобразованіи слѣдственной части. Въ литературѣ точно также заявлялось одними о необходи-

мости коренной реформы нашего предварительнаго слѣдствія, тогда какъ другіе (большинство), стоя на почвѣ судебныхъ уставовъ, требовали и доказывали необходимость лишь отдѣльныхъ, частныхъ видоизмѣненій.

Къ первому теченію слѣдуетъ отнести профессора Фойницкаго и Г. Вульфберта ¹⁾. Свои воззрѣнія по этому предмету И. Я. Фойницкій изложилъ въ научной статьѣ своей „Предварительное слѣдствіе и его реформа“ и въ рефератѣ, сдѣланномъ имъ въ с.-петербургскомъ юридическомъ обществѣ „О недостаткахъ предварительнаго слѣдствія и способахъ ихъ устраненія“ ²⁾.

Належащихъ измѣненій въ положеніи слѣдственной части И. Я. Фойницкій полагаетъ достигнуть путемъ реформъ въ законодательствѣ. Надлежитъ сдѣлать выборъ, говорил онъ, между основными положеніями 1862 года и судебными уставами 20 ноября 1864 года. Авторъ стоитъ за основныя положенія 1862 года.

Другое теченіе, стоящее на почвѣ судебныхъ уставовъ, выразилось въ многочисленныхъ статьяхъ ³⁾, исчерпать которыя въ предѣлахъ настоящей статьи не представляется никакой возможности.

Пора и кончить. Двадцать пять лѣтъ слѣдственной дѣятельности, прошедшей у всѣхъ на глазахъ, даютъ право сдѣлать и соотвѣтствующій выводъ. Неудовлетворительность этой дѣятельности есть фактъ, неподлежащій спору и сомнѣнію.

¹⁾ Вульфбертъ. Реформа предварительнаго слѣдствія, 1881 годъ.

²⁾ И. Фойницкій. Журналъ гражд. и угол. права, 1882 г., кн. I и IX.

³⁾ С. Хрулевъ, Суды и судебныя порядки, Юридическій Вѣстникъ, 1884 годъ, кн. 9; К. Мамичевскій, О мѣрахъ къ устраненію недостатковъ слѣдственной части, Журн. гражд. и угол. права, 1880 г., кн. 5; Н. Т. Судебный слѣдователь по судебнымъ уставамъ и въ дѣйствительности, Журн. гражд. и угол. права, 1881 г., кн. 3. И. Закревскій, О желательныхъ измѣненіяхъ въ судебныхъ уставахъ, Журн. гражд. и угол. права, 1882 г., кн. 2; Н. Харизоменовъ, О недостаткахъ слѣдственной части по судебнымъ уставамъ, Журналъ гражд. и угол. права, 1881 г., кн. 2. Указанія на литературу можно найти въ судебныхъ уставахъ, изданія А. Тимановскаго.

Весь вопросъ кроется въ причинахъ, почему это произошло, какъ это случилось? Въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ мнѣнія расходятся, какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни. Говорятъ, самый институтъ боленъ, въ немъ самомъ заключаются такіа внутренніе дефекты, которые лишаютъ его возможности правильно функционировать. Мы думаемъ, что судить о конечной правильности такого утвержденія пока еще нельзя. Двадцатипятилѣтняя слѣдственная практика выяснила, что *слѣдственный институтъ нашъ дѣйствуетъ среди самыхъ неблагоприятныхъ условій*. Если бы эти условія были устранены и дѣятельность его оставалась бы по прежнему неудовлетворительною, тогда мы могли бы признать, что требованіе коренной ломки имѣетъ подъ собою твердую почву. Гораздо серьезнѣе, поэтому, мнѣніе, которое видитъ неудовлетворительность слѣдственной части въ неблагоприятныхъ условіяхъ, которыми она обставлена. На долю будущаго остается надлежащая оцѣнка этихъ условій и принятіе мѣръ къ ихъ устраненію.

И. Щеловитовъ.

ПРОКУРАТУРА ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ ¹⁾.

При обсужденіи основныхъ положеній, на которыхъ должны быть построены судебные уставы, было признано необходимымъ организовать прокурорскій институтъ на иныхъ началахъ, чѣмъ тѣ, которыя лежали въ основѣ дѣятельности стараго, такъ называемаго дореформеннаго прокурорскаго надзора. Благодаря полному отсутствію кодификаціи нашихъ законовъ, законы, опредѣляющіе существо власти и предѣлы вѣдомства прокурорскаго надзора, поражали ихъ неполнотой, неточностью и неудобствомъ. Они носили на себѣ явный отпечатокъ старины и удивляли странностью своего содержанія. Въ результатѣ обнаруживалось полное смѣшеніе понятій о значеніи учрежденія прокуроровъ. Н. В. Муравьевъ, въ своей книгѣ „Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности“ — книгѣ, послужившей намъ главнымъ матеріаломъ при составленіи настоящаго очерка, объединилъ эти безъ всякаго порядка разсѣянные по разнымъ томамъ свода за-

¹⁾ Источники: 1) *Обяснительная записка къ проекту учрежденія судебныхъ мѣстъ*, составленная комисіею, учрежденною при государственной канцеляріи; 2) *Судебные уставы* изд. государственной канцеляріи; 3) *Судебные уставы* Императора Александра II, изд. С. Щегловитова; 4) *Вуцковскій — О дѣятельности прокурорскаго надзора, вслѣдствіе отдѣленія обвинительной власти отъ судебной*; 5) *Фойницкій — Курсъ уголовного судопроизводства*; 6) *Муравьевъ — Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности* т. I 1889 г.; 7) *Рѣшенія общаго собранія и кассационныхъ департаментовъ сената*; 8) *Циркуляры министра юстиціи* и 9) Журнальныя статьи и замѣтки.

коновъ изд. 1857 г. положенія. Благодаря его труду, мы въ немногихъ словахъ можемъ опредѣлить характеръ старой прокуратуры. Все содержаніе ея дѣятельности могло быть сведено къ понятію надзора за соблюденіемъ и исполненіемъ закона во *всевозможныхъ* его проявленіяхъ и видахъ. На прокурорахъ лежало охраненіе *повсюду* законнаго порядка. Они обязаны были понуждать лѣнливыхъ чиновниковъ, принимать мѣры къ недопущенію медленности въ дѣлахъ, наблюдать за нравственностью чиновниковъ, присутствовать на торгахъ и въ дворянскихъ собраніяхъ. Однимъ словомъ— не было ни одной отрасли административной и судебной дѣятельности, за которой не былъ бы обязанъ надзирать прокуроръ. Само собою разумѣется, что эта *всеобъемлемость* дѣятельности, совершенно несоразмѣрная съ человѣческими силами, не могла не сдѣлать того, что въ концѣ концовъ надзоръ прокуроровъ сталъ фикціей и ограничивался классической надписью на журналахъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ— „челъ“ т. е. читаль. Мы уже не говоримъ о томъ, что при назначеніи личнаго состава прокурорскаго надзора не требовалось даже, чтобы назначаемыя лица обладали юридическимъ образованіемъ и только въ 40-хъ годахъ стали назначать прокурорами и стряпчими лицъ, окончившихъ курсъ въ основанномъ въ 1835 году училищѣ правовѣдѣнія.

Просвѣщенные составители судебныхъ уставовъ, конечно, отлично понимали, что при указанной организаціи прокурорскаго надзора, допустивъ даже, что личный составъ его и состоитъ сплошь изъ выдающихся дѣятелей, способныхъ работать по 20 часовъ въ сутки, все-таки толку не будетъ, такъ какъ кто хочетъ все знать— обыкновенно ничего не знаетъ. При первоначальномъ обсужденіи основныхъ положеній, на которыхъ должны были быть построены судебные уставы—государственный совѣтъ высказалъ, что „прокуроры суть органы правительства для охраненія силы законовъ и, на этомъ основаніи, сущность ихъ обязанностей заключается: 1) въ обнаруженіи и преслѣдованіи всякаго нарушенія законнаго порядка и въ требованіи распоряженій къ его воз-

становленію; 2) въ предложеніи суду предварительныхъ заключеній по судебнымъ дѣламъ, подчиненнымъ особому ихъ наблюденію уставами гражданскаго и уголовнаго судопроизводства; 3) въ наблюденіи за единообразнымъ и точнымъ исполненіемъ законовъ, и 4) въ представленіи о поясненіи и дополненіи законовъ, если о томъ возникнутъ недоразумѣнія или вопросы по судебному вѣдомству (журн. соедин. деп. госуд. сов. 1862 г. стр. 328 и 329).

Изъ этого опредѣленія видно, что мнѣніе о прокурорѣ, какъ о блюстителѣ закона во всѣхъ отрасляхъ управленія, во время обсужденія основныхъ положеній еще было сильно и среди членовъ государственнаго совѣта. Выраженію: „наблюденіе за точнымъ и единообразнымъ примѣненіемъ закона“ можно было придавать чрезвычайно распространительное толкованіе, но затѣмъ, при обсужденіи проектовъ уставовъ министерство юстиціи вполнѣ сознало всю опасность, для успѣха прокурорской дѣятельности, обремененія прокуроровъ занятіями, не имѣющими прямаго отношенія къ ихъ судебнымъ функціямъ и въ представленіи министра юстиціи государственному совѣту отъ 27 ноября 1865 года за № 10569, вопросъ былъ наконецъ поставленъ на настоящую почву. „Правильное теченіе и разрѣшеніе дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ, писалъ министръ юстиціи, и исполненіе при этомъ установленныхъ закономъ формъ, обезпечивается занятіями членовъ и, вообще, служащихъ каждаго даннаго установленія и, сверхъ того, наблюденіемъ со стороны непосредственнаго начальства; а по дѣламъ, касающимся интересовъ частныхъ лицъ—надзоромъ со стороны сихъ послѣднихъ и правомъ ихъ обжаловать каждое отдѣльное постановленіе. Поэтому, прокурорскій надзоръ по этимъ дѣламъ оказывается не столь необходимымъ. Но есть другія дѣла, которыя исключительно поручены надзору прокуроровъ и стряпчихъ, безъ которыхъ они не могутъ получить движенія, а между тѣмъ оставленіе ихъ въ безгласности или безъ наблюденія со стороны какого либо правительственнаго органа можетъ потрясти общественное спокойствіе. Къ разряду этихъ дѣлъ отно-

сая обнаруженіе преступленій, надзоръ за производствомъ слѣдствій, попеченіе о содержащихся подъ стражею, ходатайство по такимъ дѣламъ, по коимъ нѣтъ истца или по коимъ заинтересованныя лица не пользуются полною гражданскою правоспособностью. По этимъ дѣламъ лица прокурорскаго надзора являются единственными защитниками противъ нарушенія правъ и ходатаями за тѣхъ, кто самъ не можетъ воспользоваться правомъ иска. Поэтому, добросовѣстное исполненіе прокурорами и стряпчими обязанностей, лежащихъ на нихъ по этой категоріи дѣлъ, въ высшей степени важно для государства и общества и требуетъ много знанія, труда и времени со стороны лицъ, которымъ ввѣрены эти дѣла. Со введеніемъ судебного преобразованія прокуроръ долженъ являться публичнымъ обвинителемъ во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ и вести ихъ во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ въ качествѣ представителя правительства и закона,— обязанности прокуроровъ сдѣлаются еще сложнѣе и многочисленнѣе. Обвинительная дѣятельность прокуроровъ, сдѣлавшись главнымъ предметомъ ихъ занятій, отниметъ у нихъ столько времени, что затѣмъ не будетъ никакой возможности исполнять другія, лежащія на лицахъ прокурорскаго надзора обязанности по наблюденію за правильнымъ движеніемъ и разрѣшеніемъ дѣлъ въ административныхъ установленіяхъ. Вслѣдствіе сего, для успѣшнаго достиженія того, что постановлено основными положеніями главною цѣлью прокурорской дѣятельности, необходимо дать имъ средства и возможность добросовѣстно исполнять свои обязанности по обнаруженію и преслѣдованію преступленій и защитѣ правъ, представители коихъ не могутъ сами явиться на судъ въ качествѣ истца или отвѣтчика, а это можетъ быть достигнуто только освобожденіемъ прокуроровъ отъ другихъ занятій, немѣющихся прямаго соотношенія съ этою ихъ дѣятельностью“.

Государственный совѣтъ, какъ это видно изъ 135 ст. уст. угол. суд. въ первоначальной ея редакціи, вполне согласился съ этимъ представленіемъ и лишь впослѣдствіи въ указанной статьѣ было прибавлено къ словамъ: „предметы за-

натыи лицъ, коимъ ввѣренъ прокурорскій надзоръ, вообще ограничиваются дѣлами судебнаго вѣдомства“, что „нѣкоторыя же другія обязанности, сверхъ того возлагаемыя на сіи лица, опредѣлены въ особыхъ уставахъ и положеніяхъ, по принадлежности“. Прежде нежели мы перейдемъ къ этимъ особымъ обязанностямъ, остановимся на общей характеристикѣ отношеній судебной реформы къ прокурорскому надзору и на отличіи новаго надзора отъ стараго. Оно выразилось въ нижеслѣдующемъ:

1) Престнй надзоръ не выдѣлялся изъ общей сферы гражданскаго чиновничества, а губернский надзоръ, въ нѣкоторой степени, даже зависѣлъ отъ губернскаго начальства. Новый надзоръ составляетъ неотъемлемую часть судебной магистратуры, подчиненъ однимъ съ нею правиламъ образовательнаго и подготовительнаго ценза и находится въ полной и исключительной зависимости отъ одного лишь министра юстиціи.

2) Внутренняя организація престняго надзора была лишена однородности и единообразія. Новая прокуратура основана на началахъ единства и подчиненія и всѣ чины ея размѣщены въ стройной іерархической постепенности.

3) Оставаясь стражемъ закона, прокурорскій надзоръ, кромѣ того, сдѣлался сильнымъ государственнымъ обвинителемъ и правительственнымъ юрисконсультomъ въ дѣлахъ гражданскихъ и въ сѣздахъ мировыхъ судей.

4) Старый прокуроръ физически не могъ исполнять возложенныхъ на него обязанностей; новый, напротивъ, имѣетъ къ тому всѣ средства и отъ него справедливо требовать ихъ исполненія.

При этомъ нужно замѣтить, вопреки мнѣнію Н. В. Муравьева, что требованіе отъ прокурорскаго надзора безусловно точнаго исполненія возложенныхъ на него обязанностей—является возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ призванъ исполнять исключительно свои чисто *судебныя* функціи. Въ противномъ случаѣ прокурорскій надзоръ отдавится отъ того характера, отъ того идеала, который столь ясно и ярко очерченъ въ вышеприведенномъ представленіи министра юстиціи.

Разбрасываясь въ своей дѣятельности, прокурорскій надзоръ, конечно, уже не въ состояніи будетъ исполнять свои судебныя обязанности съ тѣмъ вниманіемъ, съ тою точностью, которая требуется самою важностью этихъ обязанностей. Къ сожалѣнію, со дня учрежденія уставовъ Императора Александра II, тенденція къ расширенію круга обязанностей прокурорскаго надзора и къ привлеченію его къ несудебнымъ функціямъ проявляется неукоснительно и красной нитью проходитъ во всѣхъ послѣдующихъ преобразованіяхъ. Остановимся на нихъ подробнѣе. Вотъ они въ ихъ исторической постепенности. Закономъ 7 марта 1866 года на прокурорскій надзоръ возложено не только наблюденіе надъ тюрьмами и удовлетвореніе законныхъ просьбъ и надобностей арестантовъ, но и прямое участіе въ управленіи тюрьмами. Прокурорамъ судебныхъ палатъ присвоено званіе вице-президентовъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, входящихъ въ районъ округа судебной палаты, при которой онъ состоитъ, а прочимъ прокурорскимъ чинамъ—директоровъ этихъ комитетовъ и ихъ отдѣленій.

Затѣмъ прокуроръ былъ введенъ въ различныя губернскія присутствія на правахъ члена, съ голосомъ въ присутствіи. Сначала представитель прокурорскаго надзора былъ введенъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, а затѣмъ, по мѣрѣ учрежденія другихъ присутствій, онъ сдѣлался членомъ губернскихъ присутствій: по военной повинности, по городскимъ дѣламъ, для освидѣтельствованія лицъ въ состояніи умственныхъ способностей и по фабричнымъ дѣламъ. По закону 7 іюля 1889 г. на прокурора возложено и званіе члена губернскаго присутствія, отчасти замѣнившаго собою губернское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ и вновь получившее функціи, прежде относившіяся къ вѣдѣнію кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Кромѣ того, законами 12 іюня 1884 г. и 28 апрѣля 1887 г. прокуратура призвана къ участію въ составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей, и въ число членовъ этихъ комиссій по каждому уѣзду введенъ мѣстный товарищъ прокурора.

Что касается дѣятельности прокурорскаго надзора въ административныхъ присутствіяхъ, то едва ли вполне правильно придавать ей, какъ то дѣлаетъ Н. В. Муравьевъ, характеръ лишь представительства отъ судебного вѣдомства, характеръ юрисконсульства. Хотя, правда, прокуроръ и не имѣетъ права протеста ни по одному изъ этихъ присутствій, но за то о всякомъ замѣченномъ имъ нарушеніи онъ можетъ представить по начальству—министру юстиціи, который и предложить о томъ сенату, а послѣдній приметъ зависящія мѣры для восстановленія силы нарушеннаго закона. Это тотъ же протестъ, но отягченный болѣе сложной процедурой.

Кромѣ привлеченія новой прокуратуры къ участию въ различныхъ присутствіяхъ и самый судебный надзоръ прокуратуры расширился. О судебномъ надзорѣ прокуратуры говорить, какъ извѣстно, 253 ст. учр. суд. уст. Въ текстѣ этой статьи указывается, что по праву наблюденія за охраненіемъ законовъ—чины прокурорскаго надзора о замѣченныхъ ими упущеніяхъ судебныхъ мѣстъ или должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, или сообщаютъ предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ или же, чрезъ прокуроровъ палатъ, доводятъ до свѣдѣнія министра юстиціи. Въ 1870 году общее собраніе правительствующаго сената разъяснило 253 ст. въ томъ смыслѣ, что о замѣченныхъ нарушеніяхъ чины прокурорскаго надзора не только имѣютъ право, но и *обязаны* сообщать. Затѣмъ, закономъ 21 мая 1872 года ст. 256 учр. суд. уст., предоставляющая министру юстиціи производить ревизію судебныхъ установленій лично или чрезъ своего товарища, а обревизованіе окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій—поручать членамъ судебныхъ палатъ, была дополнена предоставленіемъ министру юстиціи права поручать обзорѣніе дѣлопроизводства окружныхъ судовъ чинамъ прокурорскаго надзора. Дабы не покировать самостоятельность судей, цѣлью этихъ обзорѣній было поставлено извлеченіе „необходимыхъ для министерства свѣдѣній.“ Одинаковые по способу производства „обзорѣнія“ и „ревизіи“ на практикѣ, конечно, отождествились.

Законъ 20 мая 1885 года въ значительной степени усилилъ генераль-прокурорскій надзоръ за судебными мѣстами. Этимъ закономъ измѣнена редакція ст. 253—255, 263, 264 и 270 учр. суд. уст. Къ ст. 254 добавлено, что министр юстиціи имѣетъ право требовать отъ чиновъ судебного вѣдомства доставленія нужныхъ ему свѣдѣній и объясненій, какъ письменно, такъ и лично. Въ изданіи уставовъ Щегловитова ст. 254 снабжена выпиской изъ журнала соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта, въ которой говорится слѣдующее: „находясь во главѣ судебного вѣдомства и неся отвѣтственность предъ верховною властью за правильный ходъ правосудія въ имперіи, министр юстиціи, очевидно, долженъ располагать вполне достаточными способами къ устраненію усматриваемыхъ имъ въ дѣятельности судебныхъ чиновъ уклоненій отъ законнаго порядка. Въ силу сего департаменты считаютъ необходимымъ, не ограничиваясь положительнымъ постановленіемъ въ законѣ о правѣ министра юстиціи требовать отъ чиновъ судебного вѣдомства нужныхъ свѣдѣній и объясненій, представляемыхъ письменно или лично, и указывать на допущенныя нарушенія—устранить, сверхъ того, излишнія стѣсненія, которыми обставлено осуществленіе министромъ юстиціи принадлежащаго ему общаго по судебному вѣдомству надзора.“ Приведенное выраженіе „излишнія стѣсненія“ особенно ярко характеризуютъ тенденцію закона 20 мая, если припомнить тѣ соображенія составителей уставовъ, которые были ими высказаны при первоначальномъ обсужденіи ст. 249—260 учр. суд. уст.

Слѣдующая за 254 статья 255 также подверглась серьезному добавленію. Эта статья въ первоначальной редакціи давала министру юстиціи право предлагать предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ принять мѣры къ устраненію замѣченнаго накопленія дѣлъ, медленности или остановки въ движеніи оныхъ. По новой редакціи ст. 255 министру предоставлено право дѣлать судебнымъ чинамъ, допустившимъ медленность или отступленія отъ законнаго порядка, соответственные напominанія и указанія и привлекать ихъ къ отвѣтственности.

Обращаясь къ разсмотрѣнію узаконеній по прокурорско-слѣдственной части мы должны указать:

1) По закону 1870 г. судебные слѣдователи по важнѣйшимъ дѣламъ приступаютъ къ производству слѣдствій исключительно по предложеніямъ прокуроровъ окружныхъ судовъ.

2) Въ 1871 году чины отдѣльнаго корпуса жандармовъ привлечены къ содѣйствію уголовному преслѣдованію.

3) На законъ 19 декабря 1879 г., которымъ на прокуратуру возложено привлеченіе къ отвѣтственности чиновъ полиціи, по сообщеніямъ мировыхъ судей за упущенія по подвѣдомственнымъ имъ дѣламъ.

4) На законъ 1 мая 1884 года, дополнившій ст. 253 уст. угол. суд. Первоначально всѣ дознанія полиціи о происшествіяхъ, въ которыхъ не оказалось признаковъ уголовно-наказуемыхъ дѣяній, прекращались самой полиціей, по закону 1 мая всѣ такія дознанія обязательно представляются полиціею на разсмотрѣніе прокурорскаго надзора, отъ котораго зависитъ или изъявить согласіе на ихъ прекращеніе, или потребовать по нимъ дополнительнаго производства или, наконецъ, возбудить по немъ уголовное преслѣдованіе. Тѣмъ же закономъ категорически признано право прокурора возбуждать чрезъ полицію судебное преслѣдованіе въ мировыхъ установленіяхъ.

Затѣмъ упомянемъ еще о законахъ:

1) 3 мая 1883 г.—о новомъ порядкѣ прекращенія слѣдствій, по которому прокуроръ всякое заключеніе свое о прекращеніи дѣла, независимо отъ его рода, вноситъ въ окружный судъ и лишь въ случаѣ несогласія суда съ прокуроромъ дѣло поступаетъ въ судебную палату и

2) 12 іюня 1884 г., по которому право отвода прокуроромъ присяжныхъ засѣдателей на судѣ сокращено съ 6 на 3.

Обращаясь къ измѣненіямъ, послѣдовавшимъ въ организаціи и дѣятельности сенатской оберъ-прокуратуры, мы должны, прежде всего, остановиться на законѣ 10 іюня 1877 года, въ силу котораго высшій надзоръ за судебными установленіями сосредоточенъ въ особомъ соединенномъ присутствіи сената. При

соединенномъ присутствіи состоитъ особый оберъ-прокуроръ, который въ тоже время и оберъ-прокуроръ общаго собранія. Въ случаѣ, если министръ юстиціи найдетъ, что разныя судебныя мѣста неодинаково примѣняютъ законы или же нѣкоторые изъ таковыхъ вызываютъ сомнѣнія, то онъ можетъ, чрезъ оберъ-прокурора общаго собранія, передать эти вопросы на обсужденіе общаго собранія. Затѣмъ, закономъ 20 мая 1885 года, въ составѣ сената образовано высшее дисциплинарное присутствіе для разрѣшенія подсудныхъ сенату дѣлъ дисциплинарныхъ о лицахъ судебного вѣдомства. Обязанности прокурора въ этомъ присутствіи возложены на оберъ-прокурора соединеннаго присутствія и общаго собранія. Министру юстиціи тѣмъ же закономъ предоставлено право поручить означенному прокурору исполненіе прокурорскихъ обязанностей по дѣламъ, разсматриваемымъ въ кассационныхъ департаментахъ сената. Въ журналѣ государственнаго совѣта необходимость дать это право мотивировалось слѣдующими соображеніями:

„У оберъ-прокурора, исполняющаго прокурорскія обязанности въ общемъ собраніи и соединенномъ присутствіи, сосредоточиваются всѣ случаи, требующіе устраненія встрѣчаемыхъ въ судебной практикѣ уклоненій отъ законнаго порядка и привлеченія въ отвѣтственности судебныхъ чиновъ. Между тѣмъ, подобные вопросы нерѣдко возникаютъ также изъ дѣлъ, вступающихъ на разсмотрѣніе кассационныхъ департаментовъ въ инстанціонномъ порядкѣ, а потому весьма важно, чтобы въ такихъ случаяхъ рѣшенія сихъ департаментовъ и соединеннаго присутствія вполне согласовались между собою, какъ въ окончательныхъ заключеніяхъ, такъ и относительно приводимыхъ въ нихъ соображеній. Точно также, когда общимъ собраніемъ кассационныхъ департаментовъ дается руководящее разъясненіе по какому либо предмету, возбуждавшему въ судебной практикѣ сомнѣніе, крайне необходимо, чтобы принятое начало послѣдовательно проводилось во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ кассационнымъ департаментамъ приходится встрѣчаться съ тѣмъ же вопросомъ. Желательное един-

ство въ дѣятельности кассационнаго суда всего вѣрнѣе можетъ быть достигнуто тогда, когда заключенія по всѣмъ дѣламъ, касающимся наиболѣе существенныхъ въ судебной практикѣ вопросовъ, будутъ предъявляться однимъ и тѣмъ же лицомъ прокурорскаго надзора, не смотря на то, что дѣла эти производятся въ разныхъ присутствіяхъ“ (журн. за № 26 стр. 16 и 17).

Чтобы покончить съ законами, касающимися прокурорскаго надзора, изданными въ минувшее 25-тилѣтіе, мы должны еще указать: 1) на законъ 22 февраля 1872 г., которымъ, въ развитіе начала единства прокуратуры, прокурорамъ судебныхъ палатъ предоставлено право, какъ по собственному усмотрѣнію, такъ и по распоряженію министра юстиціи, принимать на себя или возлагать на своихъ товарищей исполненіе всякой обязанности подчиненныхъ имъ лицъ прокурорскаго надзора; прежде право замѣны высшаго лица прокуратуры низшимъ было, какъ извѣстно, ограничено предѣлами одной и той же юрисдикціи, и 2) на законъ 25 мая 1874 г., которымъ предоставлено прокурорамъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ возбуждать своими предложеніями въ судебныхъ мѣстахъ дисциплинарныя производства о частныхъ повѣренныхъ за неправильныя или предосудительныя ихъ дѣйствія.

Но кромѣ узаконеній, касающихся прокурорскаго надзора, нельзя не остановиться и на тѣхъ разъясненіяхъ, которые въ минувшее 25-тилѣтіе далъ по поводу надзора правительствующій сенатъ — какъ верховный кассационный судъ, министр юстиціи — какъ генераль-прокуроръ и прокуроры судебныхъ палатъ — какъ представители окружной прокуратуры. Характеръ этой руководящей прокуратуры практики различенъ. Сенатъ касается, главнымъ образомъ, процессуальныхъ казусовъ и весьма рѣдко усматривая неправильности въ дѣйствіяхъ прокуратуры, передавалъ таковыя на усмотрѣніе министра юстиціи. Последнее бывало лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сенатъ находилъ, что чины прокуратуры въ

судебныхъ засѣданіяхъ вели себя несогласно съ важностью возложенной на нихъ задачи, не оказывали должнаго уваженія къ авторитету предсѣдательствовавшаго въ засѣданіяхъ, или же въ судебныхъ преніяхъ чрезмѣрно увлекались и недостаточно обращали вниманія на способъ выраженія своихъ мыслей. Насколько мы помнимъ подобныхъ случаевъ передачи сенатомъ дѣйствій прокуратуры на усмотрѣніе г. министра юстиціи было чрезвычайно мало. Собственно разъясненія сената относительно дѣятельности прокуратуры сводятся къ слѣдующему:

Сенатъ разъяснилъ: 1) что прокуроръ долженъ обращаться къ суду стоя; 2) что прокуроръ подчиняется всякому распоряженію предсѣдателя по охраненію порядка въ засѣданіи, оставляя за собою право опротестовать тѣ изъ распоряженій, которыя онъ признаетъ неправильными; 3) прокуроръ не имѣетъ права находиться при совѣщаніи судей, и 4) высшій прокуроръ можетъ опротестовать постановленіе низшаго, но не вправе оставить безъ движенія протестъ, поданный подчиненнымъ.

Что касается до разъясненія сенатомъ дѣятельности прокурорскаго надзора по мировымъ установленіямъ, то мы говорить о томъ не будемъ, въ виду упраздненія мирового института, созданнаго уставами Императора Александра II.

Относительно дѣятельности прокуратуры по гражданскимъ дѣламъ, мы можемъ указать лишь на слѣдующее: гражданскій кассационный департаментъ признаетъ, что заключеніе прокурора въ тѣхъ случаяхъ, когда оно предписано закономъ, настолько важно, что отсутствіе такового ведетъ къ кассационному рѣшенію.

Обращаясь къ циркулярамъ министра юстиціи, касающимся прокуратуры, мы видимъ, что они всѣ почти относятся или до внутренняго распорядка, какъ-то, веденія книгъ и отчетностей, или требуютъ доставленія того или другого рода свѣдѣній по судебной и судебно-административной части. Не останавливаясь на подробномъ перечисленіи этихъ циркуля-

ровъ, мы укажемъ лишь на болѣе важные или вызвавшіе на практикѣ неправильное толкованіе. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести циркуляръ министра графа Палена (по сборн. № 392), которымъ лица прокурорскаго надзора, поддерживающіе обвиненіе по дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, обязаны были доставлять въ департаментъ министерства юстиціи и прокурору палаты—когда количество оправдательныхъ приговоровъ превышало 20% общаго количества разсматриваемыхъ такого рода дѣлъ въ одну сессію—вѣдомость, съ точнымъ обозначеніемъ, по возможности относительно каждаго дѣла, указанія причинъ, вызвавшихъ оправдательный приговоръ. Многіе чины прокурорскаго надзора, правда совершенно ошибочно, придавали этому циркуляру такое толкованіе, что министерство не желаетъ, чтобы оправдательныхъ приговоровъ было болѣе 20% и, потому, употребляли всѣ усилія, чтобы число оправданій не превышало этой нормы. Для этого въ тѣхъ сессіяхъ, гдѣ было много оправданій, они, случалось даже, старались отлагать дѣла, обвинительный исходъ по которымъ имъ казался сомнительнымъ. Циркуляромъ министерства юстиціи отъ 26 іюля 1881 г. требованіе, установленное циркуляромъ за № 392, было отменено.

Затѣмъ, циркуляромъ 1879 г. (по сборн. № 557), министерство юстиціи распорядилось, чтобы товарища прокуроровъ окружныхъ судовъ имѣли жительство въ раіонахъ завѣдуемыхъ ими участковъ, т. е. въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ. Эта мѣра преслѣдовала двѣ цѣли: 1) живя въ участкѣ, товарищъ прокурора получалъ возможность болѣе бдительно наблюдать за дѣятельностью судебныхъ слѣдователей, ввѣренныхъ его надзору, чаще посѣщать тюремные замки и арестные дома и, вообще, быть ближе къ населенію, и 2) расходы на путевыя издержки лицъ прокурорскаго надзора, какъ для присутствованія въ мировыхъ сѣздахъ, такъ и для наблюденія за производствомъ болѣе важныхъ слѣдствій на мѣстѣ обнаруженія преступленій, значительно уменьшались. Издавая означенное распоряженіе министерство юстиціи объявило, что

пребываніе товарищей прокуроровъ въ уѣздахъ будетъ принимаемо въ особое уваженіе для предоставленія имъ повышенія по службѣ.

Кромѣ циркулярныхъ разъясненій сената и министерства юстиціи, къ числу источниковъ руководящей прокурорской практики должны быть отнесены и инструкціи, издаваемые прокурорами судебныхъ палатъ для подвѣдомственныхъ имъ лицъ прокурорскаго надзора и чиновъ полиціи. Впрочемъ, особаго значенія эти инструкціи не имѣютъ (одна изъ нихъ, бывшаго прокурора казанской, а потомъ московской судебныхъ палатъ г. Гончарова была своевременно разобрана въ нашемъ журналѣ). Они имѣютъ значеніе какъ краткій сводъ циркулярныхъ разъясненій общаго собранія и министерства юстиціи и, кромѣ того, указываютъ на примѣненіе нѣкоторыхъ статей уставовъ къ мѣстнымъ условіямъ. На этомъ мы покончимъ съ законодательной хроникой, касающейся прокуратуры и перейдемъ къ практической дѣятельности прокурорскаго надзора за минувшее 25-лѣтіе.

Уже изъ обзора законоположеній, касающихся прокуратуры прямо видно, что въ минувшее 25-лѣтіе министерство юстиціи особенно любовно относилось къ прокуратурѣ. Оно старалось расширить кругъ ея дѣятельности, сдѣлать ее органомъ дѣйствительнаго надзора надъ судебными установленіями. Противъ этого преобладанія прокуратуры возроптали судьи и между магистратурами стоячей и сидячей возникъ весьма печальный антагонизмъ. Антагонизмъ этотъ, кромѣ того, находилъ пищу и въ томъ, что чины прокурорскаго надзора дѣлали служебную карьеру гораздо быстрѣе чѣмъ судьи и въ массѣ судовъ предсѣдатели оказались изъ прокуроровъ и, притомъ, гораздо меньше паходившихся на службѣ, чѣмъ товарищи предсѣдателей и члены судовъ. Особое быстрое служебное движеніе получали чины прокуратуры при графѣ Паленѣ и тогда къ прокуратурѣ прилагалось даже названіе „судебной гвардіи“. Отъ этого антагонизма, конечно, теряло дѣло и насколько этотъ антагонизмъ былъ глубокъ, это выразилось въ пресловутомъ вопросѣ о томъ, должны ли стоять

или сидѣть, обращаясь къ суду, представители надзора. Этотъ праздный и совершенно неприличный для серьезныхъ дѣятелей споръ вызвалъ вмѣшательство сената, разъяснившего, что прокуроры должны вставать, обращаясь къ суду. Министромъ Д. Н. Набоковымъ были приняты мѣры для прекращенія этого вреднаго антагонизма и онъ сталъ понемногу исчезать. Впрочемъ, въ установленіи враждебныхъ отношеній суда къ прокуратурѣ нельзя не винить и нѣкоторыхъ представителей самой прокуратуры, у которыхъ, подъ вліяніемъ слишкомъ быстрой карьеры, закружилась голова и они позволяли себѣ нарушать правила судебного приличія. Мы знали прокурора, который въ публичныхъ засѣданіяхъ забывался до того, что осмѣливался явно пренебрежительно относиться къ суду, пользуясь тѣмъ, что предсѣдавшій въ засѣданіяхъ товарищъ предсѣдателя былъ человѣкъ смирный и ненаходчивый. Но справедливость, однако, требуетъ признать, что такіе прокуроры были рѣдкими исключеніями.

Быстрота служебныхъ повышеній въ прокуратурѣ объясняется личнымъ составомъ прокуратуры. Надо правду сказать, что въ первое 25-лѣтіе въ рядахъ прокуратуры выдвинулось много лицъ, дѣйствительно дѣлающихъ честь судебному вѣдомству. Достаточно назвать имена нынѣшняго министра юстиціи Н. А. Манасеина, покойныхъ сенаторовъ: М. Е. Ковалевскаго, Г. Н. Мотовилова и Я. Я. Чемадунова и здравствующихъ: Э. В. Фриша, И. Н. Орлова, Н. О. Тизенгаузена, Д. А. Ровинскаго, Э. Я. Фукса, В. К. Плеве, Н. Н. Шрейбера, Н. М. Окулова, Н. А. Трохимовскаго, Н. А. Неклюдова, В. Р. Завадскаго, Г. А. Евреинова, П. В. Бутовскаго, И. П. Закревскаго, А. Θ. Кони и Н. В. Муравьева, чтобы утверждать, что личные качества этихъ лицъ, а отнюдь не то обстоятельство, что они начали службу въ прокуратурѣ—доставили имъ блестящую судебную карьеру. Конечно и среди магистратуры сидячей было не мало лицъ, основательно создавшихъ себѣ репутацію выдающихся судебныхъ дѣятелей, но сами условія прокурорской службы влекли къ себѣ лучшія силы. Для судьи достаточно имѣть свѣтлый умъ,

трудолюбіе и добросовѣстность; судья, обладающій этими качествами—судья идеальный; для прокурора этого мало: ему нуженъ еще ораторскій талантъ и большинство изъ указанныхъ лицъ этимъ талантомъ владѣютъ въ значительной степени.

Такимъ образомъ первая причина того, что чины прокуратуры дѣлали быстрыя карьеры—это выдающіяся ихъ способности. Затѣмъ вторая причина та, что при постоянныхъ сношеніяхъ министра юстиціи, какъ генераль - прокурора, съ чинами подвѣдомственного ему надзора, онъ имѣлъ возможность ближе и скорѣе убѣждаться въ способностяхъ и трудолюбіи чиновъ надзора, а слѣдовательно и давать имъ повышенія. Наконецъ, публичная дѣятельность чиновъ прокуратуры, дѣлая талантливыхъ изъ нихъ общеизвѣстными, не могла также не вліять на сочувственное отношеніе къ нимъ министра юстиціи. Между тѣмъ многіе судьи, считавшіе себя обиженными, громко заявляли, что успѣхъ службы въ прокуратурѣ обусловливается подслуживаніемъ предъ министерствомъ, хотя, конечно, они и сами были увѣрены въ томъ, что это неправда. Конечно, всѣ эти протесты сѣяли еще большую смуту, не помогая улучшенію отношеній между прокуратурой и судьями и, проникая въ общество, вредили прокуратурѣ, придавая ей характеръ учрежденія, спеціально занимающагося доносами. Благодаря этому, прокурорская служба, сама по себѣ тяжелая, дѣлалась еще болѣе тяжелой. Но русская прокуратура съ честью вышла изъ борьбы и къ концу перваго 25-ти лѣтія своего существованія она съ гордостью можетъ заявить, что отношенія ея къ суду стали вполне нормальными. Кстати и быстрая служебная карьера сдѣлалась теперь уже невозможной, а потому и главная причина, раздражавшая самолюбіе судей, исчезла. Кромѣ того, нынѣ прокуроры судовъ назначаются министромъ юстиціи и изъ членовъ суда (напр. въ Балтійскій край на дняхъ назначена половина прокуроровъ изъ членовъ суда) и ежели кое-кто изъ судей и брюзжитъ противъ прокуратуры, то дѣлаетъ это по старой и — прибавимъ — дурной привычкѣ. Установившемуся согласію двухъ на-

гистратуръ нельзя не высказать искренняго сочувствія, такъ какъ оно несомнѣнно благотворно отзывается на дѣлѣ.

Что касается работы, вынесенной на своихъ плечахъ прокуратурой въ минувшее 25-ти лѣтіе, то она громадна. Дѣлопроизводство прокурорскаго надзора окружнаго суда въ центральной полосѣ имперіи даетъ ежегодно, смотря по пространству округа, до 30000 входящихъ и до 40000 исходящихъ бумагъ и до 4500 уголовныхъ и 1800 гражданскихъ дѣлъ у прокурора въ столицѣ и у каждаго товарища прокурора по 1500 бумагъ входящихъ и исходящихъ, до 300 уголовныхъ дѣлъ и до 300 заключеній въ сѣздахъ мировыхъ судей; въ провинціи—у прокурора отъ 4 до 12000 входящихъ и отъ 4 до 17000 исходящихъ бумагъ, отъ 450 до 2000 уголовныхъ дѣлъ, отъ 80 до 1800 гражданскихъ и у каждаго товарища прокурора отъ 1000 до 1700 входящихъ, отъ 900 до 1200 исходящихъ, отъ 200 до 300 уголовныхъ дѣлъ и отъ 180 до 400 заключеній въ сѣздахъ. Къ этому нужно прибавить дѣятельность прокуратуры въ присутствіяхъ разныхъ наименованій, наблюденіе за производствомъ слѣдствій, полицейскихъ и жандармскихъ дознаній и, наконецъ, публичную обвинительную дѣятельность. Качественный характеръ этой дѣятельности, конечно, не одинаковъ, но если даже брать во вниманіе одни такъ называемыя громкія дѣла, то на основаніи ихъ однихъ нельзя, думается намъ, не признать, что и въ качественномъ отношеніи прокурорская дѣятельность заслуживаетъ полнаго одобренія. Именно этимъ достоинствомъ работы и можно объяснить то сочувствіе общества къ прокуратурѣ, которое несомнѣнно и *топмъ опредѣленно* все болѣе и болѣе проявляется. Новая прокуратура убѣдила общество въ томъ, что миновали тѣ печальныя для правосудія времена, когда принадлежность къ знатному роду и еще болѣе, пожалуй, богатство, дѣлали человѣка безнаказаннымъ. Русская прокуратура свято исполнила завѣтъ великаго Царя-освободителя — по мѣрѣ силъ она способствовала созданію суда дѣйствительно равнаго для всѣхъ; и въ этомъ ея неумирающая заслуга, которая конечно не могла не вызвать общественнаго сочувствія.

ж. гр. и уг. пр. кп. ix 1889 г.

2

Чтобы воочию убѣдиться въ этомъ сочувствіи достаточно побывать въ уголовныхъ засѣданіяхъ суда съ присяжными и пристально приглядѣться къ тому, съ какимъ вниманіемъ слушаютъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, присяжные засѣдатели обвинительную рѣчь прокурора. Особенно это наблюдается въ провинціи, гдѣ народъ проще, держитъ себя естественнѣе, не умѣетъ маскировать своихъ истинныхъ чувствъ. Въ провинціи какихъ только не подаетъ простолюдинъ заявленій прокурору, онъ видитъ немъ защитника отъ всякихъ золъ и не получивъ удовлетворенія въ разныхъ инстанціяхъ, идетъ „до прокурора“, глубоко вѣруя въ его защиту.

Нельзя не указать и на дѣятельность чиновъ прокуратуры въ законодательной дѣятельности и литературѣ. Одной изъ важнѣйшихъ законодательныхъ работъ, касающейся области уголовного права, конечно, должно быть признано учрежденіе коммисіи по составленію новаго уголовного уложенія. До сихъ поръ опубликованныя работы этой коммисіи вызвали болѣе чѣмъ сочувственный отзывъ лучшихъ европейскихъ криминалистовъ. Новое, столь давно ожидаемое уложеніе должно составить событіе первостепенной важности въ нашей юридической жизни. Изъ 6 членовъ коммисіи—4 бывшіе и настоящіе дѣятели прокуратуры. Въ новой юридической литературѣ чины прокуратуры занимаютъ также выдающееся положеніе.

Нашъ очеркъ могли бы заподозрить въ пристрастіи, въ одностороннемъ освѣщеніи дѣятельности нашей прокуратуры, если бы мы не остановились на тѣхъ недостаткахъ, которые обнаружили въ первое двадцатипятилѣтіе ея существованія. Особенно арко эти недостатки проявились въ первое время существованія прокуратуры, когда, по случаю открытія судебныхъ округовъ, было много прокурорскихъ вакансій и на нихъ пришлось назначать лицъ, хотя и способныхъ, но слишкомъ молодыхъ, мало знакомыхъ съ жизнью, не вполнѣ владѣющихъ тою сдержанностью, тѣмъ чувствомъ мѣры, которая безусловно необходима лицу прокурорскаго надзора. Это отсутствіе таета и было одной изъ причинъ, какъ мы выше указывали, того

печального антагонизма, который нѣкоторое время существовалъ между судьями и прокурорами. Затѣмъ, желаніе отличиться иногда увлекало нѣкоторыхъ талантливыхъ, но слишкомъ юныхъ прокуроровъ, и они настаивали на обвиненіяхъ, не вполне фактически обоснованныхъ, хотя въ послѣднихъ случаяхъ вину ихъ, въ значительной степени, слѣдуетъ перенести на судебныя палаты, утверждавшія эти *легкіе* обвинительные акты. Точно также и въ публичной дѣятельности чины прокуратуры по временамъ увлекались и не соразмѣряли свои громы съ серьезностью дѣла, грѣшили и многословіемъ и недостаточной отдѣлкой своихъ рѣчей. Было бы странно, впрочемъ, требовать, чтобы при введеніи гласнаго судопроизводства у насъ сразу выработалось въ совершенствѣ ораторское искусство. Что же касается указанныхъ ошибокъ, то вѣдь только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ, а русская прокуратура, особенно окружныхъ судовъ, много, очень много работаетъ.

Теперь подведемъ итоги измѣненій въ прокуратурѣ за протекшіе 25 лѣтъ.

1) Какъ первое отступленіе отъ основныхъ положеній и судебныхъ уставовъ въ ихъ первоначальной редакціи— слѣдуетъ поставить измѣненіе отношенія министра юстиціи къ судебному вѣдомству. Составители уставовъ, желая, по возможности, развить самостоятельность судовъ, тщательно подчеркивали, что министр юстиціи не есть начальникъ всего судебного вѣдомства, а лишь его шефъ. Послѣдующія измѣненія въ уставахъ вернули министру юстиціи ту власть, которую хотѣли умалить и, несмотря на то, что наши судьи числятся несмѣняемыми, фактически министр юстиціи прямой начальникъ судебного вѣдомства.

2) Одновременно съ усиленіемъ власти надъ судомъ министра юстиціи, увеличилось и значеніе всего прокурорскаго надзора, какъ органа министерства. Да иначе и быть не могло. Разъ министр юстиціи приобрѣлъ исключительное право на назначеніе судей, очевидно, свѣдѣнія о личныхъ качествахъ этихъ кандидатовъ онъ долженъ былъ собирать чрезъ непо-

средственно подчиненныхъ ему лицъ прокурорскаго надзора или же назначать на открывающіяся вакансіи самихъ чиновъ надзора. Последнее, конечно, отнюдь не противорѣчитъ уставамъ, хотя въ минувшее двадцатипятилѣтіе и раздавались противъ этихъ назначеній голоса, проникшіе въ литературу и выразившіеся въ крайне оригинальномъ требованіи перечисленія прокуратуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ.

3) вмѣстѣ съ расширеніемъ судебного значенія прокурорскаго надзора, онъ, какъ мы видѣли, получилъ возможность, благодаря его участію во всѣхъ губернскихъ присутствіяхъ, вліять и на дѣятельность административныхъ органовъ государства.

4) Во все управленіе министерствомъ юстиціи графа Палена судебные слѣдователи не назначались, а исполненіе ихъ обязанностей возлагалось на чиновниковъ, причисленныхъ къ департаменту министерства юстиціи. Чиновники эти, уже по самому способу ихъ назначенія, не могли не стать послушными орудіями аттестующихъ ихъ дѣятельность прокуроровъ и, потому, вліяніе прокуратуры на предварительныя слѣдствія возросло до предѣловъ возможнаго. Съ назначеніемъ министромъ юстиціи Д. Н. Набокова этотъ ненормальный, совершенно противорѣчивый требованіямъ уставовъ порядокъ былъ оставленъ и значительное число лицъ исправляющихъ должность судебныхъ слѣдователей утверждено въ должностяхъ, и теперь командировка къ исправленію должности судебныхъ слѣдователей является не какъ общее правило, а какъ исключеніе.

Такимъ образомъ сфера дѣятельности прокурорскаго надзора является въ послѣднее 25-тилѣтіе значительно расширенной, быть можетъ и съ нѣкоторымъ ущербомъ прямому ея назначенію и достоинству суда. Будущему предстоитъ возстановить равновѣсіе тамъ, гдѣ оно нарушено.

Н. Селивановъ.

АДВОКАТУРА ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ.

„Laudabile vitaeque hominum necessarium advocacionis officium maxime principalibus praemiis oportet renumerari“. L. 23.
C. 2. 7. De advocatis diversorum judiciorum.

I.

Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ волею Царя-Освободителя созданъ былъ совершенно новый судебный порядокъ. Прежній судебный строй и порядокъ производства суда, недостатки которыхъ обратили на себя вниманіе Императора Николая I и побудили его положить начало устраненію ихъ, отошелъ въ область исторіи и къ жизни былъ призванъ новый строй, новыя начала судопроизводства. Не было и нѣтъ двухъ мнѣній о томъ, необходимо ли было обновить нашу русскую правовую жизнь со стороны судебной. Это было насущною потребностью. Призванный къ новой жизни освободительною реформою 1861 года, нашъ государственный и общественный организмъ нуждался не только въ обновленіи, но и въ расширеніи своихъ функцій; проявились новыя потребности, для удовлетворенія ихъ нужно было создать новыя средства. Реформа 20 ноября 1864 года была плодомъ сознанія законодателемъ этой необходимости.

Историку прошлаго царствованія нельзя будетъ упустить изъ виду связи судебной реформы съ освободительною реформою 1861 года. Имѣя съ послѣднею связь, судебная ре-

ж. гр. и уг. пр. кн. ix 1889 г.

форма имѣть съ нею и аналогію. Это было также освобожденіемъ—не личности, а *права*; не отъ крѣпостной зависимости—а отъ произвола, отъ волокиты, отъ невѣжества, отъ цѣлой сѣти преградъ къ здоровому, естественному развитію. Крѣпостное право налагало узы на личность, подавляло ее, убивало всякое ея проявленіе; дореформенный судебный порядокъ сковывалъ *осуществленіе* права, задерживалъ его развитіе. Пусть гражданскія, имущественныя права отдѣльной личности, карательное право государства будутъ наилучшимъ образомъ обеспечены наличностью законодательныхъ нормъ; пусть эти нормы наилучшимъ образомъ будутъ согласованы съ потребностями общественной жизни, гражданского оборота, но если нѣтъ удобныхъ, вѣрныхъ и обеспеченныхъ способовъ проявить это право, осуществить, охранить его, то эти нормы, эти права, будутъ абстрактными потенціями, какъ говаривали метафизики, но не реальною сущностью. Если никто мнѣ не мѣшаетъ, то мнѣ и нормы ненужно, обеспечивающей меня отъ вторженія въ мою правовую сферу; необходимость нормы начинается чувствоваться только при вторженіи кого либо въ эту сферу, и тогда одна норма права меня не выручитъ, не дастъ мнѣ возможности осуществить мое право; норма есть только основаніе, по которому за мною можетъ быть признано право и предоставлена возможность его осуществить; необходима сложная дѣятельность цѣлаго ряда государственныхъ органовъ, которые служили бы посредниками между моимъ конкретнымъ притязаніемъ, и тою нормою, которая устанавливаетъ то или другое право. Если такихъ органовъ нѣтъ, если органы плохо функціонируютъ, или если органы эти по природѣ своей не могутъ выполнить эти функціи,—то нѣтъ охраны права, нѣтъ полного осуществленія правъ, и устранить это положеніе никакія разумныя нормы матеріальнаго права не въ состояніи.

Матеріальное право, безъ обеспечивающаго его процессуальнаго порядка, находится въ томъ же положеніи, въ ка-

комъ личность человѣка, безъ возможности проявить себя какъ личность. Это крѣпостное право правъ.

Вотъ почему реформа 20 ноября 1864 года—также освободительная реформа. Правосостояніе наше нуждалось въ коренной передѣлкѣ. И матеріальное право нельзя было считать удовлетворительнымъ само по себѣ; ни сводъ законовъ гражданскихъ, ни уложеніе 1845 года непригодны были для обновленной правовой жизни народа. Не простая случайность, однако,—то, что главное вниманіе законодателя обращено было прежде всего и главнѣе всего на процессуальную, коренную реформу. Онъ шелъ тѣмъ же путемъ, которымъ шли всѣ законодатели-реформаторы. Реформа процесса вездѣ шла впереди реформы матеріальнаго права; такой ходъ вещей не есть результатъ того, что процессъ легче реформировать чѣмъ матеріальное право, а результатъ сознанія, что для правовой жизни народа необходимость процесса представляется прежде всего настоятельной. Нужно создать органы, опредѣлить и комбинировать ихъ функціи прежде, чѣмъ давать этимъ органамъ для переработки матеріалъ, изъ котораго получался бы годный правовой продуктъ.

Вѣрный тактъ римскаго правосознанія отразилъ значеніе процесса для матеріальнаго права, въ отождествленіи права съ его процессуальнымъ осуществленіемъ,—въ понятіи *actio*. Право постольку существуетъ, поскольку дается возможность его процессуальнаго осуществленія.

Это соотношеніе права съ процессомъ необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи значенія той великой реформы, которая связана съ днемъ 20 ноября 1864 г. Этотъ день не есть только день созданія новыхъ судебныхъ порядковъ, а день крупной реформы въ области нашего права вообще. Если бы въ этотъ день волею законодателя вступили въ дѣйствіе новый гражданскій и уголовный кодексы при старомъ порядкѣ суда и производства,—значеніе его не было столь велико.

Значеніе процесса для права лучше всего охарактеризо-

вать словами Bülow'a ¹⁾: „посредствомъ закона государственная власть опредѣляетъ, что соотвѣтствуетъ праву. Въ попеченіи о благѣ общежитія, законодатель представляетъ себѣ всѣ тѣ возможныя формы, въ которыхъ въ будущемъ могутъ представиться человѣческія отношенія и обстоятельства, состоянія и дѣйствія, и примѣняетъ къ нимъ масштабъ неминуемой общественной потребности, правовой необходимости. Онъ взвѣшиваетъ, до какой границы можетъ, при столкновеніи и борьбѣ между собою дѣйствующихъ человѣческихъ силъ, быть предоставлено свободное развитіе отдѣльнымъ стремленіямъ, направленнымъ на споспѣшествованіе благополучія отдѣльной личности; до какой мѣры отдѣльная личность обязана къ содѣйствію благополучію другихъ, а также съ своей стороны должна разсчитывать на содѣйствіе и укрѣпленіе другими своей силы. Найденными предѣльными линіями законодатель ярко и ясно очерчиваетъ картину будущаго соотношенія. Но то, что законодатель создаетъ, не есть еще дѣйствующее право; это только *планъ*, только *проектъ* будущей желательной правоупорядоченности. Какъ часто закону подвластныя лица, руководимыя вѣрнымъ пониманіемъ закона и добрымъ образомъ мыслей, ни слѣдуютъ добровольно предписаніямъ закона, все таки на каждомъ шагѣ представляются правовому плану законодателя всяческія препятствія, проистекающія отъ непониманія и небрежности, своекорыстія и страстей, человѣческой природѣ свойственныхъ. Законодательству приходится довольствоваться тѣмъ, что оно властнымъ образомъ указываетъ тотъ путь, по которому должно идти установленіе дѣйствительнаго правопорядка. Для того, чтобы *обезпечить* это установленіе при всякомъ представляющемся случаѣ, государственная власть располагаетъ, кромѣ законодательнаго аппарата, еще и другимъ правовымъ учрежденіемъ—судебнымъ порядкомъ. Судебная дѣятельность помогаетъ закону установить и завершить имъ начатое упорядоченіе права. Дѣятельность законодателя останавливается

¹⁾ Gesetz und Richteramt von O. Bülow. Leipzig 1885, S. 2 f.

на созданіи абстрактнаго велѣнія права; только постоянной, долгу своему вѣрной, профессиональной работѣ судей представлено сдѣлать правопорядокъ тѣмъ, чѣмъ онъ быть долженъ—силою, дѣйствительно направляющею человѣческую жизнь, силою, способною противостоятъ всякой злонамѣренности“.

Таково высокое назначеніе суда; чтобы выполнить его, онъ долженъ располагать и соотвѣтствующими средствами, которыя ему даетъ процессъ. „Народъ, который не можетъ положиться на правопониманіе и справедливость своихъ судей, близокъ къ разложенію и гибели, не смотря на наличность лучшихъ законовъ, ибо не законъ, а законъ и судъ создаютъ для народа его право“¹⁾.

Въ такомъ именно положеніи находились мы до 20 ноября 1864 г., и отъ него освободили насъ судебные уставы Императора Александра II. Такъ понималъ свою задачу и самъ законодатель. „Разсмотрѣвъ сіи проекты, говорится въ указѣ правительствующему сенату 20 ноября 1864 года. Мы находимъ, что они вполне соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и cadaго, отъ высшаго до низшаго“.

Если нужно было бы найти самое рельефное выраженіе тому, что было до 20 ноября 1864 г. и что создано въ этотъ день, то, по нашему мнѣнію, его можно было бы найти въ ст. 12 и 13 уст. угол. суд. 9 и 10 уст. гражд. суд. по сравненію съ дѣйствовавшею ст. 227 т. I св. зак. учрежденія сената и ст. 281 т. II о губернскихъ учрежденіяхъ. „Сенатъ не приступаетъ, говорится въ ст. 227 т. I, въ рѣшенію такихъ дѣлъ, по которымъ не окажется точнаго закона, но о всякомъ случаѣ (казусѣ), требующемъ изданія новыхъ или пополненія, либо перемѣны существующихъ узаконеній, состав-

¹⁾ Bülw, *ibid.* S. 48.

ляетъ проектъ разрѣшенія и все дѣло вносится министромъ юстиціи съ его заключеніемъ, къ Его Императорскому Величеству, чрезъ государственный совѣтъ.“ „Никакое судебное мѣсто, постановляетъ ст. 281 т. II не можетъ рѣшить дѣло, если нѣтъ на оное яснаго закона.“ Таковъ былъ порядокъ, соотвѣтствующій надежности прежнихъ судовъ. „Воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ. За нарушение сего правила виновные подвергаются отвѣтственности, какъ за отказъ въ правосудіи,“ — вотъ слова ст. 10 уст. гражд. и 13 уст. угол. суд., выражающія собою ту высоту, на которую хотѣлъ поставить и поставилъ законодатель новый судъ. Съ вѣрою въ его силу и умѣнье, въ исполненіе имъ своего долга, законодатель предоставилъ новому, реформированному суду *творить* право, возложилъ на него высокую миссію укрѣпленія правопорядка.

Новое начало, новый судья, чтобы быть въ состояніи выполнить свою задачу, нуждались въ соотвѣтственной обстановкѣ. Весь процессъ долженъ былъ быть пересозданъ; должны были быть созданными новые факторы, новые элементы, которые содѣйствовали бы суду при выполненіи имъ своей задачи. Все это сдѣлано однимъ законодательнымъ актомъ.

Эта работа колоссальныхъ размѣровъ. Трудно найти въ исторіи законодательства всѣхъ странъ еще одинъ примѣръ такой всеобъемлющей реформы, созданной за одинъ разъ. Даже лихорадочная законодательная дѣятельность французскаго, послѣреволюціоннаго времени не можетъ указать на подобный примѣръ.

Колоссальная работа составленія свода Сперанскимъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ сравниться съ работою, завершеною 20 ноября 1864 года. Обширность этой работы не повліяла, однако, на ея зрѣлость, на ея обдуманность. Стоитъ взглянуть на всю массу подготовительнаго матеріала, чтобы видѣть серьезность ея.

Произвести общую оцѣнку всего того, что создано уставами 20 ноября, дѣло весьма трудное. Они охватываютъ

слишкомъ большую область, чтобы ее можно было окинуть сразу, однимъ взоромъ. Но несомнѣнно одно, что уставы Императора Александра II, создавъ новый порядокъ суда и производства въ немъ, сдѣлали для русскаго правосознанія то, чего ни одна реформа ни до, ни послѣ нихъ сдѣлать не могла. Приходится удивляться генію той эпохи, въ которую они созданы были: сколько силы, какой богатый источникъ правовой мощи вложенъ былъ въ эти уставы. Все, что ими сдѣлано, всѣ соображенія, которыми руководились составители ихъ, дышетъ вѣрою въ силу русскаго народа, безграничнымъ стремленіемъ къ добру, къ свѣту, къ развитію и укрѣпленію правосознанія. Составители, имѣя во главѣ самого Монарха, были проникнуты сознаниемъ того значенія, которое имѣетъ здоровое правовое развитіе народа.

Судебные уставы навсегда останутся не только великимъ законодательнымъ памятникомъ, но и выраженіемъ русскаго генія, печать котораго лежитъ на всемъ, что было сдѣлано въ эпоху реформъ.

II.

Къ числу совершенно новыхъ для Россіи институтовъ, созданныхъ уставами 20 ноября, нужно причислить, прежде всего, институтъ *адвокатуры*.

Подъ адвокатурой обыкновенно понимаютъ профессиональное, государствомъ признанное и извѣстными условіями обставленное, представительство интересовъ третьихъ лицъ—физическихъ или юридическихъ—на судѣ гражданскомъ или уголовномъ. Такой адвокатуры не знало наше законодательство до изданія учрежденія судебныхъ установленій 1864 года. Оно знало представительство одними интересами другихъ на судѣ; оно не могло его не знать: самимъ закономъ въ извѣстныхъ случаяхъ такое представительство предписывается. Уже уложеніе Алексѣя Михайловича допускаетъ, а иногда предписываетъ „посылать въ свое мѣсто на срокъ искать или отвѣчать кому вѣрить.“ Практика выработала и профессиональное хожденіе по чужимъ дѣламъ, стряпничество; но это не было закономъ признанное и нормированное

учреждение, а фактическое положение вещей, съ которымъ законъ, наоборотъ, боролся, считая его всегда вреднымъ явлениемъ, тормозящимъ правильное отправленіе правосудія. Достаточно указать на отношеніе къ нему Петра I, выразившееся съ большою рѣзкостью въ указѣ 1697 г. (полн. собр. зак. № 1572), отмѣнившемъ состязательный гражданскій процессъ—„суды и очныя ставки“ и замѣнившемъ его розыскнымъ и „по вѣрностямъ“¹⁾. „Одна изъ причинъ бѣдственнаго положенія нашего судопроизводства, говорятъ составители уставовъ 20 ноября, заключается въ томъ, что лица, имѣющія хожденіе по дѣламъ, большею частью люди очень сомнительной нравственности, не имѣющія свѣдѣній юридическихъ, ни теоретическихъ, ни практическихъ“²⁾. Такова официальная оцѣнка „стряпничества“ прежняго времени. Оно другимъ и не могло быть; ненормированное государственною властью занятіе имъ предоставлялось всякому, нелишенному правъ, не было обусловлено никакими требованіями, не было обставлено никакими гарантіями.

Въ такомъ представительствѣ вовсе отсутствуетъ публичный элементъ. Представитель является мандатаріемъ, представляемый—мандаторомъ. Договоръ о представительствѣ на судѣ былъ договоромъ личнаго найма и нормировался общими законами о довѣренности. Ходатай, или ходокъ, какъ его называли, исполнялъ на судѣ порученіе тяжущагося, но не исполнялъ обязанностей общественнаго характера.

Могутъ ли, однако, интересы правосудія ограничиваться такого рода представительствомъ тяжущихся на судѣ, даже въ томъ случаѣ, если бы существовали гарантіи того, что имъ не будутъ злоупотреблять? До реформированнаго процесса, какъ у

¹⁾... „А иные истцы и отвѣтчики, для такихъ своихъ коварствъ и неправды, нанимають за себя въ суды и въ очныя ставки свою братью и боярскихъ людей, ябедниковъ и составщиковъ же воровъ и душевредцевъ, и за тѣми ихъ воровскими и ябедническими и составными вымысли и лукавствомъ въ вершени тѣхъ дѣлъ правымъ и маломочнымъ людямъ въ оправданіи чинится многая волокита и напрасныя харчи и убытки и разоренье“ и т. д.

²⁾ Журн. госуд. сов. 1861 г. № 45.

насть, такъ и въ нѣкоторыхъ государствахъ на западѣ, обходились такимъ представительствомъ, чувствовали только неудобства отъ злоупотребленія имъ. Новый процессъ, отличающійся отъ стараго не только *формою* (устность, гласность), но и основнымъ принципомъ—состязательностью, замѣнившю розыскъ, имъ довольствоваться не можетъ. По всему прежнему процессу, мы уже не говоримъ объ уголовномъ, но и по гражданскому, видна одна только дѣятельность судьи или канцеляріи; стороны на судѣ не дѣйствуютъ, а даютъ отвѣтъ, требуютъ; но вся эта дѣятельность сторонъ представляетъ собою только справочный матеріалъ для судьи, розыскивающаго дѣло и его рѣшающаго. Реформированный процессъ предоставляетъ сторонамъ участіе въ рѣшеніи дѣла; ихъ процессуальнымъ дѣйствіямъ приданъ характеръ правовой дѣятельности. Новый процессъ, стремящійся къ установленію путемъ послѣдовательнаго ряда дѣйствій, предпринимаемыхъ сторонами и судомъ, правовой извѣстности, представляетъ собою совокупность послѣдовательнаго ряда правоотношеній, устанавливаемыхъ процессуальными дѣйствіями; каждое процессуальное дѣйствіе есть, такъ сказать, юридическая сдѣлка, обуславливающая или новое правоотношеніе или измѣненіе прежняго. Только современный порядокъ представляется тѣмъ процессомъ, который, по опредѣленію итальянскихъ практиковъ, есть *legitimus actus trium personarum, scilicet judicis, actoris et rei*. Всѣ тѣ формальныя условія, которыми обставленъ современный процессъ, служатъ выраженіемъ правоваго характера процессуальныхъ дѣйствій сторонъ. Такой процессъ не можетъ довольствоваться однимъ частнымъ представительствомъ интересовъ тяжущихся; дѣйствія сторонъ, помимо выраженія ихъ интересовъ, должны быть правовыми дѣйствіями, они устанавливаютъ права, обуславливаютъ обязанности; они предполагаютъ способность разобраться въ этой массѣ—если можно такъ выразиться—движущагося правоотношенія, способность оцѣнивать свои дѣйствія съ точки зрѣнія значенія ихъ для процессуальнаго отношенія. Такой способности сторонъ требуетъ не

только частный интересъ дѣйствующей стороны и ея противника, но и публичный интересъ,—интересъ процесса, какъ правоваго публичнаго института, требующаго гарантій его правильности, законности и цѣлесообразности. Публичный интересъ требуетъ, чтобы то право, которое дается судомъ, было правомъ, какимъ его законодатель желаетъ видѣть, нормируя его; чтобы продуктъ былъ совершенно пригодный, не фальсифицированный. Можно ли всегда предположить въ сторонахъ такую способность, такое знаніе?—Конечно, нѣтъ! Но если идеаль Бентама,—чтобы право даннаго народа было такъ ясно и просто, чтобы каждый его понималъ и могъ упражнять, не прибѣгая къ помощи свѣдущихъ людей, и возможно было бы осуществить,—то сами тяжущіеся плохіе пособники судѣ въ его творческой дѣятельности, направленной на созданіе права, устанавлимаемаго *res judicata*; ихъ непосредственный интересъ, связанный съ исходомъ процесса, отъ котораго иногда зависитъ все ихъ благосостояніе, лишаетъ ихъ возможности холодно, безпристрастно относиться къ своимъ процессуальнымъ дѣйствіямъ и разумно взвѣшивать ихъ правовое значеніе.—мы при этомъ не говоримъ о возможномъ умышленномъ поступкѣ, несогласномъ съ конечною цѣлью процесса и правосудія: съ такими поступками нормальному процессу нельзя считаться, предупредить ихъ—дѣло уголовной, карательной дѣятельности государства, а не процесса.

Вотъ почему нельзя не отдать полную дань уваженія установившемуся среди французской и бельгійской адвокатуры обычаю, никогда не пледировать по своему собственному дѣлу, а обращаться въ такихъ случаяхъ къ содѣйствію собрата.

Это положеніе вещей въ новомъ процессѣ и служить причиною того, что одного частнаго представительства интересовъ тяжущихся, одной *procuratio*, носящей характеръ исключительно частный, недостаточно, а нужна *advocatio*, носящая характеръ и публичный. Такъ понимали адвокатуру римляне, и въ этомъ смыслѣ понималъ ее императоръ Анастасій, когда онъ говорилъ: *laudabile vitaeque hominum necessarium advocacionis officium*.

Въ этомъ смыслѣ адвокатура официальная, занятіе адвокатурой—есть служеніе общественнымъ интересамъ. Порученіе адвокату своего дѣла тяжущимся—не есть частноправный договоръ мандата, а особое юридическое отношеніе съ публичнымъ характеромъ; вознагражденіе адвоката не есть *pretium* его услугъ, а уплата таксы, *Gebühr*, какъ оно названо въ *Rechtsanwaltsordnung*, дѣйствующей съ 1878 года въ Германіи; это такая же уплата, какъ уплата судебныхъ пошлинъ.

Мысль объ официальномъ значеніи адвокатуры, по неправильно понятая и неправильно примѣненная, была осуществлена для Пруссіи Фридрихомъ Великимъ. Адвокатуру онъ понималъ не какъ участницу въ созиданіи права, а исключительно какъ бдительницу интересовъ тяжущихся; задачей его было—поставить интересы ихъ подъ официальный надзоръ, во избѣжаніе тѣхъ неправильностей и злоупотребленій, которыя допускали частные представители этихъ интересовъ. Адвокатуры въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее понимаемъ, не было и не могло быть по самому положенію процессуальнаго порядка, какъ гражданского, такъ и уголовного, при которомъ только дѣятельность судьи двигала процессъ и совершенно заслоняла собою дѣятельность сторонъ, словомъ—порядка, почти тождественнаго съ нашимъ дореформеннымъ. Понятно, что и прусское „хождение по чужимъ дѣламъ“ не отличалось отъ нашего, и вызвало цѣлую литературу о „*nequitia advocatorum*“ ¹⁾, завершленную рѣзкою характеристикю самого великаго короля, напоминающею собою характеристику Петра I ²⁾. Помочь дѣлу

1) Gneist, Die freie Advocatur 1867, S. 3 ff.

2) „Противно природѣ вещей, говорится въ кабинетномъ приказѣ отъ 14 апрѣля 1780 г., что сами стороны не заслушиваются судьями относительно ихъ жалобъ и просьбъ, но представляютъ ихъ черезъ *наемныхъ* адвокатовъ. Этимъ адвокатамъ весьма интересно усложнять процессъ, затянуть его: отъ этого зависитъ ихъ заработокъ и благополучіе. Такъ какъ судья не иначе получаетъ документы, какъ послѣ того, какъ адвокаты своими бумагами по своему усмотрѣнію затемнили и исказили (*verdreht und verdunkelt*) фактическія обстоятельства дѣла,—то весьма естественно, что рѣшающій дѣло судья теряетъ нужную точку зрѣнія и, продолжая идти по ложному пути, въ концѣ концовъ постановляетъ несправедливое рѣшеніе“.

Фридрихъ II надѣлся тѣмъ, что уничтожилъ представительство на судѣ интересовъ тяжущихся частными лицами и создалъ особый правительственный органъ этого представительства—Assistenzraethe, которымъ, между прочимъ, поручалось наблюдать и за безпристрастіемъ судей.

Мы не будемъ останавливаться на этомъ институтѣ, точно также какъ и на замѣнившемъ его, при ревизіи Corpus Fridericianum въ 1793 году и составленіи Allgemeiner Preussischen Gerichtsordnung, учрежденіи Justiz-Commissarien, отличающемся отъ перваго ослабленіемъ офіціального характера этихъ защитниковъ интересовъ тяжущихся; мы указали на него только какъ на примѣръ ложнаго пониманія офіціального характера адвокатуры ¹⁾. Попытка Фридриха II, приведшая къ весьма невыгоднымъ результатамъ, потому и оказалась неудачною, что она игнорировала частный характеръ адвокатуры, не покрывающійся и не исключаяющійся ея офіціальнымъ или, вѣрнѣе, публичнымъ характеромъ; дѣйствовавшій порядокъ производства, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго, не давалъ почвы для совмѣщенія этихъ двухъ сторонъ адвокатуры. Адвокатура между тѣмъ, представляясь служеніемъ интересамъ правосудія, наряду съ своимъ офіціальнымъ характеромъ, должна совмѣщать и характеръ частный,—служенія интересамъ частныхъ лицъ, поскольку оно совмѣщается съ первымъ. Въ этомъ двойственномъ характерѣ адвокатуры лежитъ вся ея сущность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трудность организациі ея.

Такова задача адвокатуры и таковъ ея характеръ. Такъ понимали его вездѣ, гдѣ существуетъ организованная адвокатура. Кульминаціоннаго пункта достигло сознаніе двойственнаго характера адвокатуры въ германскомъ уставѣ гражданскаго судопроизводства 1877 г., дѣйствующемъ съ 1879 года, съ его такъ называемымъ Anwaltszwang, т. е. принудительнымъ представительствомъ на судѣ ²⁾.

¹⁾ Подробную характеристику этихъ институтовъ см. у Gneist, назв. соч.

²⁾ Процессуальныя дѣйствія сторонъ имѣютъ тогда лишь значеніе процессуальнаго акта, когда они идутъ отъ Rechtsanwalt'a; письменныя заявленія сторонъ должны имѣть подпись его же, иначе, они остаются безъ движенія. Можно про-

III.

Перейдемъ къ вопросу, — какъ понимали составители судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года задачу и значеніе адвокатуры, и соответствуетъ ли этому значенію организація, данная ей учрежденіемъ судебныхъ установлений.

Интересно то, что мысль о необходимости созданія института присяжныхъ повѣренныхъ, и объ основныхъ чертахъ этого института появилась съ самаго начала движенія въ пользу реформы и проходитъ чрезъ всѣ стадіи подготовительныхъ работъ, завершенныхъ указомъ 20 ноября. Въ 1857 году, главноуправлявшимъ вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, статсъ-секретаремъ графомъ Блудовымъ, были внесены въ государственный совѣтъ проекты гражданскаго судопроизводства и *положенія о присяжныхъ стряпчихъ*, съ объяснительными къ нимъ записками. Въ объяснительной запискѣ къ положенію о присяжныхъ стряпчихъ, послѣдніе называются и присяжными повѣренными. Съ этого момента предположеніе о введеніи у насъ присяжныхъ повѣренныхъ не перестаетъ сопровождать подготовительныя работы по преобразованію судебной части. Необходимость „введенія у насъ въ производствѣ судебныхъ гражданскихъ дѣлъ новаго, такъ сказать, элемента — именно *официальныхъ* повѣренныхъ или присяжныхъ стряпчихъ“, какъ говорится въ объяснительной запискѣ къ проекту положенія, приводится графомъ Блудовымъ въ связь съ преобразованіемъ гражданскаго судопроизводства, съ введеніемъ состязательнаго начала, съ установленіемъ точныхъ сроковъ и другихъ формальныхъ условий для процессуальныхъ дѣйствій. Нельзя не обратить вниманія на то, что мысль о созданіи института адвокатуры была прежде всего слѣдствіемъ преобразованія гражданскаго процесса; нельзя не указать также и на то, что нѣчто въ родѣ официальной адвокатуры было введено у насъ при преобразованіи торговаго судопроизводства, въ которомъ у насъ впервые вво-

вести аналогію между этимъ порядкомъ и порядкомъ публичнаго удостовѣренія дѣлъ — нотаріальнаго засвидѣтельствованія.

дится состязательность въ процессѣ, и который получилъ свое выраженіе въ уставѣ судопроизводства коммерческаго суда 1832 г. ¹⁾). Повѣренными въ коммерческомъ судѣ по дѣламъ между частными людьми никто быть не можетъ, кто не внесенъ въ списокъ присяжныхъ стряпчихъ, особенно для сего установленный (ст. 22 уст. судопр. коммерч. суда 1832 г., теперь ст. 34 уст. судопр. торг. изд. 1887 г.). Внесеніе въ списокъ обуславливается рядомъ требованій, исчисленныхъ уставѣ.

Эта связь между появленіемъ состязательнаго начала процесса,—а появилось это начало прежде всего въ проектахъ гражданскаго судопроизводства,—съ сознаніемъ необходимости установленія официальнаго представительства интересовъ тяжущихся — не случайная; она вытекаетъ изъ того, что мы говорили раньше о значеніи адвокатуры. Въ состязательномъ процессѣ прежде всего необходима правильная процессуальная дѣятельность сторонъ, принимающихъ главное участіе въ приготовленіи дѣла, въ такъ называемой инструкціи, т. е. той стадіи процесса, которая предопредѣляетъ исходъ дѣла, судебное по немъ рѣшеніе. Предположеніе графа Блудова объ учрежденіи присяжныхъ стряпчихъ указываетъ на необходимую черту адвокатуры, на ея официальный, публичный характеръ:—она должна быть элементомъ въ производствѣ судныхъ дѣлъ; это не есть частное представительство интересовъ тяжущихся, а публичный органъ представленія правъ частныхъ лицъ. Но изъ самого проекта Блудова, состоящаго изъ 9 статей, видно, что имъ недостаточно предусмотрѣна двойственность характера адвокатуры; официальность адвокатуры занимаетъ первое, почти исключительное мѣсто. Организаціи адвокатуры собственно никакой этимъ проектомъ не дано. Присяжные стряпчіе состоятъ при палатахъ и уѣздныхъ судахъ (ст. 1) и *назначаются* министромъ юстиціи, при возможномъ представленіи кандидатовъ со стороны начальниковъ губерній и предсѣдателей палатъ гражданскаго суда, (ст. 2)

¹⁾ Тогда же состязательный процессъ установленъ былъ и уставомъ евангелическо-лютеранскихъ въ Россіи церквей для производства дѣлъ въ консисторіяхъ.

изъ лицъ, кончившихъ курсъ юридическихъ наукъ и занимавшихся дѣлами въ судебныхъ мѣстахъ 1 и 2 степени (ст. 3). При назначеніи они приводятся къ присягѣ (ст. 5); они обязаны вести дѣла бѣдныхъ безмездно; размѣръ вознагражденія за веденіе дѣла опредѣляется особою таксою (ст. 6). Надзоръ надъ исполненіемъ ими обязанностей своихъ принадлежитъ предсѣдателю даннаго суда, губернскимъ прокурорамъ, вышій же надзоръ—министру юстиціи (ст. 7). Присяжнымъ стряпчимъ присваиваются преимущества государственной службы, кромѣ жалованья и чиновъ; удаляются они только по приговору суда (ст. 8 и 9).

Такова была первая попытка учрежденія адвокатуры, поведшая за собою дальнѣйшую ея разработку, какъ въ основныхъ положеніяхъ, такъ затѣмъ и въ проектѣ учрежденія судебныхъ установленій.

Проектъ графа Блудова представляетъ собою только набросокъ крупными штрихами; онъ чрезвычайно неполонъ, и, какъ мы сказали, даетъ институтъ, значительно отличающійся отъ понятія объ адвокатурѣ; онъ, правда, не представляетъ собою того, чѣмъ были Assistenz-Raethe Фридриха II въ Пруссіи, но все же это не институтъ свободной адвокатуры, съ двойственнымъ характеромъ. Во всякомъ случаѣ, проектъ этотъ направленъ уже не только на предупрежденіе тѣхъ злоупотребленій, въ которыхъ обвиняли ходатаевъ по чужимъ дѣламъ, но и на обезпеченіе содѣйствія суду въ отправленіи имъ правосудія. Имъ выдвинута мысль о публичномъ значеніи адвокатуры и необходимости гарантіи въ знаніи и умѣньи ея представителей.

Мысль о необходимости учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ съ этого времени, какъ мы уже сказали, все больше и больше развивается. При обсужденіи государственнымъ совѣтомъ въ 1859 году главныхъ началъ гражданского судопроизводства признано, что къ главнѣйшимъ недостаткамъ прежняго судопроизводства принадлежитъ, между прочими 24 пунктами, и—недостаточность правилъ о *правахъ и обязанностяхъ повѣренныхъ*. Сознана, такимъ образомъ, необходимость установить закономъ

права и обязанности повѣренныхъ, вмѣсто того, чтобы предоставить опредѣленіе ихъ частному договору довѣренности. Соотвѣственно этому и предположено было, въ томъ же 1859 году, образовать *сословіе* присяжныхъ повѣренныхъ. Мы въ послѣдствіи рассмотримъ значеніе сословности института, теперь же прослѣдимъ дальнѣйшій ходъ развитія идеи адвокатуры въ подготовительныхъ работахъ реформы. По Высочайшему повелѣнію государственная канцелярія приступила въ 1862 г. къ выработкѣ главныхъ положеній судопроизводства и судоустройства; однимъ изъ началъ будущаго судоустройства признано было, что „подъ надзоромъ судебныхъ мѣстъ состоятъ *вспомогательныя* учрежденія и чины, не принадлежащіе къ составу судебныхъ мѣстъ, какъ-то: канцеляріи, судебныя пристава, присяжные повѣренные и нотариусы“. „Судебное вѣдомство вообще, говорится въ соображеніяхъ государственной канцеляріи 1862 г., стр. 8, составляютъ слѣдующія отдѣльныя учрежденія:... судебныя мѣста; къ самъ послѣднимъ принадлежать:... во вторыхъ, *вспомогательныя* лица, участіе коихъ, хотя они и не принадлежатъ къ составу судебныхъ мѣстъ, не только полезно, но даже и необходимо... таковы: нотариусы, которые правильнымъ совершеніемъ актовъ предупреждаютъ тяжбы; присяжные повѣренные или адвокаты, т. е. *посредники между судомъ и представшими предъ судъ лицами, которые правильнымъ участіемъ своимъ не только ускоряютъ ходъ дѣла, но и содѣйствуютъ къ справедливому ихъ рѣшенію судомъ*“. Въ подчеркнутыхъ словахъ уже вполне ясно выразился характеръ той адвокатуры, которая должна была, по мнѣнію составителей проекта, быть создана; въ нихъ весьма рельефно выразился двойственный характеръ этого института. Это, во первыхъ, вспомогательный органъ правосудія, содѣйствіе котораго необходимо для правильнаго и справедливаго рѣшенія дѣлъ; это — во вторыхъ, представители интересовъ тяжущихся, которые по ихъ порученію, согласно данному имъ полномочію, дѣйствуютъ на судѣ. Только благодаря совмѣщенію въ лицѣ присяжнаго повѣреннаго обѣихъ этихъ чертъ, онъ можетъ служить посредникомъ между судомъ и тяжущимися.

Но не исключаетъ ли, въ сущности, публичный моментъ, моментъ частный? Не идутъ ли весьма часто интересы частные въ разрѣзъ съ интересами публичными? И возможно ли совмѣщать въ одномъ и томъ же лицѣ и институтъ представительство тѣхъ и другихъ?

По нашему убѣжденію это возможно, и публичный элементъ адвокатуры не исключается ея частнымъ характеромъ. Составители уставовъ 20 ноября, были руководимы истиннымъ пониманіемъ существа процесса, дѣйствительныхъ интересовъ права, назначенія правосудія. Соединеніе элементовъ публичнаго и частнаго въ созданной ими адвокатурѣ, находится въ тѣсной логической связи съ значеніемъ суда для созданія права, значеніемъ, которое мы охарактеризовали выше словами лейпцигскаго профессора Бюлова, этого общепризнаннаго авторитета въ области процесса. Законъ, норма правовая, устанавливаетъ извѣстныя послѣдствія того или другого фактическаго положенія вещей. Если законъ говоритъ, что десятилѣтнее, непрерывное, добросовѣстное владѣніе вещью въ качествѣ собственника, даетъ на вещь право собственности; если, дальше, закономъ постановляется, что за тайное похищеніе чужой движимой вещи виновный подвергается извѣстному наказанію,—то такими вѣдѣніями, само по себѣ, ни въ одномъ частномъ случаѣ давностное владѣніе не превратится въ право собственности, ни одинъ частный случай похищенія вещи не завершится примѣненіемъ установленнаго наказанія. Нужно признаніе со стороны судьи, что данный случай владѣнія, въ теченіи извѣстнаго времени представляетъ собою то фактическое положеніе вещей, которымъ превращеніе въ собственность владѣнія закономъ обусловлено; нужно признаніе судьи, что данный случай представляетъ собою то фактическое положеніе, которое считается закономъ за кражу, влекущую наказаніе. Публичный интересъ требуетъ, чтобы опредѣленное закономъ послѣдствіе всегда сопровождало обуславливающее его фактическое положеніе вещей. Но выяснить, было ли данное фактическое положеніе дѣйствительно такимъ, какимъ его опредѣлилъ законодатель, прежде всего

интересно для частнаго лица. Частное лицо заинтересовано, — мы говоримъ о частномъ интересѣ — чтобы недобросовѣстное владѣніе не было признано добросовѣстнымъ; чтобы срокъ меньше 10 лѣтъ, въ данномъ случаѣ не казался судѣ десятилѣтнимъ; чтобы, несмотря на перерывъ владѣнія, дѣло не представилось судѣ въ томъ видѣ, когда онъ можетъ придти къ убѣжденію о непрерывности владѣнія; частный интересъ прежде всего требуютъ того, чтобы то или другое изъятіе чужой вещи изъ обладанія другаго лица не было признано судьей за похищеніе этой вещи тогда, когда это не было похищеніемъ; чтобы взятая вещь, несмотря на принадлежность ея взявшему, не представлялась судѣ чужою вещью. Только частный интересъ можетъ подвинуть дѣло по пути разъясненія его фактическаго состава; можетъ заставить выяснить характеръ и значеніе того или другаго факта, какъ момента, предположеннаго закономъ для наличности права. Частный интересъ при этомъ не только не идетъ въ разрѣзъ съ интересомъ публичнымъ, но, наоборотъ, имѣетъ съ нимъ одну и ту же цѣль.

Понятно, что такая гармонія публичнаго и частнаго интереса въ процессѣ возможна только при условіи добросовѣстности самого интереса, добросовѣстности средствъ, употребляемыхъ въ процессѣ; но правовые институты рассчитаны на нормальныя явленія; недобросовѣстность же, къ счастью, не есть нормальное явленіе. Великое воспитательное, значеніе для народа уставовъ 20 ноября заключается, между прочимъ, именно въ вѣрѣ составителей ихъ въ качества того народа, для котораго они трудились. Но гарантіи, однако, должны быть установлены. И особенно для института такой большой общественной важности, какъ адвокатура. Адвокатъ долженъ совмѣщать въ себѣ много качествъ. Еще Карлъ Великій въ своихъ капитуляріяхъ, говоря о профессіи адвокатовъ (*advocati, causidici, assertores*), полагаетъ, что къ этой профессіи нужно допускать только людей съ характеромъ мягкимъ и миролюбивымъ, богобоязненныхъ, преданныхъ истинѣ и справедливости ¹⁾).

¹⁾ Capitul. v. 1 p. 10 § 9. Cp. Mollot, Règles de la profession d'avocat. Paris

Но прежде, чѣмъ перейти къ этимъ гарантіямъ, укажемъ вкратцѣ, въ какихъ постановленіяхъ учрежденія судебныхъ установлений, касающихся присяжныхъ повѣренныхъ, выражается публичный характеръ ихъ функцій, и въ какихъ—частный.

Уже первая статья, посвященная въ учрежденіи судебныхъ установлений присяжнымъ повѣреннымъ ст. 353,—заключаетъ въ себѣ оба момента. Присяжные повѣренные состоятъ при судебныхъ мѣстахъ; занимаются веденіемъ дѣлъ по назначенію, въ опредѣленныхъ случаяхъ, совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и предсѣдателей судебныхъ мѣстъ; они же занимаются дѣлами по избранію и порученію тяжущихся, обвиняемыхъ и другихъ лицъ, въ дѣлѣ участвующихъ. Присяжные повѣренные представляются органомъ судебного представительства, юридической помощи, въ которой всякій можетъ обращаться. Въ качествѣ публичнаго органа судебного представительства онъ получаетъ опредѣленную организацію (ст. 356—382); ему даны права и возложены обязанности (ст. 383—385, 390, 393, 394, 397, 398, 400, 401—406). Въ качествѣ представителя частныхъ интересовъ тяжущихся, присяжный повѣренный дѣйствуетъ въ предѣлахъ даннаго ему полномочія (ст. 391), получаетъ вознагражденіе согласно соглашенію съ довѣрителемъ, перестаетъ быть представителемъ интересовъ довѣрителя или по желанію послѣдняго (ст. 399), или по своему усмотрѣнію, насколько оно не идетъ во вредъ интересамъ довѣрителя.

IV.

Какія гарантіи пригодности института адвокатуры были установлены составителями судебныхъ уставовъ 20 ноября?

„Для того, чтобы сословіе присяжныхъ повѣренныхъ представляло самое вѣрное ручательство нравственности, знанія и честности убѣжденій, необходимо, при самомъ установленіи этого новаго сословія, соблюсти всю строгость касательно

1866, p. 196; во французскомъ переводѣ это мѣсто капитуляріевъ гласитъ: „qu'on ne doit y admettre que des hommes doux, pacifiques, craignant Dieu, aimant la justice et la vérité.“

лицъ, допускаемыхъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Чтобы новое установленіе присяжныхъ повѣренныхъ принесло всю предполагаемую и отъ него ожидаемую пользу, необходимо держаться строгаго выбора лицъ на должность повѣреннаго и установить за ними такой надзоръ, который, не лишая ихъ необходимой, для защиты ихъ довѣрителей, самостоятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, представлялъ бы скорое и дѣйствительное огражденіе частнаго лица отъ ихъ стѣсненія, а съ другой—служилъ бы средствомъ къ водворенію и поддержанію между повѣренными чувства правды, чести и сознанія нравственной отвѣтственности предъ правительствомъ и обществомъ¹⁾. Составители уставовъ стремились, очевидно, къ установленію гарантіи двоякаго порядка: гарантіи интересовъ довѣрителей и интересовъ общественныхъ, публичныхъ,—интересовъ правосудія. Какъ первая, такъ и вторая дается правильною организаціей института. Нравственность, знаніе и честность убѣжденій одинаково нужны для интересовъ, какъ публичнаго, такъ и частнаго свойства; ручательство въ этихъ качествахъ даетъ строгій выборъ лицъ и правильный за ними надзоръ. Такъ представляли себѣ дѣло составители уставовъ. Свое выраженіе гарантіи эти получили въ требованіи юридическаго, — теоретическаго и практическаго—образованія для лицъ, составляющихъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, и сословной организаціи адвокатуры. Въ этихъ двухъ чертахъ и заключается сущность всего, что установлено учрежденіемъ судебныхъ установленій относительно адвокатуры. Въ нихъ же и представляется послѣдовательное проведеніе идеи адвокатуры, введенной уставами 20 ноября.

Мы видѣли, что съ самаго начала, какъ только признана была необходимость реформы судебной части, признана была вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость учрежденія института адвокатуры; сознаніе это вытекало изъ потребностей правосудія и сознанія того „бѣдственнаго“ положенія процесса, одною

¹⁾ Журн. госуд. сов. 1861 г. № 45, стр. 3; 1862 г. № 65 стр. 339.

изъ причинъ котораго было состояніе представительства интересовъ тяжущихся на судѣ. Получилась необходимость организовать адвокатуру. Но могла ли эта мысль имѣть значеніе въ требованія, чтобы допускаема была только закономъ установленная, поставленнымъ требованіямъ удовлетворяющая адвокатура? Могли ли составители проектовъ понимать свою задачу относительно созданія института адвокатуры въ томъ смыслѣ, что имъ долженъ быть установленъ рядъ правилъ относительно допущенія въ присяжные повѣренные, организаціи и надзора за ними, и т. д., при *clausula salvatoria*, что представителемъ интересовъ тяжущихся можетъ быть, однако, всякій, кто того пожелаетъ и кому то поручено будетъ тяжущимися? Такой порядокъ вещей предупредилъ, устранилъ ли бы хоть въ незначительной части то печальное положеніе, въ которомъ до реформы было „страпничество“? Означало ли это — учрежденіе адвокатуры, а не теоретическое разсужденіе о томъ, какъ желательно было бы организовать хожденіе по дѣламъ; не было ли бы положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ однимъ совѣтомъ публикѣ обращаться къ патентованнымъ адвокатамъ вмѣсто темныхъ ходатаевъ?

Очевидно, что такъ понимать свою задачу составители проекта не могли. Они стремились къ установленію адвокатуры, исключаящей, за малыми отступленіями, всякое другое представительство на судѣ интересовъ тяжущихся. Вотъ почему абсолютно невѣрно смотрѣть на запрещеніе „частной,“ какъ у насъ принято говорить, адвокатуры, съ точки зрѣнія установленія привиллегиі для сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Такая точка зрѣнія была высказана еще при самомъ составленіи учрежденія судебныхъ установленій, со стороны нѣкоторыхъ членовъ комисіи, полагавшихъ, что „ограничивать тяжущихся или подсудимыхъ, при избраніи повѣренныхъ или защитниковъ, правиломъ, чтобы они непремѣнно избирали себѣ тѣхъ или другихъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, когда это число признано достаточнымъ для извѣстнаго города — значить стѣснять свободу дѣйствій всего народонаселенія въ самыхъ важныхъ случаяхъ жизни, въ пользу небольшого класса

людей, получающих *привилегию*, еще прежде, нежели этот класс образовался и получил надлежащее развитіе"; эти члены полагали, что „нѣтъ необходимости создавать несуществующую въ нашемъ отечествѣ монополію.“ Очевидно, эти члены комисіи имѣли въ виду одно частное значеніе адвокатуры и совсѣмъ не обращали вниманія на моментъ публичный, на значеніе адвокатуры, какъ публичнаго органа представительства частныхъ интересовъ. Не для того, чтобы создать привилегію для сословія присяжныхъ повѣренныхъ, а для того, чтобы обезпечить правильное отправленіе правосудія, присяжная адвокатура должна исключать частную, ибо только присяжная адвокатура обставлена необходимыми гарантіями; это исключеніе частной адвокатуры не значитъ созданіе монополіи, какъ нельзя считать монополіей исключительно врачамъ принадлежащее право леченія больныхъ. „Въ такомъ ограниченіи, справедливо возражало большинство членовъ комисіи, нѣтъ и не можетъ быть никакой монополіи въ пользу повѣренныхъ, ибо право быть повѣреннымъ опредѣляется закономъ, и при удовлетвореніи предписаннымъ въ немъ условіямъ, никому не запрещается приписываться къ сословію повѣренныхъ; всѣ же права этого сословія распространяются не на ограниченное какое либо число повѣренныхъ, а на всѣхъ, въ него записавшихся“ ¹⁾).

Такимъ образомъ, въ дозволеніи заниматься представительствомъ интересовъ тяжущихся на судѣ только лицамъ, принятымъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ, и запрещеніи представительства лицами, не принадлежащими къ этому числу, лежитъ первая гарантія того, что цѣль учрежденія адвокатуры будетъ достигнута.

Составители учрежденія должны были отложить осуществленіе этой гарантіи, за невозможностью при изданіи уставовъ имѣть вездѣ достаточное, для удовлетворенія потребности частныхъ лицъ въ представительствѣ, число присяжныхъ повѣренныхъ, почему и признано было нужнымъ постановить,

¹⁾ Журналъ 4 сентября 1867 г. стр. 12 и 14.

что только „въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣеть жительство достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ, тажущіеся могутъ давать довѣренности на хожденіе по тяжбынымъ ихъ дѣламъ, въ судахъ того города, только лицамъ, принадлежащимъ къ числу сихъ повѣренныхъ“ (ст. 387).

И такъ, первая гарантія—это приписка къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, внесеніе въ списокъ.

Вторая гарантія, установленная учрежденіемъ судебныхъ установлений, заключается въ установленіи условій, положительныхъ и отрицательныхъ, которымъ долженъ удовлетворять всякій, желающій поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Мы не будемъ останавливаться на каждомъ изъ нихъ. Каждое изъ этихъ условій есть необходимое слѣдствіе той задачи, которую, по мысли составителей уставовъ, должна была выполнять адвокатура. Каждое изъ этихъ условій необходимо въ интересахъ, какъ публичномъ, такъ и частныхъ лицъ.

Третья гарантія лежитъ въ организаціи адвокатуры и надзора за нею, которая установлена уставами 20 ноября.

Организація эта характеризуется понятіемъ *сословности*. Еще въ 1859 году при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ упомянутого проекта графа Блудова предложено было организовать *сословіе* присяжныхъ повѣренныхъ. Съ тѣхъ поръ во всѣхъ подготовительныхъ работахъ, вездѣ, гдѣ говорится о присяжныхъ повѣренныхъ, говорится о нихъ какъ о *сословіи* адвокатовъ. Въ самомъ учрежденіи судебныхъ установлений нигдѣ не употребляется слово „сословіе“, но весь смыслъ постановленій объ организаціи присяжной адвокатуры заключается въ понятіи сословности.

Вездѣ, гдѣ существовала правильно организованная адвокатура, члены ея представляли собою корпорацію, сословіе. Уже римляне знали *corpus togatorum, ordo advocatorum*; во Франціи, съ самаго ранняго времени, адвокаты получаютъ свою организацію, складываются въ сословіе адвокатовъ, *ordre des avocats*.

Но что такое сословность адвокатуры?

„Адвокаты, говоритъ знаменитый прокуроръ парижскаго парламента D'Aguesseau, вовсе не образуютъ корпорацію или

общество, которое дѣйствительно заслуживало бы этого имени; они связаны между собою только общностью функций, которыя они выполняютъ; это скорѣе совокупность людей, одинаково посвятившихъ себя защитѣ интересовъ тяжущихся, чѣмъ члены единой корпораціи, понимаемой въ точномъ смыслѣ этого слова. Слово *профессія* или категория людей лучше выражаетъ собою положеніе адвокатовъ; и если среди нихъ выработался извѣстный родъ дисциплины, направленной на сохраненіе достоинства и репутаціи профессіи, то она есть скорѣе слѣдствіе добровольнаго соглашенія, чѣмъ дѣло общественной власти, поскольку она не касается того, что постановлено ордонаансами королей или декретами парламентовъ; если они пользуются особыми отличіями, достигнутыми благодаря ихъ способности и таланту, то это—прерогативы, связанныя съ самой профессіей ихъ, а не привиллегіи, данныя корпораціи или сообществу королямъ, и пользуются они ими, говоря языкомъ правовѣдовъ, *non ut universi, sed ut singuli*“¹⁾. Сословіе адвокатовъ, такимъ образомъ, есть совокупность людей, связанныхъ интересами той профессіи, которой они занимаются; внѣ профессіи—ничего сословнаго у нихъ нѣтъ.

Профессія адвокатовъ—это та профессія, которая больше всякой другой основана на довѣріи къ ней; въ интересѣ самихъ адвокатовъ лежитъ забота о томъ, чтобы довѣріе къ ихъ профессіи поддерживалось какъ можно больше. Этотъ общій интересъ и соединяетъ ихъ, побуждаетъ къ наблюденію и надзору за всѣми тѣми, которые пользуются званіемъ адвоката и занимаются этою профессіей. Сословность адвокатовъ вытекаетъ, такимъ образомъ, изъ профессиональности адвокатуры. Въ этомъ смыслѣ понятіе сословности употребляютъ и составители уставовъ 20 ноября. Въ объяснительныхъ запискахъ, соображеніяхъ и другихъ подготовительныхъ работахъ, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ понимается не въ смыслѣ ограниченного числа людей, занимающихся адвокатурой при томъ или другомъ судѣ (какъ употребляютъ

¹⁾ Oeuvres de D'Aguesseau, t. X p. 313, lettre du 6 janvier 1756.

его французы, говоря объ *ordre des avocats*, и подразумевая под нимъ число адвокатовъ, внесенныхъ въ данный *tableau*), а въ смыслѣ всѣхъ людей, удовлетворяющихъ условіямъ принятія ихъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ и дѣйствительно принятыхъ, т. е. всей совокупности имѣющихъ право заниматься и занимающихся профессіей адвокатуры.

Но представляется вопросъ: совпадаютъ ли интересы профессиональные, съ интересами, которымъ призвана служить профессія? — Мы сомнѣваемся чтобы кто либо далъ на этотъ вопросъ иной отвѣтъ, какъ положительный.

Интересы профессиональные, т. е. людей, занимающихся адвокатскою профессіей, такъ тѣсно связаны съ назначеніемъ адвокатуры, что ихъ и отдѣлить нельзя одни отъ другаго. Назначеніе адвокатуры, совмѣщающее частный и публичный элементы, направленное на огражденіе правъ отдѣльных лицъ и на служеніе развитію самаго права, уже представляетъ собою ручательство уравниванія этихъ двухъ моментовъ: и то и другое предполагаетъ довѣріе къ профессіи—со стороны частныхъ лицъ и со стороны судебныхъ органовъ. Интересы всей профессіи или всего сословія не могутъ не быть сосредоточенными на поддержаніи этого довѣрія.

Съ другой стороны, нигдѣ уклоненіе отъ общихъ интересовъ профессіи, со стороны отдѣльнаго члена круга лицъ, посвящающихъ себя этой профессіи, не затрогиваетъ, не подрываетъ эти общіе интересы, какъ въ адвокатурѣ. Надзоръ за тѣмъ, чтобы этого уклоненія не было, никого поэтому такъ близко не касается, какъ самихъ членовъ адвокатуръ.

Эти соображенія приняты были во вниманіе составителями уставовъ при предоставленіи ими адвокатурѣ той организаціи, которая установлена учрежденіемъ судебныхъ установленій.

Интересы профессіи могутъ быть соблюдены лучше всего самими представителями ея; самоуправленіе—лучшая форма организаціи ея. Совѣтъ, избранный самими присяжными повѣренными — вотъ тотъ органъ, который наилучшимъ образомъ

можетъ выполнить задачу, какъ управленія, такъ и надзора за ними.

За самоуправленіе сословія говоритъ еще и другое важное соображеніе, тѣсно связанное съ высказанными. Въ профессіи адвоката громадное значеніе имѣетъ традиція, выработавшіеся обычаи. Примѣръ французской адвокатуры, стоящей такъ высоко въ общественномъ мнѣніи Франціи и строго выполняющей свою задачу, можетъ убѣдить въ высокомъ значеніи традиціи. Послѣдняя же можетъ выработаться только путемъ самоуправленія сословія.

Мы находимъ не совсѣмъ точнымъ выраженіе „автономія“ сословія: оно даетъ ложное представленіе о томъ, что есть въ дѣйствительности. Рѣчь идетъ не о выдѣленіи сословія изъ общей судебной организаціи и судебного надзора, а предоставленіи сословію вѣдать самому свои интересы.

Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ—лучшій судья того, годится ли данный человѣкъ для профессіи, благонадеженъ ли желающій поступить въ томъ отношеніи, что съ его стороны не будетъ уклоненія отъ соблюденія интересовъ профессіи, въ поддержаніи къ ней довѣрія.

Та же мысль руководила составителями уставовъ при составленіи совѣту права и обязанности надзора за членами сословія. Вѣрный тактъ руководилъ ими и при постановленіи ст. 376 учр. суд. уст., коей установлено, что на всѣ постановленія совѣта, *кроме подвергающихъ присяжнаго повѣреннаго предостереженію или выговору*, могутъ быть приносимы жалобы судебной палатѣ. Взысканія предостереженіемъ или выговоромъ—это тѣ взысканія, которыя налагаются за нарушенія профессиональных интересовъ меньшей важности, т. е. такія нарушенія, значеніе которыхъ можетъ быть оцѣнено только представителями профессіи или сословія. Достаточно просмотрѣть отчеты совѣтовъ петербургскаго и другихъ двухъ существующихъ у насъ—харьковскаго и московскаго, чтобы видѣть, что эти два вида взысканія налагались за нарушенія, которыя только съ точки зрѣнія поддержанія достоинства сословія представлялись сомнительными. Въ наложеніи этихъ

взысканій совѣтъ долженъ быть исключительный судья; только совѣту знакомы традиціи сословія, не допускающія или осуждающія тотъ или другой поступокъ. Только невмѣшательствомъ судебныхъ органовъ,—палаты, можно содѣйствовать установленію и укрѣпленію профессиональныхъ традицій.

Насколько значеніе учрежденія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ важно для созданія традицій сословія,—последней же мы придаемъ громадное значеніе,—видно изъ того, что не смотря на ежегодные выборы членовъ совѣта, при которыхъ весь составъ совѣта можетъ подлежать обновленію, въ большинствѣ случаевъ выбираются одни и тѣ же лица, или, по крайней мѣрѣ, лица, уже раньше засѣдавшія въ совѣтѣ. Это обстоятельство положительно указываетъ на сознаніе членами сословія надобности въ выработкѣ традицій, лучшими представителями и знатоками которой являются лица, уже бывавшія членами совѣта.

Сводя во едино все сказанное нами, мы приходимъ къ выводу, что реформа судебной части, созданная уставами Императора Александра II, обновивъ не только порядокъ суда и производства въ немъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, но и самую сущность суда тѣмъ, что предоставила ему творить право, должна была остановиться на мысли создать адвокатуру, необходимую помощницу суда при выполненіи имъ высокой его задачи. Такая адвокатура должна имѣть двойственный характеръ—частнаго представительства и публичнаго органа, представительства, такъ сказать, самага права. Идея адвокатуры правильно понята составителями уставовъ и послѣдовательно проведена ими, какъ въ организаціи ея, такъ и опредѣленіи правъ и обязанностей присяжныхъ повѣренныхъ. Ими правильно оцѣнены и тѣ гарантіи, которыя, въ интересѣ публичномъ и частномъ, должны быть установлены, и которыя состоятъ въ устраненіи всякаго другаго представительства интересовъ тяжущихся на судѣ, кромѣ уставами созданной адвокатуры, въ лицѣ созданнаго сословія присяжныхъ повѣренныхъ, и въ предоставленіи самой адвокатурѣ вѣдать интересы сословія или профессіи.

V.

Прошло двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ закономъ былъ созданъ институтъ адвокатуры, и двадцать три года съ тѣхъ поръ, какъ институтъ дѣйствуетъ въ своемъ полномъ объемѣ при с.-петербургской судебной палатѣ.

Много перемѣнилось въ уставахъ Императора Александра II; перемѣны не миновали и института присяжныхъ повѣренныхъ. И перемѣны эти направлены не на укрѣпленіе института, а на измѣненіе въ его организаціи основныхъ ея чертъ.

Закономъ 1875 года, вошедшимъ въ изданіе судебныхъ уставовъ Императора Александра II изданія 1883 года, въ видѣ примѣчанія къ ст. 357 учр. суд. уст., временно приостановлено учрежденіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ въ округахъ тѣхъ судебныхъ палатъ, гдѣ оныя до того времени еще не были открыты; а затѣмъ, почти наканунѣ двадцатипятилѣтія, 11 октября 1889 г. (Собр. узак. и расп. 1889 г. № 990) временно приостановлено открытіе отдѣленій совѣтовъ при окружныхъ судахъ тѣхъ округовъ палатъ, при коихъ дѣйствуютъ совѣты присяжныхъ повѣренныхъ; иначе говоря, приостановлено дѣйствіе ст. 366 учр. суд. уст. Другой законодательный актъ, прямо хотя и не касающійся присяжной адвокатуры, но измѣнившій основную мысль объ адвокатурѣ уставовъ 20 ноября 1864 года, это законъ о частныхъ повѣренныхъ 25 мая 1874 года, вошедшій въ упомянутое изданіе уставовъ подъ ст. 406¹—406¹⁹.

Трудно было, конечно, ожидать, что положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ, установившее и нормировавшее неизвѣстный дотолѣ нашему правовому строю институтъ, не подвергнется измѣненіямъ въ своемъ практическомъ примѣненіи, не потребуетъ дополненій,—напомнимъ хотя бы забытыхъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ,—дополненій, на настоятельность которыхъ указала бы жизнь.

Но сама идея адвокатуры, какою она положена въ основаніи института составителями уставовъ, такъ правильно ими понята, такъ согласна съ самымъ существомъ адвокатуры, ры-

работаннымъ самою жизнью и практикою иностранныхъ законодательствъ, что имѣлось основаніе ожидать, что она останется неизмѣнною; она должна была, быть можетъ, получить дальнѣйшее развитіе, но это развитіе могло и должно было идти только въ направленіи, указанномъ самимъ учрежденіемъ судебныхъ установленій.

Та организація сословія присяжныхъ повѣренныхъ, которая дана была уставами 20 ноября и которая выразилась въ учрежденіи совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, такъ тѣсно связана съ идеей института, что перемѣны, касающіяся этого пункта, видоизмѣняютъ всю его постановку, весь его смыслъ, идутъ въ разрѣзъ съ истиннымъ пониманіемъ его значенія и задачи, подлежащей ему.

Задачей составителей уставовъ 20 ноября не было измѣненіе положенія уже дѣйствовавшаго института, организація сословія уже наличнаго; имъ предстояло создать этотъ институтъ, создать это сословіе. Они нисколько не обманывали себя насчетъ наличныхъ средствъ, имѣвшихся въ ихъ распоряженіи; они всюду считаются съ несомнѣннымъ недостаткомъ силъ, съ бѣдностью элемента, изъ котораго комплектовалось бы сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Но какъ мудрые законодатели они смотрѣли на дѣло окомъ законодателей, предвидящихъ не только ближайшее будущее, не только завтрашній день, но и далекое будущее; ихъ трудъ посвященъ былъ не одному десятку лѣтъ нашего правосознанія, не одному поколѣнію, а Россіи во всей ея совокупности, всей націи съ его настоящимъ и будущимъ.

Они знали, что по мановенію законодателя не создаются институты во всей ихъ цѣлости, что однихъ постановленій законодательныхъ недостаточно для того, чтобы явилось сословіе. Но они указали, намѣтили путь къ рожденію его, къ его созданію. Образование сословія при достаточномъ числѣ лицъ, могущихъ войти въ него въ качествѣ его членовъ—предоставлено было имъ самимъ, въ интересахъ самой профессіи; имъ предоставлено было учредить совѣты, которые вѣдали бы дѣла сословія и надзоръ за нимъ. Только вре-

менно, до учрежденія совѣтовъ, надзоръ за присяжными повѣренными, управленіе ими, было предоставлено судебнымъ мѣстамъ, при которыхъ они состоятъ. Законъ 1875 года— все это измѣнилъ; временно хотя, но онъ отодвинулъ образованіе сословія на еще большее время, чѣмъ представляли себѣ составители уставовъ.

И вызвано ли это было необходимостью? Подсказала ли жизнь надобность этого закона?

Намъ неизвѣстны мотивы, побудившіе министра юстиціи войти съ представленіемъ, впослѣдствіи Высочайше утвержденнымъ, о пріостановленіи открытія совѣтовъ. Но несомнѣнно, что они находятся въ связи съ тѣми нападками на адвокатуру, которыя вошли въ моду того времени ¹⁾. Сословіе присяжныхъ повѣренныхъ существовало всего въ теченіи восьми лѣтъ. Можно ли было говорить объ адвокатурѣ какъ сложившемся уже институтѣ, какъ о сословіи съ выработанными началами? Институтъ такого громаднaго значенія и такого сложнаго характера можетъ ли въполнѣ выясниться въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ? Если бы и обнаружили недостатки института, то предпрѣшали ли они уже судьбу самого института? Очевидно, нѣтъ! Только особенности общественнаго мнѣнія, привыкшаго по отдѣльнымъ случаямъ судить о цѣломъ институтѣ, желающаго видѣть совершенство уже тамъ, гдѣ его еще не могло быть, объясняютъ движеніе противъ адвокатуры среди представителей этого общественнаго мнѣнія. Не хотѣли ждать пока плодъ созрѣетъ, а судили по росткамъ едва, выросшимъ на посаженномъ составителями уставовъ деревѣ. Законъ 1875 года обрубилъ самыя вѣтки его.

Этотъ законъ, въ связи съ закономъ 25 мая 1874 года, совершенно видоизмѣнили идею составителей уставовъ.

По изложеннымъ выше основаніямъ, составители уставовъ оставили пока нетронутымъ частное представительство интересовъ тяжущихся на судѣ, въ лицѣ частныхъ ходатаевъ. Ждать,

¹⁾ Ср. *Платоновъ*, О русской адвокатурѣ, Журналъ гражд. и угол. права 1875 г., № 3, стр. 187 и слѣд.

пока число присяжных повѣренныхъ будетъ признано, на основаніи ст. 388 учр. суд. уст., достаточнымъ, представлялось неудобнымъ, нужно было регулировать частное хожденіе по дѣламъ. Въ виду этого, самъ по себѣ законъ 1874 г. о частныхъ повѣренныхъ, поставившій извѣстныя требованія для хожденія по чужимъ дѣламъ, установившій извѣстный надзоръ за лицами, занимающимися имъ, былъ весьма умѣстенъ. Но онъ долженъ былъ имѣть значеніе временнаго правила, дѣйствующаго до того времени, пока число присяжныхъ повѣренныхъ будетъ признано достаточнымъ; между тѣмъ закону 1874 г. данъ характеръ постояннаго закона; съ другой стороны, число присяжныхъ повѣренныхъ нигдѣ не было признано достаточнымъ, несмотря на неоднократныя ходатайства петербургскаго совѣта предъ министромъ юстиціи ¹⁾).

Если сравнить права частныхъ повѣренныхъ и присяжныхъ повѣренныхъ тѣхъ округовъ палатъ, при коихъ нѣтъ совѣтовъ, то окажется, что они почти ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются, развѣ только тѣмъ, что первые должны имѣть свидѣтельства судебныхъ мѣстъ на право хожденія по чужимъ дѣламъ и оплачивать ихъ установленнымъ сборомъ. Надзоръ за одними и другими, предоставленный судебнымъ мѣстамъ, — одинъ и тотъ же. И если мы жалѣемъ объ этомъ, то совсѣмъ не съ точки зрѣнія отсутствія привилегіи для присяжной адвокатуры, а съ точки зрѣнія уклоненія отъ той здоровой идеи адвокатуры, которая установлена уставами 20 ноября. Интересы профессіи требуютъ того, чтобы отправляющіе ее представляли всѣ гарантіи, которыя установлены закономъ относительно поступленія и принятія въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Не говоря уже о другихъ гарантіяхъ, упомянемъ только о требованіи высшаго юридическаго образованія и пятилѣтняго стажа, въ качествѣ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Занятіе адвокатурой должно предполагать испытанность нравственныхъ качествъ. Высшее образованіе — не только ручательство въ знаніи, но и нравственномъ развитіи; прошед-

¹⁾ Ср. *Макалинскій*, с-петербургская присяжная адвокатура, 1889 г.

пій курсъ высшихъ наукъ—человѣкъ, въ нормальномъ порядкѣ вещей, прошедшій восьмилѣтнюю среднюю школу и четырехлѣтнюю высшую, т. е. двѣнадцать лѣтъ—подъ наблюдениемъ учреждений, смотрящихъ не только за умственнымъ, но и за нравственнымъ развитіемъ. Къ этому прибавляется еще пятилѣтнее наблюдение за пониманіемъ и изученіемъ практической адвокатской дѣятельности, надъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго со стороны его патрона, совѣта и товарищей. Нельзя не согласиться, что *семнадцатилѣтній* искусъ представляетъ больше ручательствъ, чѣмъ справка, наводимая председателемъ судебного мѣста надъ личностью будущаго частнаго повѣреннаго, — справки, для которыхъ собственно никакихъ гарантій закономъ не установлено. А между тѣмъ частные повѣренные упражняютъ профессию адвоката во всемъ ея объемѣ. Это не французскіе *avoués*, ограниченные правомъ письменнаго представительства интересовъ тяжущихся, (*droit de postulation*), подлежащаго затѣмъ неизбежному контролю со стороны *avocats*; имъ предоставлена не только письменная подготовка дѣла, но и его правовая разработка на судѣ при состязаніи сторонъ. Понятно, что мысль составителей объ единой адвокатурѣ—оказывается совершенно отброшеною.

Такимъ образомъ, завершающееся двадцатипятилѣтіе судебныхъ уставовъ представляетъ и въ отношеніи адвокатуры измѣненіе основныхъ положеній составителей уставовъ.

VI.

Оправдала ли наша присяжная адвокатура тѣ ожиданія, которыя выражены были составителями уставовъ 20 ноября?

То, что сдѣлано адвокатурой, можно прослѣдить въ точности только по тѣмъ отчетамъ, которые издавались совѣтами. Ихъ же всего три; результаты, такимъ образомъ, могутъ быть провѣрены только относительно одной части адвокатуры. Намъ неизвѣстенъ ни одинъ отчетъ судебного мѣста, имѣющаго надзоръ и вѣдающаго управленіе сословіемъ. Съ другой стороны,—невозможно количественно опре-

дѣлать дѣятельность присяжной адвокатуры. Вся наша судебная практика представляет собою результат не только судейской работы, но и работы адвокатовъ, этихъ помощниковъ или вспомогательныхъ органовъ правосудія. Вся кассационная практика, получившая для нашего права столь большое значеніе, выработалась при дѣятельномъ и почти постоянномъ участіи адвокатуры. Адвокатъ возбуждаетъ вопросы, адвокатъ выставляетъ соображенія, толкуетъ законъ, опровергаетъ толкованія, соображенія противника; изъ этого обмѣна доводовъ и основаній, изъ этого состязанія выясняется для суда истина; дѣятельность адвокатовъ — это тотъ матеріалъ, который въ обработкѣ судей превращается въ правовой продуктъ. И если положеніе нашего правосудія, нашего правосознанія, за эти двадцать пять лѣтъ, сдѣлало шаги, то значительная доля этого прогресса должна быть занесена въ счетъ дѣятельности адвокатуры. Но дѣятельность адвоката не ограничивается его служебною дѣятельностью; адвокатъ не только представитель интересовъ тяжущихся на судѣ, но и консультантъ; онъ часто руководитъ правовыми сдѣлками, даетъ указанія, предотвращаетъ правовую неизвѣстность разъясненіемъ права и указаніемъ примѣненія законовъ. Эта дѣятельность адвокатуры не поддается никакому учету, она безотчетно входитъ въ сокровищницу правосознанія народа. Но если и обратиться къ тому, о чемъ имѣются точныя свѣдѣнія, то результаты окажутся весьма удовлетворительными.

За двадцать два года существованія и дѣйствія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ при с.-петербургской судебной палатѣ, дѣятельность его была настолько интенсивна, что она доставила богатый матеріалъ, наполнившій собою изданную въ этомъ году почтеннымъ членомъ нашей адвокатуры П. В. Макалинскимъ ¹⁾ книгу „С.-Петербургская присяжная

¹⁾ Напомнимъ кстати, что П. В. Макалинскій былъ участникомъ работъ по составленію уставовъ. Такими же участниками были присяжные повѣренные: В. Д. Спасовичъ, П. Я. Александровъ, П. П. Лыжинъ.

ж. гр. и уг. пр. кн. ix 1889 г.

адвокатура*, представляющую не только отчетъ о распорядительной и организационной дѣятельности совѣта, но и цѣлый кодексъ адвокатской морали, выработанный дѣятельностью надзора совѣта надъ членами адвокатуры. Эта книга—юбилейный подарокъ нашей адвокатурѣ. Она съ статистическою точностью показываетъ, что сдѣлано адвокатурой. Такой же матеріалъ даютъ отчеты другихъ двухъ совѣтовъ, дѣйствующихъ въ настоящее время.

Мы не можемъ здѣсь подробно останавливаться на всемъ, сдѣланномъ совѣтами. Обратимъ лишь вниманіе на то, что сдѣлано совѣтами, въ сравненіи съ тѣми судебными мѣстами, которыя замѣняютъ совѣтъ. Прежде всего нужно указать на организацію института помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и надзора за ними.

Институтъ помощниковъ повѣренныхъ имѣетъ свою исторію, отчасти независимую отъ исторіи института присяжныхъ повѣренныхъ. И нельзя не назвать эту исторію странною. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ, своего рода пасынки уставовъ 20 ноября, и въ этомъ отношеніи они напоминаютъ собою кандидатовъ на судебныя должности, этихъ паріевъ, какъ ихъ называлъ г. Муравьевъ, судебного вѣдомства. О помощникахъ упоминается не какъ о самостоятельномъ институтѣ, а какъ о контингентѣ, изъ котораго, по мысли законодателя, должно рекрутироваться сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Единственное упоминаніе о нихъ сдѣлано въ ст. 354 учр. суд. уст. Но и изъ всей массы подготовительныхъ работъ по составленію уставовъ не видно, какъ представляли себѣ составители уставовъ этихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Предполагалось подвергнуть лицъ, окончившихъ курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, прежде принятія ихъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ, стажу въ теченіи трехъ лѣтъ; стажъ трехлѣтній былъ затѣмъ замѣненъ пятилѣтнимъ; въ проектѣ учр. суд. уст. 1863 г. ст. 317 предполагалось дозволить, съ разрѣшенія совѣта, помощникамъ, пробывшимъ два года въ этомъ званіи, самостоятельно ходатайствовать и

вести чужія дѣла. Но нѣтъ никакихъ указаній въ проектѣ на то, въ чемъ состояли бы обязанности и права помощниковъ въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ. При окончательномъ разсмотрѣніи проекта въ государственномъ совѣтѣ, это право имъ дано не было, и неопредѣленность ихъ положенія еще больше усилилась. Неопредѣленность эта достигла того, что не указано даже, отъ кого зависитъ причисленіе въ присяжнымъ повѣреннымъ лицъ, окончившихъ курсъ въ юридическихъ факультетахъ, въ качествѣ помощниковъ ихъ.

Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ съ самаго начала занялся организаціей института. Въ чемъ выразилась эта дѣятельность,—мы не можемъ здѣсь распространяться и ограничиваемся указаніемъ на названную книгу г. Макалинскаго. Полна ли эта организація, достигаетъ ли она вполне своей цѣли—вопросъ, не интересующій насъ здѣсь; но мы видимъ, что въ этомъ направленіи совѣтъ работалъ, между тѣмъ какъ ничего подобнаго нѣтъ въ дѣятельности судебныхъ мѣстъ по управленію и надзору надъ присяжными повѣренными. Весьма плодотворною представляется дѣятельность надзора совѣтовъ и надъ подвѣдомственными ему присяжными повѣренными. Судебныя палаты, представляющія собою высшую инстанцію для дисциплинарныхъ дѣлъ большей важности, не много измѣняли въ постановленіяхъ совѣта, а если таковыя и измѣнялись, то, въ большинствѣ случаевъ, въ смыслѣ смягченія взысканій, наложенныхъ совѣтомъ ¹⁾.

Нельзя не указать также и на официальное признаніе надзора надъ сословіемъ со стороны совѣта болѣе интенсивнымъ, чѣмъ надзоръ судовъ. Такое признаніе сдѣлано харьковскою судебною палатою, оставившей безъ послѣдствій жалобу на постановленіе харьковскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, коимъ одинъ кандидатъ правъ, занимавшійся въ теченіи пяти лѣтъ практикою въ качествѣ част-

¹⁾ Насколько надзоръ за присяжными повѣренными судебныхъ мѣстъ слабѣе надзора совѣтовъ, можно видѣть изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя имѣются относительно перваго. См. Журн. гражд. и угол. права 1882 г. Кн. V. „Изъ практики судовъ, какъ учреждений, замѣняющихъ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ“.

наго повѣреннаго, не былъ принятъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Мотивы отказа, представляющіе большой интересъ, приведены въ отчетѣ харьковскаго совѣта за 1885—86 г.

Изъ того немногаго, что приведено нами, очевидно, что совѣты присяжныхъ повѣренныхъ оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды составителей уставовъ 20 ноября. Разборчивымъ принятіемъ въ свою среду новыхъ лицъ, бдительнымъ надзоромъ за членами сословія, они съ большою пользою служили и служатъ интересамъ профессіи, служатъ „средствомъ къ водворенію и поддержанію между повѣренными чувства правды, чести и сознанія нравственной отвѣтственности предъ правительствомъ и обществомъ“,—чего составители уставовъ и ожидали.

Напомнимъ, въ заключеніе, о дѣятельности консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ, о числѣ защитъ по уголовнымъ дѣламъ, по назначенію предсѣдателей судовъ, о числѣ гражданскихъ дѣлъ, веденныхъ по назначенію совѣтовъ, согласно просьбамъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, и мы увидимъ какъ велика и почтенна работа адвокатуры и сколько недоразумѣній и ошибокъ устраняется при ея содѣйствіи.

Такимъ образомъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ наша молодая адвокатура, во всякомъ случаѣ, не подаетъ повода упрекнуть составителей уставовъ въ излишнемъ оптимизмѣ, выраженномъ словами, такъ ярко характеризующихъ благородныя ихъ стремленія: „трудно думать, чтобы люди, гдѣ либо и когда либо, были приготовлены къ дурному и не зрѣлы для хорошаго....; разумный законъ никогда не сдѣлаетъ зла; можетъ быть, по какимъ либо обстоятельствамъ и даже по самому свойству закона *нового*, онъ не будетъ нѣкоторое время исполняемъ согласно съ истиннымъ его смысломъ, но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ пуститъ глубоко свои корни и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія государства“ (соображенія государственной канцеляріи 1862 г. стр. 75).

Г. Слюзбергъ.

НАШЪ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕССЪ ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ДВАДЦАТИ- ПЯТИЛѢТІЕ.

Двадцатипятилѣтнее существованіе нашихъ судебныхъ уставовъ, сравнительно съ продолжительнымъ существованіемъ многихъ судебныхъ установленій и процессуальныхъ институтовъ на западѣ, представляется незначительнымъ періодомъ времени. Еще болѣе незначителенъ этотъ періодъ для жизни народной, консервативныя начала которой не терпятъ быстрыхъ измѣненій и допускаютъ только медленную постепенность развитія? А между тѣмъ, если отка-
завшись, въ виду краткости существованія уставовъ, отъ постановки общаго приговора объ ихъ достоинствахъ, остано-
виться на обзорѣ произведенныхъ въ нихъ измѣненій, то окажется, что истекшее двадцатипятилѣтіе—по крайней мѣрѣ въ отношеніи уголовного процесса—чрезвычайно содержательно и что наши уставы, не смотря на свою молодость, имѣютъ исторію, съ которою, по радикальности произведенныхъ пере-
мѣнъ, не можетъ сравниться ни одинъ изъ новыхъ западно-
европейскихъ процессуальныхъ кодексовъ.

Для того, чтобы наглядно выяснить, какъ измѣнился нашъ уставъ уголовного судопроизводства за это время своего существованія, достаточно, взявъ въ руки первоначальное изданіе судебныхъ уставовъ, сравнить текстъ статей

его съ послѣднимъ изданіемъ уставовъ Императора Александра II. Оказывается, что измѣненія, произведенныя въ этотъ періодъ времени, захватываютъ значительную часть устава, въ формѣ послѣдовавшей отмѣны, измѣненія и дополненія его статей. Такъ, въ моментъ изданія судебныхъ уставовъ—уставъ уголовного судопроизводства состоялъ изъ 1254 статей. Въ изданіи 1883 года, благодаря распространенію реформы на Кавказскій край, губерніи Варшавскаго судебного округа и губерніи Прибалтійскія, созданъ рядъ измѣненій въ уставѣ и цифра статей его поднялась до 1338, число же измѣненныхъ статей перваго его изданія достигаетъ цифры 223. Если прибавить къ этой цифрѣ тѣ статьи, которыя значатся измѣненными по вышедшимъ послѣ послѣдняго изданія двумъ продолженіямъ, а также измѣненія, которыя вносятъ въ уставъ, не вошедшіе еще въ продолженіе, послѣдніе, крупные по значенію своему, законы, а также принять во вниманіе, что законы о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений и судебной части въ имперіи, а также о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ и мировыхъ судебныхъ учреждений, вызовутъ въ ближайшемъ будущемъ рядъ новыхъ неизбѣжныхъ измѣненій, съ цѣлью согласовать мѣстное преобразование съ судебными уставами, и что, согласно Высочайшему указу, къ 1 октября текущаго года должны были быть представлены на уваженіе государственнаго совѣта процессуальныя правила дѣйствія для городскихъ судей и земскихъ начальниковъ, то выяснится съ ясностью, какъ велики измѣненія, внесенныя въ нашъ уголовный процессъ. Руководствуясь внѣшнимъ объемомъ произведенныхъ измѣненій, позволительно задаться даже вопросомъ о томъ: обширность произведенныхъ въ нихъ измѣненій, не измѣняетъ ли ихъ существа настолько, что связь существующаго съ уставами, какъ они вышли изъ рукъ законодателя 20 ноября 1864 года, должна быть признана порванной?

Мы далеки отъ того пессимистическаго воззрѣнія, которое побуждаетъ многихъ дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Какъ ни радикальны и ни обширны произведенныя

измѣненія, но они не уничтожили великое дѣло судебного преобразованія и никогда не задавались этою цѣлью. Это видно изъ того, что многіе изъ вновь издававшихся законовъ, издавались въ качествѣ законовъ временныхъ, а главное, что при изданіи самыхъ крупныхъ изъ нихъ, законодательство постоянно подчеркивало ту мысль, что они имѣютъ значеніе изъятій и что внѣ этихъ изъятій должны примѣняться судебные уставы. Эта мысль опредѣленно высказана при введеніи судебного преобразованія на Кавказѣ, въ варшавскомъ судебномъ округѣ и въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, какъ по закону 28 мая 1880 года, такъ и по отмѣнившему его закону 9 іюля 1889 года. Она же сказывается въ законѣ 7 іюля текущаго года, ограничившемъ юрисдикцію присяжныхъ, такъ какъ, передавая суду, рассматривающему дѣла съ участіемъ сословныхъ представителей, дѣла, вѣдавшіяся до тѣхъ поръ судомъ присяжныхъ, законъ этотъ принялъ, въ качествѣ основнаго правила, положеніе уставовъ о томъ, что судъ присяжныхъ признается нормальнымъ судомъ для всѣхъ дѣлъ о преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, выдѣлевъ изъ этой категоріи дѣлъ въ пользу суда правительственныхъ судей только дѣла, влекуція наказаніе, соединенное съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ состоянія. Такимъ образомъ, еще въ текущемъ году законодательство подтвердило дважды свой взглядъ на судебные уставы, какъ на основной источникъ нашего процессуальнаго права и тѣмъ самымъ дало основаніе къ толкованію судебными установленіями всѣхъ вышедшихъ въ измѣненіе уставовъ законовъ, въ качествѣ законовъ, устанавливающихъ изъятія, требующія всегда ограничительнаго истолкованія.

Одинъ фактъ изданія многочисленныхъ законовъ въ измѣненіе судебныхъ уставовъ еще не свидѣтельствуетъ о признанной будто бы законодательствомъ несостоятельности этихъ уставовъ. Какъ ни великъ трудъ составителей судебныхъ уставовъ, какъ ни велика заслуга ихъ предъ потомствомъ, но едва ли и они, создавая уставы, могли рассчиты-

вать на неизмѣнность принятыхъ ими положеній и той формы, въ которую они вышли.

Прежде всего необходимость измѣненія судебныхъ уставовъ обуславливалась свойствами введеннаго у насъ уставами уголовного процесса. Процессъ этотъ принадлежитъ къ типу слѣдственно-обвинительному, т. е. процессу эклектическому, искусственно соединившему въ себѣ начала, присущія двумъ разнымъ формамъ процесса — слѣдственного и обвинительнаго. Начавшееся подъ влияніемъ французскаго законодательства времени французской революціи улучшеніе господствовавшаго въ ту пору слѣдственного процесса, путемъ введенія въ него элементовъ и формъ обвинительнаго процесса, не завершилось еще и по настоящее время. „Мы и теперь еще, писалъ шесть лѣтъ тому назадъ Главеръ, стоимъ въ срединѣ того движенія, которое началось съ момента, когда инквизиціонный (слѣдственный) принципъ развился до послѣднихъ предѣловъ и вызвалъ реакцію, совершенно естественную при тогдашнихъ обстоятельствахъ.“ На этомъ полупути движенія къ торжеству обвинительной формы процесса, остановились и судебные уставы. Они не болѣе какъ этапный путь, чрезъ который долженъ пройти уголовный процессъ для того, чтобы достигнуть въ будущемъ полнаго торжества обвинительнаго принципа. Торжество это неизбежно, ибо всею исторіею уголовного процесса установлена нынѣ непреложность истины, что путемъ сосредоточенія въ однихъ судейскихъ рукахъ функций обвиненія, защиты и суда нельзя достигнуть, какъ то предполагалъ возможнымъ слѣдственный процессъ, удовлетворенія публичныхъ интересовъ уголовного правосудія и что послѣднее требуетъ распредѣленія этихъ функций по различнымъ органамъ, сообразно принципу дѣленія труда, при посредствѣ состязательной дѣятельности сторонъ. А между тѣмъ осуществленіе полностью этой истины еще далеко отъ насъ, во всякомъ случаѣ оно не наступало въ моментъ изданія судебныхъ уставовъ, не наступило и въ наше время. Оно наступитъ только тогда, когда чувство гражданственности и общественныхъ обязанностей разовьется въ обще-

ствѣ вмѣстѣ съ совнаніемъ каждымъ необходимости вести борьбу за господство права и когда окажется возможнымъ, не рискуя публичными интересами, удѣлить частнымъ лицамъ и обществу то участіе въ отправленіи правосудія, которое требуется въ интересахъ освобожденія судьи отъ отправленія несвойственныхъ ему функцій обвиненія и защиты. Судебные уставы приняли существующее въ современномъ слѣдственно-обвинительномъ процессѣ дѣленіе процесса на двѣ части, изъ которыхъ одна—предварительное слѣдствіе, развивается по началамъ слѣдственного процесса, а другая—судебное (главное) слѣдствіе, по началамъ обвинительнаго процесса. Такое разчлененіе процесса, въ виду органической связи, соединяющей во едино всѣ части процесса, въ точки зрѣнія конструкціи, есть нелѣпость или, по крайней мѣрѣ, такая неестественность, для поддержанія которой законодательство вынуждается создавать цѣлый рядъ искусственныхъ процессуальныхъ дѣйствій, направленныхъ къ охраненію слѣдствія судебного отъ чрезмѣрнаго вліянія на него слѣдствія предварительнаго. Въ этомъ, разсуждая а priori, одна изъ слабыхъ сторонъ нашихъ судебныхъ уставовъ, какъ и вообще всѣхъ процессуальныхъ кодексовъ слѣдственно-обвинительнаго типа, и въ ней же почва для дальнѣйшихъ преобразованій. Они, въ сущности, реформировали только часть процесса, другая же часть его покоится понынѣ на началахъ отмиѣннаго слѣдственного процесса. Законодатель, создавшій такой порядокъ вещей, легко можетъ быть уподобленъ хозяину обширнаго зданія, возведшему новое зданіе на мѣстѣ спесенной части прежняго зданія; сохранившаяся часть зданія кое-какъ соединена и принаровлена ко вновь воздвигнутому строенію, но между ними нѣтъ ничего органическаго и жизнь въ этомъ зданіи только терпитъ отъ механическаго соединенія несоотвѣтствующихъ другъ другу частей. Все заставляетъ предполагать, что уничтоженіе стараго—только вопросъ времени и что, собравшись со средствами и улучивъ время, хозяинъ докончитъ недоделанное и сдѣлаетъ то, что обстоятельства помѣшали ему сдѣлать сразу.

Но рядомъ съ этимъ существуетъ еще и другое основаніе къ признанію, что судебныя уставы должны были вызвать, вскорѣ послѣ своего примѣненія, рядъ законодательныхъ попытокъ къ ихъ преобразованію. Основаніе это заключается въ томъ, что при составленіи ихъ не могли быть приняты во вниманіе указанія роднаго опыта, что пришлось ихъ составителямъ оперировать съ понятіями и институтами, извлеченными исключительно изъ западно-европейскихъ законодательствъ и литературъ и что въ научной литературѣ того времени многія изъ основныхъ началъ слѣдственно-обвинительнаго процесса не достигли еще той степени законченности въ опредѣленіи ихъ сущности и признаковъ, которая могла бы облегчить работу законодателя и обезопасить ее отъ ошибочныхъ построеній. Благодаря общности многихъ потребностей и интересовъ, существующихъ въ каждый данный историческій моментъ жизни государствъ, существуютъ и много юридическихъ институтовъ, пригодныхъ для удовлетворенія этихъ потребностей и служенія этимъ интересамъ, но тѣмъ не менѣе, законодательныя преобразования могутъ разсчитывать на прочное существованіе и жизненное значеніе своихъ постановленій только въ томъ случаѣ, если они основываются не на однихъ только присущихъ всѣхъ цивилизованнымъ государствамъ и обществамъ данной эпохи потребностяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаются и съ національными особенностями и исключительными условіями даннаго времени и даннаго мѣста. Принаровить судебное преобразование къ этой второй группѣ потребностей и интересовъ было для составителей уставовъ дѣломъ не только не легкимъ, но, скажемъ, и едва ли вполне исполнимымъ. Задуманное преобразование не имѣло корней въ судебномъ прошломъ Россіи и вопросъ о наличности необходимыхъ условій для введенія реформы рѣшался на основаніи болѣе или менѣе гадательныхъ предположеній, для оцѣнки которыхъ не было собрано—и не могло быть собрано—желательнаго матеріала. До какой степени должно было быть положеніе законодательства затруднительно въ отношеніи оцѣнки задуман-

ной реформы со стороны потребностей и условий русской жизни, можно заключить по сложившимся отношеніямъ юридической литературы того времени къ этой реформѣ. „Литература эта, говоритъ тогдашній органъ министерства юстиціи, не употребила въ дѣло хотя бы и небольшой суммы свѣдѣній, которыя находились въ ея рукахъ; она не представила и сотой доли тѣхъ практическихъ соображеній, которыя могла бы представить...., она видѣла условія успѣха преимущественно и почти исключительно въ широкомъ проведеніи процессуальныхъ формъ и забыла, что самая эта широта имѣетъ относительную силу и должна сообразоваться съ условіями мѣста и времени“. Устанавливая этотъ фактъ, журналъ едва-ли былъ правъ, предполагая, что литература „забыла“ объ этой сторонѣ реформы. Упущеніе, допущенное ею, находитъ болѣе вѣрное объясненіе, полагаемъ мы, въ томъ соображеніи, что предусмотрѣть примѣнимость реформы, въ виду новизны положенныхъ въ основаніе ея началъ и отсутствія въ прошломъ указаній на ихъ достоинства и недостатки, оказывалось неисполнимымъ, за неимѣніемъ такого прошлаго и такихъ указаній. По какимъ практическаго рода соображеніямъ можно было заключить о примѣнимости; на-примѣръ, у насъ суда присяжныхъ, или введеннаго уставами порядка частнаго обвиненія, или о жизненномъ развитіи у насъ принципа устности или гласности, когда просуществовавшій у насъ столѣтія слѣдственный процессъ не зналъ этихъ институтовъ и основывался на противоположныхъ принципахъ? Пришлось, естественно, руководствоваться указаніями западно-европейскаго опыта, да и тамъ-то нельзя было по этой части заимствовать многого. Реформаціонное движеніе въ области уголовного процесса, завершившись во Франціи изданіемъ кодекса 1808 года и захвативъ прирейнскія провинціи Германіи, проявилось въ этой послѣдней странѣ, главнымъ образомъ, въ области литературы. Только въ 1848 г. движеніе передалось и остальнымъ партикулярнымъ законодательствамъ Германіи и выразилось въ цѣломъ рядѣ законодательныхъ работъ. Но всѣмъ этимъ работамъ Миттер-

майеръ не затруднился дать эпитетъ скороспѣлыхъ работъ, совершенныхъ безъ необходимой подготовки и вынужденныхъ настоятельными требованіями. Лица, создававшія тогдашніе кодексы, мало знали новыя формы процесса, которыя имъ приходилось проводить въ законъ; они довольствовались изученіемъ французскаго законодательства и нерѣдко появлявшійся въ ту пору новый законодательный трудъ былъ просто переводомъ французскаго кодекса, рядомъ съ постановленіями котораго продолжали существовать основныя положенія розыскаго общегерманскаго права. А между тѣмъ законодательные памятники, частію непосредственно, частію чрезъ вліяніе, оказанное ими на образованіе слѣдовавшихъ за ними и развившихся на ихъ почвѣ партикулярныхъ кодексовъ германскихъ государствъ, не могли не оказать вліянія и на работы составителей нашихъ уставовъ, въ качествѣ кодексовъ, дѣйствовавшихъ во время ихъ составленія ¹⁾. Только къ шестидесятымъ годамъ заканчивается законодательствами отдѣльныхъ государствъ Германіи трудъ по кодификаціи обновленнаго уголовного судопроизводства ²⁾, создается серьезное

¹⁾ До какой степени время, слѣдовавшее за 1848 годомъ, распространявшимъ слѣдственно-обвинительную форму процесса въ Германіи, было временемъ непродуцированной траты научныхъ силъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, временемъ лихорадочной законодательной дѣятельности въ области уголовного процесса, коротко—временемъ неблагоприятнымъ для созданія прочныхъ кодексовъ и совершеннаго процесса, можно заключить изъ того предисловія, которымъ Кёстлинъ началъ свой замѣчательный трудъ: „Der Wendepunkt des deutschen Strafverfahrens im 19 Jahrhundert“, 1849 года. Отъ появлявшагося въ ту пору научнаго по процессу труда, всякій, по словамъ его, склоненъ былъ прежде всего ожидать такъ называемыхъ практическихъ предложеній, возникавшихъ въ ту пору съ такою же быстротою, какъ грибы изъ земли, или замѣтокъ, на подобіе краткихъ рецензій, для лицъ, удрученныхъ сидѣніемъ желавшемъ дѣлать новые законы, для для словоохотливыхъ народныхъ представителей, мнящихъ въ одно прекрасное утро разрѣшить такіе вопросы о сущности суда присяжныхъ, объ отношеніяхъ построеннаго на судѣ присяжныхъ новаго процесса къ собственному національному процессу и тому подобные вопросы, для разрѣшенія которыхъ требуется работа столѣтій. Воззваніе Кёстлина направить научныя усилія въ сторону философскаго и историческаго изслѣдованія уголовного процесса не сразу отвлекло эти усилія отъ безплодныхъ попытокъ законодательства.

²⁾ Такъ, послѣ изданія судебныхъ уставовъ въ Германіи, создались слѣдующіе

критическое отношеніе къ французскому процессу и, такимъ образомъ, подготавливается почва для созданія новыхъ судебныхъ кодексовъ: австрійскаго—23 мая 1873 г. и германскихъ—27 января и 1 февраля 1877 годовъ.

партикулярные процессуальные кодексы: прусскій (1867 г.), гессенскій и дармштадтскій (1865 г.), баденскій (1864 г.), виртембергскій (1868 г.), гамбургскій (1869 г.) и, наконецъ, указанные выше австрійскій и германскіе уставы. Что касается до другихъ государствъ, то послѣ судебныхъ уставовъ появились слѣдующіе, частью новыя кодексы, частью отдѣльныя по процессу законы, въ значительной степени видоизмѣнившіе уголовно-процессуальный строй отдѣльныхъ государствъ: уставъ румынскій (1864 г.), законы 26 ноября 1865 г., 8 іюня 1874 г., 30 іюня 1876 г. и 6 мая 1877 г., составляющіе процессуальный источникъ уголовного процесса Италіи; законъ 17 апрѣля 1878 года, создавшій вступительную часть дѣйствующаго въ Бельгіи французскаго кодекса 1808 года; законъ 30 октября 1866 г., измѣнившій уголовный процессъ цюрихскаго кантона; законы 18 іюня 1870 г. и 22 декабря 1872 г., внесеніе въ Испаніи современныхъ начала уголовного судопроизводства отмѣненные декретомъ 3 января 1875 г.; уставъ уголовного судопроизводства женеваго кантона отъ 3 января 1885 г.; законъ 1 іюля 1887 г., введшій въ Норвегіи судъ присяжныхъ и начала новаго судопроизводства. Проекты преобразованія уголовного процесса составлены также въ Швеціи.—Французское законодательство сдѣлало послѣ изданія нашихъ судебныхъ уставовъ точно также не мало для улучшенія своего уголовного процесса. Въ этомъ отношеніи можно указать: на законъ 14 іюля 1865 года, смягчившій нѣсколько суровость предварительнаго заключенія; законъ 1871 г., предоставившій присяжнымъ разсмотрѣніе дѣлъ по преступленіямъ печати и нѣсколько измѣненный затѣмъ, въ смыслѣ ограниченія юрисдикціи присяжныхъ, закономъ 29 декабря 1875 г.; законъ 21 ноября 1872 года, измѣнившій порядокъ составленія списковъ присяжныхъ; законъ 17 января 1873 года, уничтожившій юрисдикцію меровъ по дѣламъ о полицейскихъ нарушеніяхъ; законъ 19 іюля 1881 года, отмѣнившій заключительное слово председателя. Что касается до предпринятыхъ, но не закончившихся до сихъ поръ законодательныхъ работъ, то уже въ 1870 году республиканское правительство Франціи создало внѣ парламентскую комисію съ цѣлью переработки кодекса 1808 г. Въ октябрѣ 1878 года создана была новая комисія, подъ предсѣдательствомъ Дюфора, разработавшая первую книгу устава уголовного судопроизводства, внесенную министромъ юстиціи Леройе на разсмотрѣніе сената въ 1879 году. Несмотря на то, что проектъ этотъ съ измѣненіями былъ въ 1882 году принятъ сенатомъ и въ 1884 году въ первомъ чтеніи былъ принятъ и палатою депутатовъ, онъ не дошелъ до втораго чтенія вслѣдствіе окончанія законодательной сессіи. Въ 1886 году проектъ былъ вновь предложенъ на обсужденіе палатъ министромъ юстиціи Демолемъ, но понышѣ не получилъ законодательной санкціи. Параллельно съ Франціею и Бельгія принялась за измѣненіе всего дѣйствующаго въ ней французскаго процесса. Закономъ 20 апрѣля 1874 года о предварительномъ заключеніи внесены существенныя измѣненія въ процессъ, причемъ допущенъ защитникъ къ обвиняемому; закономъ же 17 апрѣля 1878 года измѣнена первая книга устава 1808

И такъ, судебные уставы не могли вылиться въ прочную форму и накопившійся послѣ изданія ихъ богатый законодательный матеріалъ, въ связи съ успѣхами, достигнутыми процессуальною наукою права и приобрѣтеннымъ опытомъ, давали надежную руководящую нить къ выясненію тѣхъ основаній, по которымъ должно было совершиться дальнѣйшее улучшение нашего уголовного процесса.

Воспользовалось ли наше законодательство этими данными—вотъ вопросъ, который естественно поставить на обсужденіе по поводу закончившагося двадцатипятилѣтія уставовъ?

Мы сказали уже, что законодательное движеніе въ области нашего уголовного процесса проявилось за это время въ весьма обширныхъ размѣрахъ. За это время можно насчитать болѣе 30 законовъ, посвященныхъ измѣненію нашего уголовного процесса,—цифра громадная, особенно если сравнить его съ цифрою новыхъ законовъ, созданныхъ въ измѣненіе даже старѣйшаго изъ существующихъ кодексовъ Европы, кодекса французскаго. За все время долгаго, восьмидесятилѣтняго существованія этого кодекса, цифра измѣнившихся производство уголовныхъ дѣлъ законовъ не достигаетъ двадцати, причемъ значительная ихъ часть относится до производства дѣлъ съ присяжными. Между тѣмъ многочисленные законы, видоизмѣнившіе уставъ нашъ, касаются разнообразнѣйшихъ сторонъ его и относятся какъ къ технической сторонѣ процессуальныхъ дѣйствій, такъ и къ тѣмъ принципиальнымъ началамъ, которыя лежатъ въ ихъ основѣ.

Узаконенія, касающіяся внѣшнихъ условій дѣятельности судебныхъ установленій и должностныхъ лицъ, а также фор-

года. Кромѣ того, особая, подъ предсѣдательствомъ Тониссена, законодательная коммисія составила подготовительные труды и проектъ измѣненія всѣхъ остальныхъ частей кодекса, давая этому проекту законодательное движеніе по отдѣльнымъ частямъ; труды эти не получили еще законодательной санкціи. Укажемъ еще на крупный законодательный трудъ, отличающійся самостоятельностью, хотя и не всегда удачною своихъ построений—это проектъ венгерскаго устава уголовного судопроизводства, составленный Семега, а также на внесенный въ германскій рейхсгерихтъ проектъ измѣненій германскаго устава уголовного судопроизводства.

мальной стороны процессуальных дѣйствій, стороны технической, составляютъ многочисленнѣйшую ихъ часть. Вслѣдъ за составленіемъ судебныхъ уставовъ изданы временныя, но сохранившіе поднесъ свое дѣйствіе, правила 15 марта 1866 года о внутреннемъ распорядкѣ въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ, замѣняющія общій наказъ судебнымъ мѣстамъ.

Въ частности, на долю мировой юстиціи выпало немного процессуальныхъ законовъ, а именно—мировые судьи лишены предоставленнаго имъ уставами права, въ случаѣ неисполненія полиціе обязанностей, возложенныхъ на нее по производству въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ дѣлъ, дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженія ¹⁾, съ другой же стороны закономъ 24 апрѣля 1887 г. ²⁾ даны новыя средства къ противодѣйствію неявкѣ вызывавшихся и неявившихся свидѣтелей. Мировымъ судьямъ пяти сѣверо-восточныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи по закону 30 марта 1882 г. ³⁾ предоставлено право на судебную помощь судебныхъ слѣдователей по допросу свидѣтелей, а также по повѣркѣ осмотра, освидѣтельствванія или обыска. Измѣнены закономъ 15 февраля 1888 г. ⁴⁾ условія постановки мировыми судьями заочныхъ приговоровъ. Произошла затѣмъ отмѣна заявленія въ теченіи сутокъ отъ объявленія приговора неудовольствія на приговоръ, обусловливавшая возможность его обжалованія ⁵⁾. На практикѣ соблюденіе этого обряда предварительнаго заявленія неудовольствія представлялось крайне стѣснительнымъ для сторонъ и вызывало постоянныя нареканія, въ особенности въ отношеніи приговоровъ сѣздовъ мировыхъ судей, присутствіе на которомъ стороны, по значительной части дѣлъ, необязательно. Отмѣняя эту формальность, созданную составителями уставовъ съ цѣлью оказать содѣйствіе къ скорѣйшему вступленію приговора въ законную силу и безотлагательному его испол-

¹⁾ Законъ 18 декабря 1879 г. (60299).

²⁾ Законъ 24 апрѣля 1887 г. (собр. узак. ст. 416).

³⁾ Законъ 30 марта 1882 г. (ibid. 230).

⁴⁾ Законъ 15 февраля 1888 г. (ibid. 195).

⁵⁾ Законъ 8 декабря 1886 г. (ib. 1887 г.—74).

ненію, новый законъ создалъ болѣе прямой путь достиженія поставленной цѣли, а именно—онъ постановилъ, что стороны могутъ до истеченія установленнаго на обжалованіе срока отказаться отъ своего права на обжалованіе и этимъ способомъ достигнуть немедленнаго вступленія приговора въ законную силу и что время, проведенное обвиняемымъ подъ стражею, если онъ не обжаловалъ приговоръ мирового судьи, съ момента провозглашенія приговора засчитывается ему въ срокъ назначеннаго заключенія.

Но самыми крупными, относящимися до мировой юстиціи законами, были законы, расширявшіе подсудность мировыхъ судей относительно нѣкоторыхъ проступковъ и нарушеній, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ.

Высочайше утвержденное 27 декабря 1865 г. мнѣніе государственнаго совѣта ¹⁾, о согласованіи уложенія о наказаніяхъ съ уставомъ о наказаніяхъ, преслѣдовало главнымъ образомъ кодификаціонную задачу, заключавшуюся въ приведеніи съ формальной стороны въ соотвѣтствіе постановленій уложенія съ правилами о подсудности, принятыми судебными уставами. Сообразно этой цѣли законъ этотъ ограничился простымъ исключеніемъ изъ уложенія и подведеніемъ подъ соотвѣтствующія правила мирового устава статей о тѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ, которыя могли быть изъяты такимъ образомъ изъ компетенціи окружныхъ судовъ. Но ограниченіе подсудности уголовныхъ дѣлъ мировой юстиціи одними введенными такимъ образомъ въ мировой уставъ и вообще предусмотрѣнными имъ дѣяніями, а также нарушеніями уставовъ казенныхъ управленій, о повинностяхъ и о торговлѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда положенныя за нихъ наказанія не превышали предоставленной мировому суду карательной власти, не соотвѣтствовало основной идеѣ образованія мировой юстиціи. По этой идеѣ мировымъ судьямъ долженъ былъ быть ввѣренъ разборъ о маловажныхъ проступкахъ, которые въ интересахъ какъ частнаго лица, такъ и самого общества, нуж-

¹⁾ Законъ 27 декабря 1865 г.

даются въ скоромъ окончаніи дѣлъ на самыхъ мѣстахъ ихъ возникновенія и которые для разрѣшенія своего не требуютъ ни сложнаго формальнаго производства, ни спеціальнаго юридическаго образованія, какъ необходимаго условія для успѣшнаго отправленія правосудія. А между тѣмъ за предѣлами по формальнымъ основаніямъ отмежеваннаго для мировыхъ судей цикла уголовныхъ дѣлъ, осталось много такихъ дѣяній, которыя по свойствамъ своимъ оказывались гораздо болѣе пригодными для вѣдѣнія мировой юстиціи, нежели для общихъ судебныхъ установленій. Отсюда естественно развилось стремленіе кассационнаго сената къ широкой постановкѣ предѣловъ подсудности дѣлъ мировой юстиціи, съ другой же стороны стремленіе нашего законодательства къ расширенію этой подсудности. Такъ, въ 1866 году ¹⁾ сдѣлались подсудны мировымъ судьямъ нѣкоторые изъ неважныхъ проступковъ противъ постановленій о печати, а въ 1882 году ²⁾ имъ переданы были нѣкоторые дѣла о кражѣ со взломомъ и увеличивающими вину обстоятельствами, разсматривавшіяся до того общими судебными установленіями. Наконецъ, въ 1885 г. ³⁾ вышелъ законъ, еще болѣе расширившій ихъ юрисдикцію, а именно—признавшій мировымъ судьямъ подсудными: нѣкоторые изъ дѣлъ о нарушеніяхъ уставовъ благоустройства и благочинія (ст. 866, 868 и 883 улож.); одинъ случай спеціальнаго нарушенія противъ чужой собственности (ст. 1708 улож.); дѣла о лѣсныхъ порубкахъ, а также о похищеніи срубленнаго лѣса на сумму не свыше 300 руб. и дѣла о нарушеніяхъ уставовъ фабричной, заводской и ремесленной промышленности.

Не ограниченіе, а скорѣе расширеніе юрисдикціи мировыхъ судей допущено было также законодательствомъ при примѣненіи этого института къ окраинамъ, причемъ институтъ этотъ испыталъ существенныя видоизмѣненія въ отно-

¹⁾ Законъ 12 декабря 1866 г. (43978).

²⁾ Законъ 18 мая 1882 г. (собр. узак. ст. 334).

³⁾ Законъ 18 декабря 1885 г. (собр. узак. ст. 1047).*

шеніи організаціонномъ. Такъ, при введеніи уставовъ въ Кавказскомъ краѣ въ 1866 г. ¹⁾, мировые судьи введены были въ систему общихъ судебныхъ установленій, причемъ на нихъ возложены были функціи слѣдственныхъ. Но и независимо отъ этого юрисдикція мировыхъ судей въ Закавказьи поставлена гораздо шире юрисдикціи мировыхъ судей въ мѣстностяхъ управляемыхъ на общемъ основаніи. Не менѣе широкую постановку получили мировыя судебныя установленія также въ законѣ 1886 г. ²⁾ объ устройствѣ управленія въ Туркестанскомъ краѣ. Въ варшавскомъ судебномъ округѣ ³⁾ у мирового института явился конкурентъ въ лицѣ гминнаго суда, но тѣмъ не менѣе, этотъ послѣдній судъ поставленъ, какъ судъ подчиненный по производству дѣлъ второй инстанціи мировыхъ установленій и при томъ какъ судъ, обладающій значительно меньшими предѣлами вѣдѣнія нежели мировой судья. Правда, не всѣ проступки, предоставленные общимъ уставомъ уголовного судопроизводства разбирательству мировыхъ судебныхъ установленій имперіи ввѣрены этимъ мировымъ судьямъ, но ограниченія эти, вызванныя особыми условіями существованія этого края, несущественны. Точно также и законъ нынѣшняго года ⁴⁾, распространивъ дѣйствіе судебныхъ уставовъ на Прибалтійскія губерніи, отнесся къ мировымъ судебнымъ установленіямъ съ довѣріемъ. Сохраняя за ними общую, присущую этому суду по уставамъ юрисдикцію, онъ возложилъ на него еще новую важную функцію по охраненію правильности дѣйствій крестьянскихъ судовъ, предоставивъ сѣзду мировыхъ судей отправлять высшій надзоръ за волостными судами, а также разсмотрѣніе приносимыхъ на эти суды жалобъ.

Такимъ образомъ обзоръ измѣненій, произведенныхъ законодательствомъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, свидѣтельству о томъ, что институтъ этотъ, сравнительно съ тѣмъ поло-

¹⁾ Законъ 22 ноября 1866 г. (43880).

²⁾ Законъ 12 іюня 1886 г. (собр. узак. 817).

³⁾ Законъ 19 февраля 1875 г. (54401).

⁴⁾ Законъ 9 іюля 1889 г. (собр. узак. 78).

женіємъ, которое предоставили ему составители судебныхъ уставовъ, не умалаясь, а постепенно росъ въ своемъ значеніи вплоть до текущаго года и что при этомъ онъ обнаружилъ такую степень жизненности, которая позволяла ему примѣняться, мѣняя по мѣрѣ необходимости свою организацію, къ разнообразнѣйшимъ условіямъ среды, въ которой ему пришлось дѣйствовать въ различныхъ частяхъ государства.

Крутымъ поворотомъ, порывающимъ связь не только съ судебными уставами, но, какъ мы видѣли, и съ слѣдовавшими за ними законодательными измѣненіями, является законъ 12 іюля текущаго года о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений и судебной части въ Имперіи ¹⁾). Въ губерніяхъ, на которыя распространено дѣйствіе этого закона, мировыя судебныя установленія сохранены только для столицъ и Одессы ²⁾).

Но если, такимъ образомъ, мировыя судебныя установленія не были ограничиваемы въ отношеніи максимальныхъ предѣловъ своего вѣдѣнія, то наоборотъ, благодаря развитію у насъ, какъ и на западѣ, за послѣдніе двадцать пять лѣтъ административно-судебнаго разбирательства, законодательство не обнаружило склонности передавать имъ дѣла наименьшей важности по нарушенію спеціальныхъ уставовъ и сдѣлало многія изъ нихъ подсудными имъ только условно, въ случаѣ неуплаты виновнымъ назначеннаго ему административною властью денежнаго взысканія. Таковы случаи нарушенія правилъ новаго гербоваго устава ³⁾), нарушенія постановленій о питейномъ и табачномъ сборахъ, объ акцизѣ съ сахара, освѣтительныхъ нефтяныхъ маселъ и съ зажигательныхъ спи-

¹⁾ Законъ 12 іюля 1889 г. (собр. узак. 81).

²⁾ Всѣ остальные узаконенія, видоизмѣнившія уставъ уголовного судопроизводства, въ относящейся до мировыхъ судебныхъ установленій, части его, принадлежатъ главнымъ образомъ къ узаконеніямъ, внесшимъ измѣненія въ уголовный процессъ, какъ въ отношеніи мировыхъ, такъ и, одновременно, въ отношеніи общихъ судебныхъ установленій; таковы законы, привлекшіе жандармское вѣдомство къ производству дознаній, создавшіе измѣненія въ отношеніи вызова свидѣтелей и допроса ихъ, въ отношеніи формальныхъ условій заключенія обвиняемыхъ подъ стражу, условій кассационнаго обжалованія рѣшеній, вознагражденія переводчиковъ и экспертовъ и друг.

³⁾ Законъ 15 іюня 1887 г. (собр. узак. 586).

чекъ ¹⁾, имѣющія прототипомъ своимъ установленное еще уставами право полицейской власти обращаться къ судебному преслѣдованію нарушителей опредѣленныхъ статей устава о паспортахъ только въ случаѣ невзноса виновнымъ слѣдующаго съ него по закону денежнаго взысканія (ст. 1220 уст. угол. суд.). Кромѣ того создана особая юрисдикція судебно-административнаго свойства губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій ²⁾.

Большая часть измѣненій, внесенныхъ въ уставъ уголовного судопроизводства, относится до общихъ судебныхъ установленій.

Если идти въ порядкѣ устава въ изложеніи новыхъ законовъ, то необходимо прежде всего отмѣнить законъ 7 мая 1885 г. ³⁾, дополнившій основанія, по которымъ, по уставу, допускалось перенесеніе дѣлъ, въ ограниченіе дѣйствія правилъ о подсудности, изъ одного судебного округа въ другой. Къ тѣмъ формальнымъ, опредѣлявшимся внѣшними признаками основаніямъ переноса, которыя зналъ уставъ, законъ этотъ присоединилъ новое основаніе—необходимость огражденія безпристрастія судебного приговора или общественнаго порядка и спокойствія.

Дознаніе обставилось новыми условіями существованія, благодаря образованію новыхъ органовъ производства еѣо. Законъ 19 мая 1871 года ⁴⁾, исходя изъ стремленія, съ одной стороны, предоставить судебной власти содѣйствіе жандармскаго вѣдомства, а съ другой—установить порядокъ дѣйствія этихъ чиновъ по производству дознаній о государственныхъ преступленіяхъ, на основаніи согласованныхъ съ судебными уставами узаконеній, создалъ особые правила о порядкѣ дѣйствія чиновъ этого вѣдомства по изслѣдованію преступленій, коими установленъ различный объемъ ихъ правъ

¹⁾ Законы 29 декабря 1887 г. (собр. узак. 1888 г. 39) 4 мая 1889 г. *ib.* 65) 13 апрѣля 1888 г. (*ib.* 47) 14 мая 1885 г. (*ib.* 60).

²⁾ Законъ 3 іюня 1886 г. (собр. узак. 639).

³⁾ Законъ 7 мая 1885 г. (собр. узак. 463).

⁴⁾ Законъ 19 мая 1871 г. (49615)

и обязанностей по общим и государственным преступлениям, а также проведено различие въ ихъ дѣятельности между чинами дополнительнаго штата губернскихъ жандармскихъ управленій и чинами уѣздныхъ ихъ управленій. Но ожидавшееся улучшеніе дознаній не было въ желаемой мѣрѣ чрезъ это достигнуто и въ 1878 году ¹⁾ съ тою же цѣлью создается институтъ урядниковъ.

Не мало создалось новыхъ законодательныхъ положеній для установки первоначальнаго момента уголовного процесса—момента возбужденія уголовного преслѣдованія, а именно по дѣламъ, производящимся въ порядкѣ изъятій. Кромѣ указанныхъ выше случаевъ условнаго возбужденія преслѣдованія (при невзносѣ виновнымъ денежнаго взысканія), обращаютъ на себя въ этомъ отношеніи вниманіе распределеніе правъ и обязанностей возбужденія уголовного преслѣдованія за нарушеніе постановленій о печати между различными группами обвинителей: потерпѣвшими отъ преступленія лицами, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, а также цензурнымъ комитетомъ, прокурорскимъ надзоромъ и другими присутственными мѣстами, установленіями и должностными лицами, согласно закону 1866 года ²⁾. Возбужденіе судебного преслѣдованія предъ судомъ виновныхъ въ нарушеніи постановленій, издаваемыхъ, въ установленномъ порядкѣ, городскими и земскими учрежденіями, законами создавшими это ихъ право, предоставлено имъ же на одинаковыхъ съ административными властями основаніяхъ ³⁾. Созданы также особые правила по возбужденію дѣлъ по нарушеніямъ правилъ положенія о сбереженіи лѣсовъ по закону 4 апрѣля 1888 года ⁴⁾. Затѣмъ, цѣлымъ рядомъ законовъ упорядочены формальныя условія возбужденія и даны законодательныя ука-

¹⁾ Высоч. утвержд. 9 іюня 1878 г. временное положеніе о полицейскихъ урядникахъ.

²⁾ Законъ 12 декабря 1866 г. (43978).

³⁾ Ссылка подъ ст. 1216 уст. угол. суд.

⁴⁾ Законъ 4 апрѣля 1888 г. (собр. узак. 406).

ж. гр. и уг. пр. кн. ix 1889 г.

занія къ составленію протоколовъ въ случаяхъ нарушенія спеціальныхъ уставовъ.

Произошло измѣненіе въ отношеніи и судебныхъ слѣдователей опредѣленныхъ категорій, относительно законныхъ поводовъ производства ими предварительнаго слѣдствія. Желаніе улучшить слѣдственную часть и создать возможность производства предварительныхъ слѣдствій, не стѣсняясь территоріальными предѣлами участва, побудило законодателя въ 1867 году создать при столичныхъ окружныхъ судахъ судебныхъ слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ, а въ 1870 году министру юстиціи предоставлено было право, не измѣняя штатовъ судебныхъ установленій, назначать одного изъ состоящихъ въ каждомъ окружномъ судѣ судебныхъ слѣдователей для производства слѣдствій по важнѣйшимъ дѣламъ. Для судебныхъ слѣдователей указанныхъ двухъ категорій, въ уклоненіе отъ принятаго въ уставѣ положенія, существуетъ только одинъ законный поводъ возбужденія преслѣдованія—прокурорское предложеніе.

Не мало частныхъ измѣненій внесено въ уставъ въ отношеніи способовъ и условій производства слѣдственныхъ дѣйствій. Установленъ вызовъ къ слѣдствію и суду подлежащихъ на общемъ основаніи уголовному суду лицъ, находящихся въ услуженіи пословъ, посланниковъ и другихъ дипломатическихъ агентовъ ¹⁾, а также вызовъ къ суду въ качествѣ свидѣтелей лицъ, занимающихъ высшіе классы должности ²⁾; созданы правила, долженствующія соблюдаться со стороны слѣдователя и другихъ должностныхъ лицъ при требованіи содѣйствія военной команды ³⁾; разъяснено законодательнымъ порядкомъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ двор-

¹⁾ Законъ 19 февраля 1868 г. (45503)

²⁾ Законы 29 мая 1869 г. (47147), 12 августа 1881 г. (собр. узак. 568) и 2 іюня 1883 г. (ibid. 508). Кромѣ того, для пяти уѣздовъ Вологодской губерніи мировому судѣ предоставлено право просить судебного слѣдователя о допросѣ свидѣтеля, а также о провѣркѣ осмотра, освидѣтельствованія и обыска (законъ 30 марта 1882 г. въ собр. узак. 230).

³⁾ Законъ 3 октября 1877 г. (57748).

цами, въ которыхъ имѣють пребываніе августѣйшія особы и въ которыхъ судебный слѣдователь можетъ приступить къ обыску лишь съ разрѣшенія надлежащаго придворнаго начальства ¹⁾; внесены улучшенія въ порядокъ судебного освидѣтельствующаго умственныхъ способностей обвиняемыхъ ²⁾; установлены условія и порядокъ осмотра и выемки почтовой и телеграфной корреспонденціи ³⁾.

Гораздо существеннѣе измѣненія, внесенныя въ нашъ процессъ въ отношеніи слѣдующей стадіи процесса, предназначенной разрѣшенію вопроса о преданіи суду. Уставъ уголовного судопроизводства создалъ двойной порядокъ прекращенія предварительныхъ слѣдствій: для предварительныхъ слѣдствій неоконченныхъ, судебный слѣдователь направлялъ дѣла, въ порядкѣ 277 ст. устава, въ окружный судъ къ прекращенію, оконченныя же предварительныя слѣдствія направлялись въ порядкѣ 523 ст. устава, или въ окружный судъ—если возбужденное преслѣдованіе имѣло предметомъ своимъ преступное дѣяніе, не влекущее ограниченія или лишенія правъ состоянія, или въ судебную палату—если, наоборотъ, назначено въ законѣ за то дѣяніе ограниченіе или лишеніе правъ. Первый порядокъ, какъ порядокъ болѣе простой, не требующій исполненія слѣдователемъ дѣйствій по заключенію слѣдствія, ни составленія прокуроромъ письменнаго заключенія, заслужилъ большое расположеніе со стороны судебныхъ дѣятелей и 277 ст. устава сдѣлалась одною изъ наиболѣе излюбленныхъ статей. Между тѣмъ статья эта не выясняла съ точностью, по какимъ основаніямъ вопросъ о прекращеніи судебного преслѣдованія можетъ быть возбужденъ слѣдователемъ и какая инстанція должна разсматривать направляемые по этой статьѣ дѣла, въ случаѣ если преступное дѣяніе принадлежитъ къ числу

¹⁾ Законъ 19 сентября 1866 г. (43676).

²⁾ Законъ 27 апрѣля 1882 г. (собр. узак. 370).

³⁾ Законъ 30 октября 1878 г. (58967). Отмѣтимъ еще законъ отъ 14 апрѣля 1887 г. о порядкѣ разрѣшенія гражданскаго иска по дѣламъ, по которымъ прѣ-
остановлено уголовное преслѣдованіе; законъ этотъ разрѣшилъ частный, относя-
щійся до гражданскаго иска случай, упущенный изъ виду составителями уставовъ.

дѣяній, влекущихъ за собою лишеніе правъ состоянія. Отсюда необходимость разъясненія со стороны судебной практики предѣловъ примѣненія этого порядка прекращенія дѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, попытки широкой постановки этихъ предѣловъ. Практика сената мало принесла свѣта въ эту сферу возбуждавшихся по толкованію 277 ст. устава сомнѣній. Въ 1868 году сенатъ разъяснилъ, что по этой статьѣ могутъ быть прекращаемы дѣла только въ тѣхъ случаяхъ, когда основаніемъ прекращенія служатъ законныя причины погашенія уголовной отвѣтственности, предусмотрѣнныя въ ст. 16 того же устава, а также неоткрытіе въ дѣяніе признаковъ преступленія, или же отсутствіе лица, на которое бы падало подозрѣніе, причѣмъ судомъ, уполномоченнымъ на прекращеніе въ этихъ случаяхъ дѣлъ, былъ признанъ окружной судъ. Въ 1871 году сенатъ распространилъ это свое толкованіе и по случаю такой недостаточности уликъ, которая не можетъ быть пополнена въ виду того, что основанія, по которымъ возбуждено слѣдствіе, оказались несуществующими. Въ 1880 году сенатъ сталъ на такую точку зрѣнія, что прекращеніе слѣдствія по совершенной недостаточности уликъ зависитъ отъ окружнаго суда только въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не влечетъ за собою наказанія, соединеннаго съ ограниченіемъ правъ, и что въ противномъ случаѣ дѣло должно поступить въ палату. Послѣдствіемъ этого послѣдняго толкованія было то, что массы прекращаемыхъ дѣлъ направились вмѣсто окружныхъ судовъ въ судебныя палаты, оказавшіяся не приуроченными къ разсмотрѣнію этого громаднаго количества дѣлъ. Вмѣшательство законодательной власти въ такое положеніе дѣлъ сдѣлалось необходимымъ и вышедшій 3 мая 1883 года законъ создалъ новыя основанія для прекращенія уголовныхъ дѣлъ. Онъ сосредоточилъ въ окружныхъ судахъ всѣ дѣла о прекращеніи слѣдствій безъ исключенія, указалъ въ точности основанія, при наличности которыхъ судебные слѣдователи должны возбуждать вопросъ о прекращеніи слѣдствія, сохранилъ за судебными палатами участіе въ прекращеніи слѣдствій только въ случаяхъ: разногласія прокурора

съ окружнымъ судомъ, необходимости обсужденія палатою вопроса о преданіи суду однихъ обвиняемыхъ и прекращенія слѣдствія относительно другихъ, принесенія потерпѣвшими лицами жалобы на опредѣленіе суда о прекращеніи слѣдствія и дошедшихъ до палаты свѣдѣній о неосновательномъ прекращеніи судомъ слѣдствія.

Порядокъ производства судебного слѣдствія, регламентированнаго одною изъ лучшихъ частей нашего устава, подвергся сравнительно несущественнымъ измѣненіямъ. Наиболѣе существенное измѣненіе внесено закономъ 12 іюля 1884 г. ¹⁾, измѣнившимъ порядокъ составленія списковъ присяжныхъ и ограничившимъ отводъ ихъ сторонами. Стремленіе облегчить по возможности населенію отбываніе тяжкой повинности присяжнаго, въ связи съ желаніемъ упорядочить составленіе присутствія присяжныхъ путемъ улучшенія личнаго состава лицъ, привлекаемыхъ для отбыванія этой повинности и упрощенія порядка призыва ихъ, побудило законодательство къ изданію этого закона. Важною побудительною причиною къ ограниченію права отвода присяжныхъ послужило указаніе судебной практики на то, что подсудимый, или его защита, ставили иногда, при помощи этого отвода, въ невозможность образованіе присутствія присяжныхъ и оказывали, такимъ образомъ, вліяніе на образованіе состава присяжныхъ способомъ, несогласующимся съ интересами правосудія. Если оставить въ сторонѣ измѣненія, внесенныя на составленіе первоначальныхъ списковъ присяжныхъ (какъ относящіяся до судоустройства) и ограничиться изложеніемъ тѣхъ измѣненій, которыя создали этотъ законъ непосредственно въ отношеніи судебного слѣдствія, то окажется, что имъ уменьшено на половину число запасныхъ присяжныхъ, привлекаемыхъ къ судебному слѣдствію (вмѣсто 6—3); предоставлено окружному суду, признававшееся и раньше—не закономъ, а судебною практикою—право исправлять послѣдній списокъ присяжныхъ, исключеніемъ изъ него тѣхъ лицъ, которые, согласно имѣю-

¹⁾ Законъ 12 іюля 1884 г.

щимся въ виду его свѣдѣнiямъ, не могутъ по закону быть присяжными; предоставлено прокурору и подсудимому, а если ихъ нѣсколько, то всѣмъ имъ вмѣстѣ, отводить не болѣе трехъ присяжныхъ засѣдателей вмѣсто прежнихъ 6—для прокурора, а для защиты—остальныхъ изъ числа явившихся 30—съ тѣмъ, чтобы число неотведенныхъ было не ниже 18 присяжныхъ; уменьшено число присяжныхъ, при наличности которыхъ возможно избраніе присяжныхъ съ 30 на 24. Другимъ существеннымъ закономъ, создавшимъ новыя условія дѣятельности присяжныхъ, былъ законъ 15 мая 1886 года ¹⁾, видоизмѣнившій способъ постановки вопросовъ. Судебный опытъ свидѣтельствовалъ о томъ, что при той зависимости, въ которой находится вердиктъ присяжныхъ, отъ предлговъ и признаковъ, поставленныхъ на ихъ обсужденіе вопросовъ, чувствуется недостатокъ въ постановленіи, которое давало бы суду возможность принимать, при изложеніи вопросовъ, въ соображеніе мнѣніе присяжныхъ и тѣ измѣненія и дополненія въ вопросахъ, которыя они признавали бы желательнымъ. Для того, чтобы восполнить этотъ недостатокъ, законъ этотъ предоставилъ присяжнымъ дѣлать суду заявленія о дополненіи или исправленіи предположенныхъ въ постановкѣ вопросовъ, а съ другой стороны предоставилъ и суду право исправлять вопросы также послѣ утвержденія вопроснаго листа, какъ скоро судомъ будетъ замѣчено, что поставленные вопросы не ясны, неточны или не полны и могутъ содѣйствовать произнесенію присяжными рѣшенія, несоотвѣтствующаго ихъ убѣжденію.

Далѣе мы находимъ законы, измѣнившіе условія примѣненія основныхъ принциповъ новаго уголовного процесса, а именно—принциповъ устности и гласности. Первый принципъ затронуть двумя законами, а именно закономъ 29 мая 1869 года ²⁾, разрѣшившимъ читать на судѣ показанія указанныхъ въ законѣ лицъ, пользующихся правомъ допроса

¹⁾ Законъ 15 мая 1886 года.

²⁾ Законъ 29 мая 1869 года (47147).

ихъ на дому, въ случаѣ снятія съ нихъ такого допроса, и закономъ 15 февраля 1888 года, расширившимъ случаи постановки заочныхъ приговоровъ, при невозможности, слѣдовательно, непосредственной оцѣнки устныхъ объясненій обвиняемаго, а также допустившимъ въ значительно большемъ объемѣ, чѣмъ прежде, пользованіе данными обвиняемымъ на предварительномъ слѣдствіи объясненіями, а при вторичномъ разбирательствѣ по дѣлу—пользованіе показаніями, данными при заочномъ разбирательствѣ и записанными въ протоколъ, причѣмъ закономъ этимъ предоставлено суду право до судебного разбирательства дѣлать распоряженія о допросѣ обвиняемаго мѣстнымъ по жительство его судебнымъ слѣдователемъ или мировымъ судьей.

Еще менѣе благоприятнымъ оказалось время для принципа гласности и здѣсь встрѣчаемся мы съ цѣлымъ рядомъ законовъ, постепенно ограничивавшихъ дѣйствіе этого принципа. Такъ, запретъ уставовъ разматривать публично дѣла по обвиненію въ произнесеніи дерзкихъ словъ противъ Государя Императора, получилъ дальнѣйшее развитіе предоставленіемъ суду права, руководствуясь своимъ усмотрѣніемъ, закрывать двери присутствія и по другимъ государственнымъ преступленіямъ ¹⁾. Закономъ объ охранѣ ²⁾ министру внутреннихъ дѣлъ и генералъ-губернатору предоставлено право въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны, указывать, какія дѣла должны слушаться при закрытыхъ дверяхъ присутствія. Законъ о печати ³⁾ внесъ также ограниченія этого принципа, постановивъ, что по дѣламъ объ оскорбленіяхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ не допускается до представленія доказательствъ справедливости порочащаго обстоятельства, пренія, въ судѣ происходящія, не могутъ быть печатаемы, хотя бы они производились въ присутствіи публики; по этимъ дѣламъ печатается одинъ только

¹⁾ Законы 7 іюля 1872 г. (50956) и 9 мая 1878 г. (58489).

²⁾ Законъ 4 сентября 1881 года.

³⁾ Законъ 12 декабря 1866 г. (43878) и 4 февраля 1875 г. (54353).

приговоръ суда, съ особаго притомъ его разрѣшенія, печатаніе же подробностей процесса или первоначальной жалобы разрѣшается только предсѣдателемъ, по просьбѣ обиженнаго. Наконецъ, особенно чувствительныя уклоненія отъ этого принципа находимъ мы въ законѣ 12 февраля 1887 г. Законъ этотъ увеличилъ случаи обязательнаго закрытія дверей засѣданія, ограничивъ гласность производства по всѣмъ дѣламъ въ отношеніи малолѣтнихъ и всѣхъ лицъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, и предоставилъ право на факультативное закрытіе дверей присутствія при извѣстныхъ условіяхъ предсѣдателю суда, суду и министру юстиціи, какъ единолично, такъ и по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ отношеніи системы обжалованія приговоровъ измѣненія концентрировались на порядкѣ кассационнаго производства. Введенъ залогъ въ обезпеченіе правильности обжалованія; для лицъ, подавшихъ жалобу и присужденныхъ къ содержанію подъ стражею, постановлено, что они могутъ остаться на свободѣ только по представленіи такового ¹⁾; измѣненъ порядокъ движенія дѣлъ въ сенатѣ, согласно измѣнившейся организаціи уголовного кассационнаго департамента его, въ частности же измѣненъ порядокъ оберъ-прокурорскихъ заключеній въ сенатѣ ²⁾.

Въ отношеніи исполненія приговоровъ произведены измѣненія, выразившіяся въ измѣненіи условія вступленія приговоровъ въ законную силу (по закону 15 февраля 1888 года) и въ отмѣнѣ обряда публичной казни. Обрядъ этотъ имѣлъ нѣкоторое значеніе при старомъ порядкѣ судопроизводства, такъ какъ только чрезъ посредство его общество, при господствѣ тайной процедуры суда, узнавало, въ чемъ заключаются послѣдствія карающаго правосудія. Съ изданіемъ судебныхъ уставовъ этотъ обрядъ потерялъ прежнее свое значеніе и законъ 22 мая 1880 года ³⁾ только дополнилъ то,

¹⁾ Законы 1 іюля 1868 г. (46066) и 10 іюня 1877 г. (57471).

²⁾ Законъ 16 февраля 1887 г. (собр. узак. 22).

³⁾ Законъ 22 мая 1880 года (собр. узак. ст. 441).

что упущено были составителями уставовъ. Вышедшій чрезъ годъ послѣ этого законъ 26 мая 1881 г. ¹⁾ установилъ не публичный порядокъ исполненія смертной казни.

Не мало измѣненій въ производствѣ дѣлъ произведено въ отношеніи тѣхъ дѣлъ, которыя направляются по уставу не въ общемъ порядкѣ, а въ порядкѣ изъятій, и тутъ первое мѣсто занимаютъ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ. Тѣ постановленія устава, по которымъ направляются эти дѣла, принадлежатъ къ числу тѣхъ, по которымъ проявилось наиболѣе измѣненій и вмѣстѣ колебаній въ законодательной нашей практикѣ.

Исторія возникновенія вышедшихъ по этому предмету, въ измѣненіе судебныхъ уставовъ, новыхъ законовъ, связана съ самыми тяжелыми воспоминаніями пережитого нами неотдаленнаго прошлаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ исторіи улучшенія нашихъ уставовъ. На первыхъ же порахъ примѣненія уставовъ возникли крупныя политическія процессы—дѣла Карокозова, Нечаева и рядъ другихъ дѣлъ, имѣвшихъ предметомъ своимъ посягательства на ниспроверженіе установленнаго порядка въ имперіи. Обиліе крупныхъ политическихъ преступленій, въ связи съ естественнымъ возбужденіемъ, которое влекли они за собою, произвело самое пагубное вліяніе на дальнѣйшее теченіе всей нашей жизни и въ частности вредно отразилось и на дальнѣйшемъ существованіи нашихъ судебныхъ уставовъ. Все болѣе и болѣе проникало сознаніе, что для борьбы съ исключительными явленіями требуются и исключительныя мѣры, что судебныя уставы, въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ рукъ составителей ихъ, не предназначены для проявленія той силы уголовной юстиціи, примѣненіе которой требовалось для борьбы съ явленіями, казалось, способными поколебать самыя основы нашего государственнаго бытія. Первый законъ, признавшій непригодность порядка разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступле-

¹⁾ Законъ 26 мая 1881 г. (ib ст. 387).

ніяхъ, созданнаго судебными уставами, а именно—разсмотрѣніе ихъ судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей, былъ законъ 7 іюня 1872 года. Онъ нашелъ, что палаты непригодны для разсмотрѣнія тѣхъ изъ этихъ дѣлъ, которыя влекутъ за собою наказанія, сопряженныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, и передалъ дѣла эти въ вѣдѣніе высшаго судебного учрежденія—сената, образовавъ для этого въ составѣ его особое присутствіе, которое уполномочено было на разрѣшеніе этихъ дѣлъ съ участіемъ сословныхъ представителей; устранилъ обрядъ преданія суду по этимъ дѣламъ, создавъ вмѣстѣ съ тѣмъ особый порядокъ для ихъ прекращенія; ограничилъ случаи кассационнаго обжалованія состоявшихся приговоровъ одними только случаями нарушенія закона при опредѣленіи преступленія и рода наказанія, предоставивъ постановленіе новаго приговора общему собранію кассационнаго департамента сената. Но неудовлетворительность такого измѣненія судебныхъ уставовъ скоро дала себя чувствовать и законъ 9 мая 1878 года, стремясь парализировать вредныя послѣдствія централизациі этихъ дѣлъ въ сенатѣ, поднялъ вновь значеніе судебныхъ палатъ, возложивъ сужденіе по наиболѣе важнымъ дѣламъ этимъ на судебныя палаты, въ тѣхъ случаяхъ, когда не воспослѣдуетъ Высочайшаго повелѣнія о разсмотрѣніи этихъ дѣлъ въ особомъ присутствіи сената, причемъ палаты должны были рѣшать эти дѣла въ усиленномъ составѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, какъ это опредѣлено было судебными уставами, и получили право выѣзда для разсмотрѣнія этихъ дѣлъ и не въ мѣстѣ постоянного своего пребыванія.

Параллельно съ дѣлами о государственныхъ преступленіяхъ шли измѣненія судебныхъ уставовъ въ отношеніи порядка производства дѣлъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія. По уставу уголовного судопроизводства преступленія эти не были изъяты, подобно государственнымъ преступленіямъ, изъ юрисдикціи присяжныхъ, но желаніе законодателя, въ виду обнаружившихся многочисленныхъ посягательствъ противъ порядка управленія, усилить средства

уголовной репрессіи противъ лицъ, виновныхъ въ учиненіи насилія и сопротивленія органамъ власти, повлекло за собою созданіе закона 9 мая 1878 года, которымъ постановлено было, что: 1) дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ главахъ 1, 2 и 5 разд. IV улож. о наказ. и, кромѣ того, нѣкоторыя другія преступленія, тѣмъ закономъ исчисленныя, временно подчиняются въ отношеніи подсудности, преданія суду и производства суда порядку производства дѣлъ, подлежащихъ въ дѣлю судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей, и 2) дѣла о нанесеніи подчиненнымъ начальнику оскорбленія дѣйствіемъ, въ отношеніи подсудности и производства дѣла, направляются этимъ же порядкомъ. 9 августа того же года изданъ законъ, существенно ограничившій дѣйствіе предыдущаго закона и предписавшій предавать военному суду виновныхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ, или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ, покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ, или поджогомъ, такъ что въ разсмотрѣніи судебныхъ палатъ съ сословными представителями остались большею частію только такія изъ дѣлъ, указанныхъ въ законѣ 9 мая 1878 г., которыя являются не особенно угрожающими общественному порядку и безопасности властей.

Но примѣненіе къ послѣдняго рода, относительно не тяжкимъ, преступленіямъ новаго процессуальнаго порядка обнаруживало большія неудобства и законъ 11 мая 1882 года оставилъ на разсмотрѣніи судебныхъ палатъ только самыя тяжкія изъ этихъ преступленій и, притомъ, опять-таки временно (указаны они въ примѣчаніи 2 къ ст. 1031 устава), всѣ же прочія дѣла, упоминавшіяся въ законѣ 9 мая 1878 г., опять подчинилъ общему порядку суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Другая категорія дѣлъ, направляемая по уставамъ въ порядокъ изыятія — дѣла по преступленіямъ должности, подверглась точно также не малымъ измѣненіямъ. Рѣшительное влія-

ніе на порядок примѣненія отвѣтственности за должностныя дѣйствія оказалъ законъ 20 мая 1885 года въ отношеніи лицъ судебного вѣдомства. Законъ этотъ, независимо отъ существенныхъ измѣненій, которыя онъ внесъ въ отношеніи организаціи нашего высшаго судебного установленія, значительно усилилъ взысканія, которымъ судьи могутъ быть подвергаемы въ дисциплинарномъ порядкѣ, а также внесъ нѣкоторыя измѣненія и въ самый дисциплинарный процессъ.

Въ отношеніи производства дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ казны, наиболѣе существенная сторона измѣненій заключалась въ развитіи, какъ мы видѣли, условнаго судебно-административнаго разсмотрѣнія дѣлъ о нарушеніи нѣкоторыхъ спеціальныхъ уставовъ. Производство же дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія испытало измѣненія, внесенныя, главнымъ образомъ, закономъ о печати 12 декабря 1866 года. Законъ этотъ опредѣлилъ условія возбужденія преслѣдованія по этимъ дѣламъ и разрѣшилъ, такимъ образомъ, многія изъ тѣхъ сомнѣній, которыя по этому предмету возникали въ практикѣ на первыхъ же порахъ судебной реформы; далъ суду обширныя полномочія по наложенію предварительнаго ареста на противозаконныя сочиненія; опредѣлилъ по инымъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, основаніямъ подсудность этихъ дѣлъ; обставилъ новыми условіями дѣятельность прокурорскаго надзора по поддержанію обвиненія на судѣ по этимъ дѣламъ и, притомъ, условіями тяжелыми, обязавъ прокурора начинать преслѣдованіе по требованію должностныхъ лицъ и установивъ особые правила для производства по этимъ дѣламъ суда.

Если къ изложенному прибавить, что уставъ нашъ, сравнительно съ тѣмъ, что составляло содержаніе его въ моментъ изданія, дополненъ цѣлымъ новымъ отдѣломъ, именуемымъ книгою четвертою, содержаніе которой составляютъ постановленія, устанавлиющія рядъ уклоненій отъ устава по производству уголовныхъ дѣлъ въ Кавказскомъ краѣ, въ губерніяхъ варшавскаго судебного округа и Прибалтійскихъ, то

получится изложеніе тѣхъ главныхъ измѣненій, которымъ подвергнутъ былъ уставъ со времени его изданія. Но къ этому надо прибавить еще указаніе на три новыхъ закона, почти одновременно изданныхъ нынѣшнимъ лѣтомъ. Таковы: законъ 7 іюля ¹⁾—объ измѣненіи порядка производства дѣлъ по нѣкоторымъ преступленіямъ, подлежащимъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; законъ 9 іюля ²⁾—о примѣненіи къ Прибалтійскимъ губерніямъ судебныхъ уставовъ и о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений и законъ 12 іюля ³⁾—о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений и судебной части въ Имперіи.

Законы 7 и 9 іюля имѣютъ, не смотря на всю важность свою, относительно локализованное значеніе. Первый изъ нихъ, существенно ограничивъ предѣлы дѣйствія суда присяжныхъ и выдвинувъ за счетъ его участіе въ производствѣ дѣлъ сословныхъ представителей, не подорветъ сущности судебныхъ уставовъ, тѣмъ болѣе, что онъ не тронулъ въ принципѣ, а только ограничилъ въ объемѣ положеніе устава о томъ, что судъ присяжныхъ является нормальнымъ судомъ для дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою лишеніе правъ состоянія. Выдвинутый имъ впередъ институтъ сословныхъ представителей не окажетъ точно также рѣшительнаго вліянія на примѣненіе нашихъ судебныхъ уставовъ, такъ какъ вліяніе его ограничивается на производствѣ тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя направляются не въ общемъ порядкѣ, а въ порядкѣ изъятій. Законъ 9 іюля ограниченъ территоріально въ сферѣ своего примѣненія и къ тому же создаетъ такой судебный порядокъ вещей, которому во многихъ отношеніяхъ (какъ напр. въ отношеніи мировой и волостной юстиціи) мѣстности, въ которыхъ примѣняются нынѣ судебныя уставы, видоизмѣненные не этимъ закономъ, а закономъ 12 іюля, могутъ завидовать.

¹⁾ Законъ 7 іюля 1889 г.

²⁾ Законъ 9 іюля 1889 г.

³⁾ Законъ 12 іюля 1889 г.

Совершенно иное значеніе имѣетъ законъ 12 іюля, измѣнившій мѣстныя крестьянскія учрежденія и судебную часть Имперіи. Мы стоимъ слишкомъ близко къ моменту его изданія и не испытали практическаго его примѣненія, а потому не можетъ еще ощущать на себѣ практическую важность и дѣйствительное значеніе вносимой имъ новизны. Несомнѣнно, что законъ этотъ совершенно мѣняетъ основы судебной организаціи, созданной судебными уставами; несомнѣнно также, что въ виду той непосредственной связи, которая существуетъ между судоустройствомъ и судопроизводствомъ, онъ повлечетъ за собою рѣшительныя измѣненія во всемъ строѣ уголовного процесса, тѣмъ болѣе, что постановленія его исходятъ изъ иныхъ принциповъ, чѣмъ изъ какихъ исходили составители устава. Правила о порядкѣ судопроизводства по дѣламъ, отнесеннымъ къ вѣдѣнію созданныхъ новымъ закономъ городскихъ судей и земскихъ начальниковъ еще не существуютъ и только проектъ этихъ правилъ долженъ былъ быть выработанъ министрами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и представленъ не позже 1 октября на уваженіе государственнаго совѣта; остальные же, входящіе въ систему судебной организаціи, должностныя лица и установленія, должны руководствоваться въ своей дѣятельности судебными уставами. До изданія этихъ процессуальныхъ правилъ соображенія относительно размѣровъ измѣненій, произведенныхъ новымъ закономъ въ нашемъ уголовномъ процессѣ, представляются преждевременными. Но тѣмъ не менѣе и теперь можно утверждать, что въ чемъ бы ни заключались эти будущія правила, ими не исчерпается вліяніе этого закона на процессъ. Возьмемъ, напр., кассаціонный порядокъ обжалованія рѣшеній, съ которымъ новый законъ оперируетъ какъ съ порядкомъ готовымъ, сложившимся по судебнымъ уставамъ и не нуждающимся въ новомъ развитіи. Новый законъ создалъ только новыя кассаціонныя инстанціи въ лицѣ губернскихъ присутствій и ограничился указаніемъ на то, какіе приговоры, въ качествѣ окончательныхъ, и куда подлежатъ обжалованію. А между тѣмъ уже теперь легко можно усмотрѣть столь су-

пественныя препятствія къ развитію того кассационнаго производства, которое создано было судебными уставами, что съ несомнѣнностію можно предсказать, что идея кассационнаго производства получить совершенно иную форму, чѣмъ какая была создана уставами 20 ноября. Въ самомъ дѣлѣ, что предполагаетъ кассационный порядокъ обжалованія приговоровъ по уставамъ? Онъ предполагаетъ, что этимъ порядкомъ провѣряется не существо дѣла, а легальная сторона дѣйствій суда по примѣненію процессуальнаго и матеріальнаго уголовного закона, а поѣтому предполагаетъ специальное знаніе закона со стороны лицъ, призванныхъ отправлять кассационныя функціи, въ качествѣ суда, имѣющаго своимъ прямымъ назначеніемъ поддерживать правильность интерпретаціи закона. Между тѣмъ мы знаемъ, что губернскія присутствія, которымъ принадлежитъ разрѣшеніе протестовъ и просьбъ объ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ и рѣшеній сѣзда и которыя, слѣдовательно, будутъ дѣйствовать въ качествѣ высшей, конкурирующей съ сенатомъ кассационной инстанціи по дѣламъ, подсуднымъ земскихъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, составляются изъ лицъ, для которыхъ юридическаго образованія не требуется, за исключеніемъ, приглашаемаго, на правахъ члена, предсѣдателя или члена окружнаго суда и присутствующаго для дачи, въ подлежащихъ случаяхъ, своихъ заключеній прокурора. Остальные члены могутъ быть лишь случайные юристы: это лица, главная дѣятельность которыхъ къ тому же будетъ поглощаться не судебными, а административными дѣлами. Таковы: губернаторъ, вице-губернаторъ, губернский предводитель дворянства и два непремѣнныхъ члена, избираемыхъ губернаторомъ, по совѣщаніи съ губернскимъ предводителемъ дворянства, и затѣмъ утверждаемыхъ въ должностяхъ Высочайшими привазами по министерству внутреннихъ дѣлъ, изъ числа мѣстныхъ дворянъ. Съ другой стороны, если сенатъ въ своей кассационной практикѣ по мировымъ судебнымъ установленіямъ встрѣчался съ чрезвычайными затрудненіями, коренившимися въ лаконизмъ той части уставовъ, которою опредѣлялась дѣятельность ми-

ровыхъ судей, то какую защиту предъ кассационнымъ судомъ въ состояніи будутъ найти будущія предназначающіяся для земскихъ начальниковъ и городскихъ судей процессуальныя правила, которыя создаются, очевидно, не для осложненія процессуальныхъ обрядовъ и формъ, а наоборотъ, для эманципированія усмотрѣнія судейскаго новыхъ судей отъ того процессуальнаго режима, по которому направлялась до сихъ поръ дѣятельность мировыхъ судей? Не приблизится ли въ дѣйствительности при этихъ новыхъ условіяхъ будущее кассационное производство губернскихъ присутствій къ тому кассационному производству, которое отправляли въ отношеніи приговоровъ волостныхъ судовъ уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и которое, какъ извѣстно, не по кассационнымъ основаніямъ, а, на практикѣ, по существу дѣла разрѣшало вопросъ объ участи обжалованнаго приговора? А затѣмъ другой, возникающій по отношенію къ этому порядку обжалованія, вопросъ заключается въ томъ, какъ примѣнится требованіе закона относительно передачи кассированнаго приговора съѣзда мировыхъ судей на разсмотрѣніе другаго съѣзда, коль скоро этого другаго съѣзда на близкомъ разстояніи не окажется, а ближайшими судами второй инстанціи для дѣлъ меньшей важности будутъ уѣздныя съѣзды, въ которые дѣло ни въ какомъ случаѣ передано не можетъ быть, какъ за отсутствіемъ указанія на то закона, такъ и потому, что съѣзды эти являются второю инстанціею судовъ, дѣйствующихъ въ другомъ процессуальномъ порядкѣ, нежели мировыя судебныя установленія? Не откажутся ли стороны совершенно прибѣгать къ этому кассационному способу обжалованія рѣшеній, если окажется, что для поддержанія своихъ интересовъ по кассированному сенатомъ производству, имъ придется, напр., изъ Одессы ѣхать въ Москву? Не вынужденнымъ ли найдется законодательство, для того, чтобы парализовать вредныя послѣдствія такого порядка вещей, приступить къ измѣненію кассационнаго порядка производства дѣлъ по судебнымъ уставамъ, предоставивъ кассационной инстанціи такія широкія полномочія по опредѣленію послѣд-

ствій отмѣненнаго приговора, которыя трудно будетъ согласовать съ идеею кассационнаго производства?

Или укажемъ еще другой, возникающій въ отношеніи будущаго нашего уголовного процесса, вопросъ. На обязанности органовъ судебной власти лежитъ выяснить, при предъявленіи обвиненія въ неисполненіи законнаго требованія, распоряженія или постановленія правительственныхъ или полицейскихъ властей, признакъ „законности“ даннаго распоряженія или постановленія, причемъ, по разъясненію сената, судъ въ этомъ случаѣ не можетъ, по своему усмотрѣнію, расширить или сѣззить кругъ законныхъ мѣръ, за неисполненіе которыхъ виновные подлежатъ наказанію, а также узаконять своимъ приговоромъ мѣру, неустановленную закономъ. Спрашивается теперь, если подлежащую его оцѣнкѣ, со стороны законности, мѣрою является мѣра, принятая его начальствомъ, въ какихъ предѣлахъ установится его приговоръ? Войдетъ ли онъ въ критическую оцѣнку дѣйствій своего начальства, или же, отказавшись отъ исполненія своей судейской обязанности, покараетъ за неисполненіе постановленія или требованія, независимо отъ оцѣнки законности его?

Эти и во множествѣ возбуждаемые новымъ закономъ тому подобные вопросы не могутъ быть предрѣшены въ настоящее время, но можетъ быть съ несомнѣнностью установлено уже теперь, что при тѣхъ рѣшительныхъ измѣненіяхъ, которыя созданы новымъ закономъ въ нашемъ судоустройствѣ, существенно измѣнятся и условія процессуальной дѣятельности судовъ, а съ появленіемъ этихъ новыхъ условій получатся и иные, чѣмъ какіе получались до нынѣ, результаты судебной дѣятельности, хотя бы даже постановленія закона, опредѣляющія нашъ уголовный процессъ, при этомъ мало, относительно, измѣнились, въ противность высказаннымъ нами ожиданіямъ.

И такъ, вотъ въ чемъ заключаются измѣненія, внесенныя въ нашъ уголовный процессъ въ теченіи послѣдняго двадцатипятилѣтія и, притомъ, измѣненія, повторяемъ, намѣченныя въ главныхъ чертахъ и не имѣющія исчерпывающаго зна-

ченія. Уклоненія дѣйствующаго нашего устава уголовного судопроизводства отъ своего первообраза настолько велики, что естественно возникаетъ вопросъ о томъ, не служатъ ли они доказательствомъ того, что судебные уставы, порвавъ при возникновеніи своемъ связь съ нашимъ предъидущимъ судебнымъ строемъ и основавъ нашъ уголовный процессъ на основаніяхъ, господствовавшихъ въ моментъ ихъ появленія на западѣ, совершили, какъ полагаютъ нѣкоторые, крупную ошибку? Не слѣдуетъ ли пожалѣть, что дѣло судебного преобразованія пошло не тѣмъ путемъ, который первоначально намѣченъ былъ трудами комитета, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ графа Блудова и который выражался въ стремленіи улучшить существовавшій по своду уголовный процессъ? Вопросъ этотъ вполне своевременно поставить на обсужденіе теперь, по поводу закончившагося двадцатипятилѣтія существованія уставовъ, тѣмъ болѣе, что пережитый въ теченіи этого періода времени опытъ представляетъ много данныхъ для его разрѣшенія.

Мы полагаемъ, что противники судебныхъ уставовъ изъ факта многочисленности законодательныхъ преобразованій, внесенныхъ въ наши уставы, не могутъ сдѣлать никакихъ выводовъ въ доказательство правильности своихъ утвержденій.

Радикализмъ судебной реформы 20 ноября 1864 года обусловливался свойствами того слѣдственнаго процесса, который застала эта реформа. Вся исторія слѣдственнаго процесса, съ момента уничтоженія пытки, какъ на западѣ, такъ и у насъ, служить ничѣмъ инымъ, какъ рядомъ доказательствъ невозможности улучшенія этого процесса, въ мѣрѣ, требовавшей интересами правосудія. Обширность задачи, возлагавшейся на судъ и слѣдователя слѣдственнаго порядка процесса, обязанность блюсти интересы обвиненія, защиты и чисто судейскія,—съ уничтоженіемъ пытки осуждала эти органы власти на печальную роль дѣятелей, лишонныхъ дѣйствительныхъ средствъ дѣйствія, а требовавшіяся, вновь народившимся временемъ, гарантіи общественнаго и личнаго интереса, привели къ крайнему развитію такихъ процессуаль-

ныхъ институтѣхъ, которые, какъ напр. правила о формальной оцѣнкѣ доказательствъ, окончательно затрудняли дѣятельность судьи и дѣлали его непригоднымъ для служенія правосудію. Отсюда возникла необходимость ограничить объемъ задачи судьи и путемъ призыва къ жизни сторонъ и возложенія на нихъ отправленія функцій обвиненія и защиты, поставить судью въ совершенно новыя условія дѣйствія, соотвѣтствующія требованіямъ обвинительнаго процесса; отсюда же необходимость освобожденія совѣсти судейской отъ путъ формальныхъ правилъ по оцѣнкѣ уголовныхъ доказательствъ и привлеченія къ дѣлу отправленія правосудія народнаго элемента, въ лицѣ присяжныхъ и выборныхъ судей, предполагавшихся болѣе пригодными къ разрѣшенію дѣлъ по внутреннему убѣжденію, нежели профессиональные судьи.

Такимъ образомъ введеніе въ уголовный процессъ обвинительныхъ формъ его и развитіе въ немъ участія общественнаго, характеризующіе современный уголовный процессъ, явились неизбѣжнымъ послѣдствіемъ историческаго развитія процесса. Господствующій нынѣ и принятый судебными уставами типъ слѣдственно - обвинительнаго процесса обнаруживаетъ чрезвычайную живучесть именно потому, что онъ зародился не въ головѣ отдѣльныхъ мыслителей, а выросъ органически на той почвѣ, которая образована была всѣмъ ходомъ исторіи процесса. Не одни только составители судебныхъ уставовъ вынуждены были прибѣгнуть къ радикальнымъ приѣмамъ судебного преобразованія, не заботясь о сохраненіи связи реформируемаго процесса съ его прошлымъ. По этому пути вели судебное преобразованіе и западно - европейскія законодательства, не только преобразовывая въ первой половинѣ текущаго столѣтія и въ слѣдовавшемъ за нимъ десятилѣтіи свои кодексы типа слѣдственного, въ кодексы типа слѣдственно-обвинительнаго, но и въ послѣднее время прибѣгая къ измѣненіямъ кодексовъ этого послѣдняго типа, въ видахъ усиленія въ нихъ обвинительныхъ формъ процесса. Такъ, при разработкѣ дѣйствующаго нынѣ австрійскаго устава 23 мая 1873 года по поводу одного изъ десяти проектовъ,

предшествовавшихъ ихъ изданію, Глазеръ, въ поданной правительству законодательной запискѣ, доказывалъ необходимость радикальныхъ измѣненій устава, а затѣмъ, когда сдѣлался министромъ юстиціи, дѣйствительно осуществилъ свое воззрѣніе, проводя въ жизнь кодексъ, который, рѣзко обособляясь отъ предшествовавшихъ ему кодексовъ, развилъ обвинительные элементы процесса въ мѣрѣ, въ которой не развило ихъ повнынѣ ни одно изъ континентальныхъ законодательствъ. Тоже повторилось и въ Германіи. Въ законодательныхъ мотивахъ къ первому проекту значится, что отъ новаго устава уголовного судопроизводства ожидаются гораздо болѣе глубокія и коренныя реформы, нежели тѣ, которыя совершены въ области уголовного матеріальнаго права германскимъ уголовнымъ уложеніемъ и что необходимо составить „новый, независимый отъ существующихъ законовъ проектъ.“

Далѣе, многочисленность произведенныхъ въ уставахъ измѣненій—не аргументъ въ пользу ошибочности принятыхъ составителями уставовъ основаній также и потому, что всѣ эти измѣненія ведутъ уставы не вспять, не ко второй части XV тома, а по тому же пути радикальности преобразованій, на которомъ стоятъ судебные уставы. Эти измѣненія возвратили уставы не на оставленную историческую почву слѣдственного процесса, а влекутъ наше судоустройство и нашъ уголовный процессъ къ порядку вещей вполне особенному, самобытному, только отдѣльными своими чертами напоминающему слѣдственный режимъ. Это можно, по крайней мѣрѣ, сказать о послѣднемъ, самомъ крупномъ законодательномъ актѣ въ этой области—о законѣ 12 іюля 1889 года, преобразовавшемъ мѣстныхъ крестьянскія учрежденія и судебную часть Имперіи. То, что создано этимъ закономъ, не имѣетъ преемственной связи съ прошлымъ, не имѣетъ ничего общаго и съ порядкомъ вещей, созданнымъ на западѣ. Это вполне радикальное преобразование, вызванное потребностью удовлетворенія существующихъ интересовъ жизни, какъ понимаетъ ихъ въ настоящую минуту законодательная власть.

Что судебные уставы, несмотря на всю важность внесенных ими изменений въ нашъ процессъ, были естественнымъ явленіемъ своего времени, находятъ подтвержденіе въ томъ общемъ сочувствіи, которое они привлекли къ себѣ въ обществѣ, печати и среди представителей процессуальной науки на западѣ и у насъ. Это сочувствіе, встрѣчаемое далеко не всякою реформою, сказывалось въ тѣхъ отзывахъ, которые были присланы съ разныхъ концовъ Россіи въ комисію, составлявшую уставы, на основныя положенія реформы, въ тѣхъ единодушно высказывавшихся одобрительныхъ, а иногда и восторженныхъ оцѣнкахъ реформы со стороны періодической печати, имѣвшей по этому предмету только одинъ взглядъ на дѣло, въ томъ сочувственномъ отношеніи, которое проявлялось со стороны общества въ разнообразныхъ формахъ къ первымъ дѣятелямъ этой реформы, въ тѣхъ, наконецъ, отзывахъ, которые со стороны авторитетнѣйшихъ представителей науки того времени, каковы Вехтеръ и Миттермайеръ, высказаны были относительно уставовъ. Но, краснорѣчивѣе мнѣнія авторитетныхъ лицъ говорить фактъ, занесенный въ исторію международныхъ отношеній Россіи и свидѣтельствующій о томъ вліяніи, которое оказали уставы на постановку вопроса о выдачѣ преступниковъ. Только режимъ, созданный судебными уставами, могъ вселить западно-европейскимъ государствамъ довѣріе къ нашему суду; только при существованіи этого довѣрія могли сразу возрасти въ численности своей заключенные по этому предмету съ Россіею договоры эти, въ томъ размѣрѣ, который мы видимъ въ дѣйствительности. Нѣтъ, неправы, тысячу разъ неправы тѣ порицатели судебныхъ уставовъ, которые находятъ, что уклоненіе законодателя отъ намѣченнаго трудами графа Блудова пути было роковою будто бы ошибкою и что возвращеніе на этотъ путь представляется будто бы желательнымъ и возможнымъ.

Но если таково значеніе судебныхъ уставовъ, то спрашивается, въ какомъ смыслѣ изменили дополнительные къ нимъ узаконенія ихъ значеніе? Содѣйствовали ли они, крайней мѣрѣ относительно уголовного судопроизводства,

подъему этого значенія чрезъ улучшеніе ихъ, или же, мѣняя ихъ сущность и внося въ уголовный процессъ положенія, несоотвѣтствующія духу уставовъ, они умалили ихъ процессуальныя достоинства?

Въ статьѣ, имѣющей цѣлью дать общій и бѣглый обзоръ совершенныхъ законодательныхъ преобразованій за послѣднее двадцатипятилѣтіе, нельзя дать отвѣта на такой крупный вопросъ, требующій для своего разрѣшенія всесторонней оцѣнки каждаго вышедшаго за этотъ періодъ времени закона въ частности. Но тѣмъ не менѣе возможно, казалось бы, намѣтить нѣкоторые общія черты, характеризующія законодательную дѣятельность за этотъ періодъ въ области уголовного процесса.

Если, всматриваясь въ длинную вереницу измѣнившихся уставъ законовъ, обратить вниманіе на поводы ихъ возникновенія, то нельзя будетъ среди нихъ, прежде всего, не отмѣтить нѣкоторыхъ, какъ напр. законы, внесшіе измѣненія въ порядокъ производства дѣлъ по нарушенію правилъ о печати и порядокъ производства дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, существованіе которыхъ вызвано постановкою приговоровъ, неудовлетворившихъ существовавшихъ ожиданій. Рядомъ съ этимъ существуютъ законы, исторія возникновенія которыхъ тѣсно связана съ такими явленіями нашей внутренней жизни, которыя, имѣя значеніе серьезныхъ и зловѣщихъ симптомовъ, свидѣтельствовали, что въ нашей общественности развиваются патологическія теченія, требующія врачеванія, но которыя сами по себѣ не доказывали еще, что судебныя уставы не удовлетворяютъ своему назначенію и требуютъ ломки—таковы опять таки законы, видоизмѣнявшіе многократно производство дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ. Затѣмъ можно отмѣтить группу законовъ, создававшихся по указаніямъ опыта; сюда относятся, напр., законы объ отмѣнѣ заявленія неудовольствія на приговоры мировыхъ судей, объ измѣненіи отношеній присяжныхъ къ постановкѣ вопросовъ. И наоборотъ, можно найти законы, которые создавались не столько по указаніямъ практики,

сколько въ видахъ предупрежденія въ ней нежелательныхъ явленій и обезпеченія уставу пригодности его служить публичнымъ интересамъ; таковы, напр., законы объ ограниченіи принципа гласности, а также объ ограниченіи предѣловъ вѣдѣнія присяжныхъ. Наконецъ, можно указать на законы, внесшіе измѣненія въ судебные уставы въ видахъ согласованія ихъ съ измѣнившимися постановленіями другихъ отдѣловъ законодательства; таковы нѣкоторыя статьи уставовъ, относящіяся до производства дѣлъ по нарушеніямъ специальныхъ уставовъ и друг.

Такимъ образомъ оказывается, что измѣненія, произведенныя въ уставѣ уголовного судопроизводства, предпринимались не по общему задуманному плану преобразованія, а по разнообразнымъ, несвязаннымъ во едино общю нитью, мотивамъ улучшенія процесса. Добавимъ еще, что характеристическою особенностію, отличающею наиболѣе крупныя законы разсматриваемаго періода, является вѣра, руководившая законодателемъ, въ то, что улучшеніе уголовного процесса въ той или другой части его, находится въ зависимости не столько отъ улучшенія процессуальныхъ способовъ и средствъ дѣйствія, сколько отъ усиленія того личнаго элемента, который привлекается къ отправленію этихъ дѣйствій. Такъ, сознаніе неудовлетворительности слѣдственной части приводитъ законодательство не къ измѣненію процессуальныхъ условій его производства, а къ измѣненію организаціи личнаго состава, занимающагося этимъ производствомъ. Создаются судебные слѣдователи по особенно важнымъ дѣламъ, слѣдователи по важнѣйшимъ дѣламъ, исполняющіе должность судебныхъ слѣдователей; вводится корпусъ жандармовъ въ организацію лицъ, производящихъ дознаніе; создается институтъ урядниковъ. Сознаніе необходимости усилить репрессію по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ и противъ порядка управленія влечетъ за собою рядъ новыхъ законовъ, правда, видоизмѣнившихъ и порядокъ производства дѣлъ по этимъ преступленіямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвинувшихъ, въ качествѣ главнаго вопроса, вопросъ о томъ судѣ, который дол-

женъ вѣдать разсмотрѣніе этихъ дѣлъ, вопросъ, при разрѣшеніи котораго оказалось не мало колебаній. Недовольство мировыми судебными установленіями повлекло за собою не улучшеніе условій ихъ избранія, или существеннаго измѣненія порядка производства ими дѣлъ, а замѣну ихъ новыми, многочисленными дѣятелями — уѣздными земскими начальниками, городскими судьями, уѣздными членами окружныхъ судовъ, уѣздными сѣздами, губернскими присутствіями.

Отсюда, такимъ направленіемъ нашей законодательной дѣятельности, объясняется то различіе, которое усматривается, за истекшее двадцатипятилѣтіе, между нашею и западно-европейскою преобразовательною дѣятельностію законодателя въ области уголовного процесса, въ отношеніи установки тѣхъ центровъ реформы, которые сосредоточили въ себѣ главныя усилія этой дѣятельности.

Каждое время имѣетъ свои задачи, свои преобладающія предъ другими заботы и потребности, надъ удовлетвореніемъ которыхъ преимущественно трудится научная мысль и сосредоточиваются законодательныя усилія. Такъ, время, предшествовавшее 1848 году, въ Германіи было временемъ литературнаго преимущественно оживленія въ области уголовного процесса, отмѣченнымъ трудами Кестлина, Захаріе, Фейербаха, Бинера, Геппа, Аббега и отчасти Миттермайера, главные литературные труды котораго относятся, однако, къ послѣдующему времени. Съ этого времени движеніе переходитъ въ законодательныя сферы, а научныя изслѣдованія направляются, главнымъ образомъ, на разработку тѣхъ задачъ, которыя ставились на разрѣшеніе въ это время; эти же задачи сводились преимущественно къ одной цѣли — улучшенію формъ французскаго уголовного процесса и освобожденію его отъ тѣхъ крупныхъ органическихъ недостатковъ, существованіе которыхъ все болѣе и болѣе проникало въ общее сознаніе. Но во времени разработки судебныхъ уставовъ это критическое отношеніе не достигло еще той степени развитія, котораго достигло оно въ послѣдующій, интересующій насъ періодъ времени, благодаря тому, что только въ это послѣднее время, подъ вліяніемъ

стремленія къ національному единству и самобытности, германскія литература и законодательства, отстранивъ на второй планъ господствовавшій прежде споръ о принципиальныхъ началахъ и основныхъ формахъ процесса, дали столь самостоятельную и оригинальную постановку многимъ процессуальнымъ институтамъ, о которой не могли еще и мечтать составители нашихъ уставовъ. Интересы цѣлесообразности стали, въ разсматриваемый періодъ, въ наибольшей мѣрѣ интересовати и науку и законодательства, а результатомъ такого направленія явилась совершенно новая постановка многихъ процессуальныхъ институтовъ, частію въ законодательствѣ, частію же въ теоріи.

Въ законодательствѣ, наиболѣе рѣшительныя преобразованія за истекшій періодъ времени совершены были на западѣ въ тѣхъ частяхъ уголовного процесса, которыя въ наибольшей мѣрѣ сохранили слѣды слѣдственного процесса, а такою частью является, прежде всего, предварительное слѣдствіе. Въ этомъ предварительномъ слѣдствіи самая слабая сторона современнаго слѣдственно-обвинительнаго процесса и, притомъ, такая сторона, которая ложится въ основаніе всего процесса и отражаетъ свое вредное вліяніе на всѣхъ слѣдующихъ за нимъ періодахъ производства. Дѣлавшіяся попытки улучшенія судебного слѣдствія находили не малое препятствіе для своего осуществленія въ трудности, при современномъ характерѣ и значеніи предварительнаго слѣдствія, оградить его отъ гибельнаго для него вліянія этой предварительной стадіи процесса, а тщетность сдѣланныхъ въ послѣднее время попытокъ раціональной постановки апелляціоннаго способа обжалованія, привела многихъ процессуалистовъ къ убѣжденію, что главныя усилія въ дѣлѣ улучшенія процесса должны быть направлены не на развитіе и расширеніе системы обжалованія а на усиленіе гарантій правильности рѣшеній первой инстанціи суда. Эти же гарантіи не могутъ быть найдены до тѣхъ поръ, пока судебное, главное, слѣдствіе не эманципируется изъ подъ вліянія предварительнаго и послѣднее не приметъ въ себя элементовъ обвинительнаго процесса.

Дѣйствительность показываетъ, что слѣдователь, привлечшій собственною властію обвиняемаго, даже при полной своей добросовѣстности, не въ состояніи отказаться отъ разѣ составленнаго имъ взгляда на дѣло, и признавъ обвиненіе достаточно прочнымъ для возбужденія слѣдственнаго производства, для привлеченія обвиняемаго и для принятія по отношенію къ нему строгой мѣры пресѣченія, дѣлаетъ все отъ него зависящее для того, чтобы оправдать разѣ составленный и выраженный имъ въ постановленіяхъ взглядъ на дѣло, относясь въ высшей стѣпени скептически и, поэтому, обыкновенно формально къ провѣркѣ заявленій обвиняемаго, немирящихся съ сложившимися въ немъ взглядами. Психологическая невозможность соединенія въ одномъ лицѣ взаимно противорѣчащихъ себѣ функцій обвиненія, защиты и функцій чисто судейскихъ, на которыхъ былъ построенъ слѣдственный процессъ, и которое признано негоднымъ современными законодательствами для слѣдствія судебного, даютъ себя въ этомъ случаѣ чувствовать полнотію.

Вопросъ о реформированіи предварительнаго слѣдствія, построеннаго по системѣ французскаго процесса, впервые подвергся подробному и обстоятельному обсужденію въ трудахъ третьяго сѣзда нѣмецкихъ юристовъ въ 1862 году, т. е. въ то время, когда проектъ нашихъ судебныхъ уставовъ находился уже на разсмотрѣніи государственнаго совѣта. Труды этого сѣзда и до сихъ поръ не потеряли своего высокаго научнаго и практическаго значенія. Сѣздъ этотъ остановился на слѣдующихъ заключеніяхъ: 1) предварительное слѣдствіе должно быть удержано, потому что не прокурору, а только лицу судейскаго званія могутъ быть предоставлены распоряженія, касающіяся личности обвиняемаго, установленія такихъ доказательствъ, которыя не могутъ быть болѣе выставлены на главное слѣдствіе, а также выясненіе доказательствъ невиновности; 2) предварительное слѣдствіе должно быть ограничено: а) чрезъ предоставленіе прокурору права возбужденія обвиненія (*erhebung der öffentliche klage*), б) чрезъ предоставленіе прокурору производить, до возбужденія обвиненія, судебно-полицейское подготовительное произ-

водство (Vorerhebungen) и в) чрезъ недопущеніе производства предварительнаго слѣдствія по дѣламъ, не относящимся до тяжкаго рода преступленій, развѣ бы производства его потребовали прокуроръ или обвиняемый, и 3) оно должно быть улучшено: а) чрезъ недопущеніе дѣйствій, направленныхъ къ полученію признанія обвиняемаго, б) чрезъ предоставленіе прокурору и обвиняемому возможности оказывать постоянное воздѣйствіе на его движеніе и в) чрезъ допущеніе, въ качествѣ общаго правила, публичности его производства или, по крайней мѣрѣ, публичности для сторонъ. Формулированныя такимъ образомъ требованія послужили исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ попытокъ реформированія предварительнаго слѣдствія, причемъ, въ области теоретическихъ изслѣдованій, высказывались различныя пожеланія для излеченія зла. Одни ограничивали свои требованія реформы предложеніемъ большаго развитія гласности производства для сторонъ; другіе предлагали ввести устное производство при заключеніи предварительнаго слѣдствія; третьи настаивали на примѣненіи къ этой стадіи производства началъ гласности и устности въ одинаковой мѣрѣ, какъ и при слѣдствіи предварительномъ; четвертые, не вѣря въ возможность улучшенія предварительнаго слѣдствія путемъ введенія одинаковыхъ основаній производства его, какъ и для судебного слѣдствія, предлагали ограничить его только по тѣмъ дѣламъ, по которымъ встрѣчается необходимость заарестованія обвиняемаго; пятые, настаивая на необходимости огражденія судебного слѣдствія отъ вліянія слѣдствія предварительнаго, требуютъ воспрещенія передачи актовъ предварительнаго слѣдствія суду, рѣшающему дѣло. Несмотря на все разнообразіе этихъ мнѣній и пожеланій, въ основаніи ихъ лежитъ одна, вполне сознаваемая нынѣ мысль, что дѣленіе уголовного процесса на двѣ, рѣзко обособляющіяся другъ отъ друга, по характеру своему, части, есть зло, ограничить вредныя дѣйствія котораго одна изъ важнѣйшихъ задачъ нашего времени. Подъ вліяніемъ этого сознанія высказываются нынѣ даже мнѣнія о необходимости совершеннаго уничтоженія предварительнаго слѣд-

ствія. Такъ Іонъ находитъ, что французская дуалистическая система дѣленія уголовного производства на предварительное и главное (судебное) слѣдствіе, не имѣетъ за себя достаточныхъ основаній; что существованіе двухъ разныхъ органовъ судебныхъ въ лицѣ суда, рѣшающаго дѣла, и судебного слѣдователя, производящаго слѣдственные дѣйствія, точно также не выдерживаетъ критики; что принципъ непрерывности судебного производства не составляетъ существеннаго условія производства процессуальныхъ дѣйствій современнаго суда и что, поѣтому, когда встрѣчается необходимость производства такихъ слѣдственныхъ дѣйствій, осуществленіе которыхъ можетъ быть предоставлено только органу судебной власти (каковы: лишеніе обвиняемаго свободы, производство обысковъ и выемокъ), то эти дѣйствія должны быть предпринимаемы органомъ судебной власти не въ формѣ особаго предварительнаго производства и должны обладать такою степенью полноты, при которой возможно было бы, вслѣдъ за осуществленіемъ этихъ судебныхъ дѣйствій, приступить прямо къ постановкѣ приговора. Несомнѣнно, что совершенное уничтоженіе дуализма въ строѣ современнаго уголовного процесса дѣло не близкаго будущаго. Дуализмъ этотъ, несмотря на всю искусственность своего построенія и весь вредъ, причиняемый имъ правильному движенію уголовного процесса, приобрѣлъ себѣ, благодаря вліянію французскаго процесса, право гражданства и вошелъ въ судебныя нравы. Но если еще далеко до момента полнаго его уничтоженія, то несомнѣнно также, что далеко отошли мы также и отъ прежняго, господствовавшаго по этому предмету воззрѣнія. Достаточно для этого вспомнить, что такіе представители реформаціоннаго движенія, какъ Фейербахъ, Кестлинъ и Гейбъ высказались не противъ, а за существованіе этого дуализма, и что Митгермайеръ былъ одно время противъ допущенія защитника на предварительномъ слѣдствіи и даже противъ производства слѣдственныхъ дѣйствій въ присутствіи обвиняемаго.

Подъ вліяніемъ такого критическаго отношенія къ пред-

варительному слѣдствію слагаются и законодательныя преобразованія послѣдняго времени. Такъ, вопросъ о допущеніи защитника въ эту стадію процесса разрѣшается утвердительно какъ французскимъ, такъ и бельгійскимъ проектами процессуальныхъ кодексовъ, хотя они и обставляютъ это участіе условіями, не гарантирующими подсудимаго отъ произвольныхъ дѣйствій по этому предмету слѣдователя. По бельгійскому проекту защита допускается только тогда, если интересы изслѣдованія дѣла того потребуютъ, причемъ назначеніе защитника должно, по мнѣнію составителей проекта, заключаться въ томъ, чтобы „наблюдать за исполненіемъ процессуальныхъ формъ и за тѣмъ, чтобы истина не была искажена въ ущербъ его кліента“. Мотивы признаютъ опасность злоупотребленія этимъ правомъ участія защитника въ предварительномъ слѣдствіи, но возлагаютъ надежду на то, что „*les sentiments d'honneur et de dignité qui constituent le glorieux patrimoine du barreau serviront de sauvegarde à la justice*“. Но гораздо болѣе существенныя уклоненія отъ построенія предварительнаго слѣдствія по типу чисто слѣдственной формы процесса сдѣланы австрійскимъ и германскимъ судебными уставами. Хотя внесенныя ими новыя начала въ предварительное слѣдствіе французскаго образца и представляются весьма существенными, но тѣмъ не менѣе вопросъ о необходимости болѣе радикальнаго улучшенія этой части процесса представляется вопросомъ, требующимъ, по господствующему воззрѣнію, дальнѣйшаго законодательнаго разрѣшенія. Не смотря на послѣдовавшее улучшеніе по этимъ уставамъ положенія обвиняемаго, на большую самостоятельность и меньшую зависимость слѣдователя отъ прокурора, чѣмъ какая существуетъ по французскому процессу, на новую постановку прокурорскаго дознанія, на новыя отношенія, установленныя между этимъ дознаніемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, на допущенную при производствѣ его формальную защиту—слѣдователь, дѣйствующій по этимъ уставамъ, является все-таки слѣдователемъ, принадлежащимъ вполне слѣдственному типу процесса и дѣйствующимъ по его началамъ, потому что онъ

является, по прежнему, органомъ, отправляющимъ не только судейскія, но и обвинительныя функціи, а также функціи защиты. Главная заслуга этихъ уставовъ заключается не въ томъ, что они радикально улучшили производство предварительнаго слѣдствія—такое улучшеніе принадлежитъ будущему времени, а въ томъ, что они ограничили область примѣненія предварительнаго слѣдствія, опредѣливъ, что цѣль его заключается въ разрѣшеніи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли возбудить уголовное преслѣдованіе на судѣ противъ опредѣленнаго, указаннаго обвинителемъ лица; что они развили неизвѣстное французскому процессу подготовительное прокурорское изслѣдованіе (*Vorbereitungsverfahren*—въ Германіи и *Vorerhebungen*—въ Австріи), на которомъ, по требованію прокурора, могутъ быть производимы отдѣльныя слѣдственныя дѣйствія; что они, такимъ образомъ, освободили предварительное слѣдствіе отъ чуждыхъ ему и несоотвѣтствующихъ его характеру дѣйствій и чрезъ это значительно ослабили объемъ того вреднаго вліянія, которое оказываетъ это слѣдствіе на слѣдствіе судебное.

Если, такимъ образомъ, западно-европейскія законодательства далеко не удовлетворили выдвигаемыхъ нашимъ временемъ потребностей улучшенія предварительнаго слѣдствія, а ограничились лишь частичными мѣрами упорядоченія его производства, то что же приходится сказать о нашемъ процессуальномъ законодательствѣ?

Составители судебныхъ уставовъ предполагали первоначально внести въ эту стадію процесса элементы обвинительной формы процесса и допустить защитника къ обвиняемому, но въ томъ окончательномъ видѣ, въ которомъ сложилось это производство. Этимъ элементамъ не нашлось мѣста и всѣ относящіяся до него постановленія проникнуты началами слѣдственной формы процесса. Нашему слѣдователю дана инициатива возбужденія предварительнаго слѣдствія, для осуществленія которой не только не требуется жалобы обвинителя, но даже не требуется, чтобы предварительное слѣдствіе начато было противъ опредѣленнаго лица и только при налич-

ности такового. Чрезъ это граница между дознаніемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ проведена не сообразно разности существа этихъ производствъ, а по внѣшнимъ признакамъ, по органамъ власти, уполномоченнымъ закономъ на производство ихъ. Въ дѣйствительности же на слѣдователя по розысканію виновнаго возложены обязанности, несоотвѣтствующія его судейскому назначенію; судебная же практика, въ виду слабой организаціи у насъ средствъ дознанія, создавала и постоянно поддерживала съ своей стороны соблазнъ къ воспринятію на себя слѣдователемъ функцій по розыску преступниковъ. Если не по закону, то по сложившимся, такимъ образомъ, въ дѣйствительности условіямъ производства предварительнаго слѣдствія, нашъ слѣдователь бываетъ полицейскимъ чиновникомъ, розыскивающимъ виновника преступленія, по которому онъ производитъ предварительное слѣдствіе, то уже несомнѣнно, что онъ и по дѣйствительности и по закону является обвинителемъ. Онъ обвинитель потому, что по своей инициативѣ можетъ возбудить преслѣдованіе; можетъ привлечь къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ тѣхъ лицъ, которыхъ, по обстоятельствамъ дѣла, признаетъ нужнымъ привлечь; можетъ направлять дѣйствія полиціи по производству дознаній и, вообще, собирать доказательства вины. Онъ, далѣе, органъ защиты, потому что уполномоченъ закономъ собирать доказательства защиты съ одинаковымъ безпристрастіемъ, какъ и доказательства обвиненія—функція, имѣющая тѣмъ болѣе реальное значеніе, что у обвиняемаго нѣтъ на предварительномъ слѣдствіи защитника. Онъ, слѣдовательно, изображаетъ изъ себя типъ слѣдователя-судьи, дѣйствующаго по формамъ чисто слѣдственнаго процесса. Что предварительное слѣдствіе, врученное лицу, поставленному въ такія условія дѣятельности, оказывается обыкновенно неудовлетворительнымъ, доказываетъ всею нашею двадцатипятилѣтнею практикою. Объ этой практикѣ свидѣлствуютъ отзывы судебныхъ дѣятелей и присяжныхъ, отзывы печати и, наконецъ, приговоры судовъ, не всегда достаточная репрессивность которыхъ въ значительной степени объясняется неудовлетворительностью нашего предварительнаго слѣдствія.

Какъ въ отношеніи условій возбужденія и движенія предварительнаго слѣдствія усматривается существенная разница между нашимъ уставомъ и постановленіями новѣйшихъ западно-европейскихъ кодексовъ, такъ точно также усматривается существенная разница между ними и въ постановкѣ послѣднихъ моментовъ производства предварительнаго слѣдствія—моментовъ окончанія его. Разница эта обусловливается различіемъ организаціи силъ обвиненія. Наши уставы приняли въполнѣ, какъ извѣстно, начало французскаго процесса, по которому разъ начатое предварительное слѣдствіе не можетъ быть прекращено обвинительною властью, дѣйствія которой находятся въ этомъ отношеніи всегда подъ контролемъ власти судебной. Германское право, въ которомъ, въ періодъ составленія судебныхъ уставовъ господствовали начала французскаго права въ отношеніи основаній дѣятельности прокурорской, придерживалось того же порядка вещей, но выясненіе несостоятельности этого порядка, въ связи съ изысканіями новыхъ коррективовъ дѣятельности прокурорской, составили одну изъ излюбленнѣйшихъ темъ научной работы послѣднихъ десятилѣтій. Среди обширной, образовавшейся литературы, ясно обозначилось стремленіе развить участіе частныхъ обвинителей въ уголовномъ процессѣ, причемъ наиболѣе рѣзко по своей опредѣленности выразились два теченія. Одно изъ нихъ, въ центрѣ котораго стоитъ Глазеръ, сказалось въ стремленіи создать субсидіарную силу прокурора-обвинителя въ лицѣ потерпѣвшаго отъ преступленія лица, которому затѣмъ и должно быть предоставлено право обжаловать отказъ прокурора отъ преслѣдованія суду и въ случаѣ уваженія этой жалобы должно быть предоставлено право стать обвинителемъ, вмѣсто уклонившагося отъ обвиненія, по собственной инициативѣ, а не по разрѣшенію суда, прокурора. Другое научное теченіе, во главѣ котораго стоитъ Гнейстъ, высказалось за предоставленіе такой вспомогательной силы обвинительной не только потерпѣвшему, но и всѣмъ постороннимъ лицамъ. Это литературное движеніе точно также не удержалось

въ предѣлахъ теоретическихъ изысканій, а подготовивъ почву для законодательныхъ работъ, выразилось затѣмъ и въ законодательномъ актѣ, а именно въ—судебномъ кодексѣ Австріи 23 мая 1873 года, принявшемъ субсидіарное обвиненіе потерпѣвшаго отъ преступленія лица, такъ что по этому уставу въ Австріи существуютъ четыре формы обвиненія: публичное обвиненіе прокурорское, субсидіарное обвиненіе прокурорское, поддерживаемое прокуроромъ по требованію потерпѣвшаго, по дѣламъ о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ лишь по частной жалобѣ, частное обвиненіе частнаго обвинителя по тѣмъ же преступнымъ дѣяніямъ и субсидіарное обвиненіе частнаго обвинителя. въ случаѣ отказа прокурора отъ преслѣдованія по общимъ преступленіямъ. Это участіе потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ въ поддержаніи интересовъ обвиненія, въ качествѣ субсидіарныхъ обвинителей, даетъ, по удостовѣренію многихъ процессуалистовъ, прекрасные результаты. Эту форму обвиненія предполагалъ ввести и въ Германію одинъ изъ проектовъ германскаго устава уголовного судопроизводства, но она этимъ уставомъ не принята, такъ что тамъ, рядомъ съ прокурорскимъ обвиненіемъ, стоятъ еще три формы обвиненія, а именно: форма обвиненія потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ по уголовно-частнымъ преступленіямъ, форма прокурорскаго обвиненія по тѣмъ же преступленіямъ, если того потребуетъ публичный интересъ, и форма добавочнаго обвиненія къ прокурорскому обвиненію со стороны потерпѣвшаго отъ преступленія лица, по нѣкоторымъ общимъ преступленіямъ.

Таковы любопытныя сочетанія участія потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ, по новѣйшимъ процессуальнымъ кодексамъ, съ прокурорскою дѣятельностью, свидѣтельствующія о томъ обширномъ участіи, которое, согласно требованію нашего времени, удѣлено частнымъ лицамъ въ дѣлѣ уголовного преслѣдованія преступныхъ посягательствъ. Наше дѣйствующее процессуальное законодательство не отълихнулось на эти новыя формы организаціи обвинительной власти, получившія широкое, какъ мы видѣли, примѣненіе въ германскомъ правѣ.

Судебные уставы остались вѣрны французскому построению обвинительной власти, а та самостоятельно развитая ими форма частнаго обвиненія, съ которою мы встрѣчаемся въ нашихъ общихъ судебныхъ установленіяхъ, заслужила въ нашей юридической литературѣ основательный упрекъ въ полной несостоятельности, въ виду той изолированности и безпомощности, въ которой она поставила частнаго обвинителя и неточности обозначенія отдѣльныхъ моментовъ этого порядка обвиненія. Что же касается до слѣдующихъ за изданіемъ судебныхъ уставовъ постановленій закона, то, какъ это видно изъ изложеннаго нами перечня вновь вышедшихъ законовъ, никакихъ измѣненій по этому предмету не произведено.

И такъ, сводя воедино нами сказанное, оказывается, во первыхъ, что наше законодательство проявило въ области уголовно-процессуальной такое движеніе, которое мы не усматриваемъ въ законодательствахъ послѣдняго времени на западѣ, и во вторыхъ, что въ тѣхъ двухъ областяхъ уголовно-процессуальныхъ, въ которыхъ, въ періодъ послѣдняго двадцатипятилѣтія, съ особенною настойчивостью концентрировались научныя изслѣдованія и законодательныя усилія на западѣ, а именно—въ области предварительнаго слѣдствія и организаціи силъ обвиненія, наши судебные уставы не удовлетворяютъ нуждамъ дѣйствительности и представляются значительно отставшими отъ новѣйшихъ западно-европейскихъ кодексовъ. Этими двумя чертами, главнымъ образомъ, характеризуется законодательная дѣятельность въ области уголовного процесса за истекшій періодъ жизни нашихъ уставовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выясняется въ чемъ должна заключаться сущность тѣхъ пожеланій, съ которыми приходится вступить намъ во второе двадцатипятилѣтіе ихъ существованія.

Заслуга нашихъ судебныхъ уставовъ велика и несомнѣнна и только увлеченные предвзятою идеею объ ихъ несостоятельности лица могутъ отрицать то благотворное вліяніе, которое оказали они на нашъ судебный режимъ и на нашу общественность. Примиривъ въ счастливомъ сочетаніи въ постановленіяхъ своего уголовного устава интересы публичные

и личные, неравномерно охраненные въ процессѣ слѣдственного типа, имъ предшествовавшемъ, они вывели, вмѣстѣ съ тѣмъ, судъ изъ той темноты, въ которой онъ дѣйствовалъ при господствѣ канцелярской тайны и создали такіа условія дѣятельности, при которыхъ судъ оказался освобожденнымъ отъ связывавшихъ его прежде путь формализма и пригоднымъ къ обезпеченію личнаго и публичнаго интереса въ болѣе мѣрѣ нежели при старомъ процессѣ. Но улучшеніемъ однихъ только формальныхъ условій отправленія правосудія не исчерпывается высокое значеніе уставовъ. Сблизивъ судъ съ обществомъ и привлеки общественные элементы къ отправленію его функцій въ лицѣ мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей, они усилили значеніе уголовной репрессіи и оказали существенную помощь дѣлу развитія недостаточно укрѣпившагося въ нашемъ обществѣ чувства законности. Эта послѣдняя педагогическая сторона нашего, созданнаго уставами, уголовного процесса, несомнѣнна, но обращаетъ на себя, къ сожалѣнію, недостаточное вниманіе порицателей судебныхъ уставовъ, а между тѣмъ она имѣетъ высокое уголовно-политическое значеніе, съ которымъ должны были бы считаться многіе изъ тѣхъ интересовъ, во имя которыхъ предъявляются требованія о дальнѣйшемъ измѣненіи уставовъ.

Первое пожеланіе, съ которымъ надлежитъ обратиться къ будущему, должно, полагаемъ мы, заключаться въ томъ, чтобы тѣ новыя наслоенія, которыя, въ формѣ новыхъ законовъ, лягутъ на нашъ уголовно-процессуальный уставъ, охраняли это присущее судебнымъ уставамъ свойство, чтобы они, измѣняя и улучшая его технику, не посягали на принятые ими въ основаніе принципы, на то, что составляетъ ихъ душу. Улучшеніе уставовъ нужно. Они, какъ и все жизненное, нуждаются въ измѣненіи формъ, въ приспособленіи къ жизни. Этотъ процессъ приспособленія долженъ проявиться, прежде всего, въ тѣхъ частяхъ устава, которыя оказываются наименѣе удовлетворяющими требованіямъ жизни, а таковыми представляются—предварительное слѣдствіе и организація силъ обвиненія, и если предстоящее двадцатипятилѣтіе съумѣетъ спра-

вѣться съ этими двумя неизбѣжными въ будущемъ преобразаваніями, то о немъ можно будетъ сказать то, что едва ли можно сказать объ истекшемъ двадцатипятилѣтіи, а именно, что оно послужило дѣлу улучшенія созданнаго уставами уголовного процесса.

Вл. Сл.

ОБЗОРЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ.

Гражданскій процессъ—одна изъ тѣхъ счастливыхъ областей законодательства, которая стоитъ вдали отъ всякихъ политическихъ и соціальныхъ „вѣяній“, „злобъ“ и „вожделений“. Дѣятельность гражданскихъ судовъ, подобно тѣмъ правоотношеніямъ, съ которыми вѣдаются эти суды, всего менѣе подвержена натискамъ и вторженіямъ партійныхъ, дѣйствующихъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, тенденцій. Представляя почву неудобную для игры политическихъ страстей, гражданскій процессъ въ весьма немногихъ случаяхъ испытываетъ рикошетные удары отъ этой игры, происходящей въ другихъ сопредѣльныхъ областяхъ юридическаго быта (напр. отъ тенденціозныхъ измѣненій въ области судопроизводства); но въ общемъ—это явленіе исключительное и во всякомъ случаѣ, собственно для процесса, второстепенное. Потому-то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что судопроизводственный законодательный актъ, дѣйствовавшій въ теченіи четверти вѣка, спокойно двигаясь по теченію жизни, не подвергался роковымъ крушеніямъ. Но если, съ одной стороны, гражданскій процессъ не подверженъ тенденціознымъ натискамъ, то съ другой и въ его области возможенъ и прогрессъ и регрессъ, и поступательное и попятное движенія; но это лишь въ смыслѣ проведенія началъ или освѣщенныхъ и одобренныхъ наукою и практикою или отвергнутыхъ и осужденныхъ ими.

Тенденція, проникшая въ правительственную дѣятельность, можетъ вызвать рѣшительную реакцію, и вотъ въ эту то реакціонную пору можетъ наступить и въ области гражданскаго процесса не только застой, но и попятное движеніе; можетъ наступить время, когда разумныя и цѣлесообразныя начала, на которыхъ зиждился прежній гражданскій процессъ разрушаются и мѣсто ихъ заступаютъ начала давно осужденныя, отвергнутыя, почти забытыя. Честь и слава тому судопроизводственному акту, который въ теченіи четверти вѣка не регрессировалъ въ указанномъ смыслѣ.

Если окинуть взоромъ четверть вѣка прожитую нашимъ уставомъ гражданскаго судопроизводства, то приходишь къ тому, что это одинъ изъ наиболѣе счастливыхъ судопроизводственныхъ актовъ. Не говоря уже о томъ, что онъ не былъ—потому что не могъ быть—ареною политическихъ страстей, онъ въ теченіи четвертивѣковаго своего существованія, въ общемъ, не регрессировалъ. Если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя частности, то придется признать, что и рикошетныхъ ударовъ отъ измѣненій въ другихъ областяхъ, онъ не испыталъ. Только за послѣднее полугодіе положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось; но мы обойдемъ молчаніемъ это полугодіе, представивъ, въ общихъ штрихахъ, судьбу устава за весь предыдущій періодъ.

I.

Независимо отъ тѣхъ измѣненій устава, которыя были вызваны законодательными актами по другимъ областямъ юридическаго быта, за двадцать пять лѣтъ, а) отдѣльныя части его подверглись дальнѣйшему развитію, причемъ одни изъ послѣдующихъ законоположеній являются дальнѣйшимъ развитіемъ мысли, уже выраженной въ законѣ, имѣютъ характеръ болѣе истолковательный, пояснительный, другія дополняютъ собою существующій законъ въ деталяхъ, частностяхъ; б) внесено много новыхъ законоположеній, отчасти вовсе неимѣвшихся въ виду при составленіи устава, отчасти намѣренно не внесенныхъ въ уставъ, и наконецъ, в) нѣкоторыя положенія устава со-

вершенно отмѣнены. Разсмотримъ эти измѣненія именно въ этомъ порядкѣ.

Что касается измѣненій, вызванныхъ актами, изданными по другимъ областямъ законодательства, то самымъ раннимъ изъ этихъ актовъ было положеніе о нотаріальной части 14 апрѣля 1866 г. Вліяніе его выразилось въ томъ, что всѣ постановленія устава, касающіяся явочныхъ актовъ, были примѣнены къ актамъ нотаріальнымъ и явленнымъ къ засвидѣтельствуванію. Такъ, эти акты упоминаются въ числѣ письменныхъ документовъ (ст. 432), доказательная сила ихъ распространена на преемниковъ сторонъ (ст. 457); не признанные таковыми, они сохраняютъ силу актовъ домашнихъ (ст. 459), выставленный на нихъ день почитается достовѣрнымъ (ст. 476), противъ нихъ не можетъ быть заявлено сомнѣніе въ подлинности (ст. 543) и они выбираются, предпочтительно передъ другими, для сличенія почерка (ст. 552).—Черезъ два года, въ 1868 г. изданы два закона, повліявшихъ на кругъ дѣятельности гражданскихъ судовъ, именно: 16 января — законъ о судебно-межевомъ разбирательствѣ, и 1 іюля о судопроизводствѣ по дѣламъ о несостоятельности. Первый изъ этихъ законовъ касается какъ петиторнаго, такъ и поссessorнаго процессовъ, т. е. размежеванія земель, а также выдѣла участковъ въѣзжаго лѣса и восстановленія межевыхъ границъ владѣнія Дѣла о размежеваніи земель и выдѣлѣ лѣса до 1868 г., какъ видно изъ одного, хотя и довольно темнаго, мѣста въ соображеніяхъ редакторовъ устава, тоже подлежали вѣдѣнію окружныхъ судовъ, но производились по правиламъ межевымъ (уст. гражд. суд. изд. госуд. канц. стр. 700). При примѣненіи межевыхъ законовъ судамъ приходилось дѣйствовать и на основаніи устава, т. е. согласовывать два законодательныхъ акта, что представляло большія затрудненія. Устраненіе ихъ, прежде всего, и имѣлъ въ виду законъ 16 января. Поссessorнаго процесса законъ этотъ коснулся лишь съ одной стороны: въ искахъ о восстановленіи нарушеннаго владѣнія, при нарушеніи межевыхъ границъ, судамъ предписывается основывать свои рѣшенія исключительно на межевыхъ книгахъ и планахъ, что вполнѣ

раціонально въ видахъ необходимости охраненія межевыхъ границъ.—Законъ 1 іюля о несостоятельности, въ сущности не расширилъ компетенціи окружныхъ судовъ: и до 1868 г. они вѣдали конкурсныя дѣла, но руководились тоже *mutatis mutandis* уставомъ о несостоятельности торговой и въ дѣлахъ о неторговой несостоятельности (уст. гражд. суд. госуд. канц. стр. 574). Законъ и тутъ имѣлъ въ виду устранить рядъ сомнѣній, вызываемыхъ на практикѣ.

Болѣе рѣшительное вліяніе на постановленія собствен но устава имѣли: общій желѣзнодорожный уставъ 12 іюля 1885 г. и положеніе о наймѣ на сельскія работы 12 іюня 1886 года. Еще задолго до изданія общаго устава, было признано необходимымъ внести нѣкоторыя измѣненія въ области гражданского процесса относительно дѣлъ, касающихся желѣзныхъ дорогъ, а именно: по закону 27 ноября 1873 г. свидѣтели изъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ вызываются чрезъ свое начальство; послѣднему тѣмъ самымъ дается возможность (въ теченіи 7 дней) распорядиться о замѣщеніи вызываемыхъ, во время ихъ отсутствія, другими лицами (ст. 89¹, 380¹). Закономъ 6 января 1869 г. введено два правила касающіяся уничтоженія или перенесенія, по требованію управленія желѣзной дороги, сооруженій на земляхъ, лежащихъ вдоль линіи, а именно—иски правленія подсудны суду по мѣсту нахожденія имущества (ст. 34¹, 913¹) и цѣна иска о вознагражденіи за уничтоженіе или перенесеніе опредѣляется разностью между предложеніемъ правленія желѣзной дороги и требованіемъ владѣльца (ст. 273 п 6). Первое изъ этихъ положеній, оказывается, совершенно излишнимъ, ибо и безъ него иски эти предъявлялись бы по этому основанію подсудности (ст. 212), второе же устанавливаетъ, безъ достаточныхъ основаній, слишкомъ большую льготу въ пользу владѣльцевъ земель, вдоль линіи желѣзныхъ дорогъ лежащихъ. Цѣна иска, ими предъявляемаго, чрезмѣрно понижена, она не равняется дѣйствительной цѣнѣ его; для нихъ это представляетъ выгоду двоякаго рода: 1) приходится уплачивать судебныя пошлины не по цѣнѣ иска, а съ разности между требуе-

мою и предложенною суммою и 2) дается возможность предъявить мировому суду искъ, по общему правилу, подсудный окружному суду. Эти несправедливыя правила покупаются цѣною нарушенія не только правилъ, опредѣляющихъ цѣну иска, но и правилъ о подсудности. — Самъ желѣзнодорожный уставъ внесъ цѣлый рядъ весьма существенныхъ измѣненій: 1) предварительные переговоры между сторонами, какъ относительное условіе предъявленія иска въ желѣзной дорогѣ; лицо пострадавшее можетъ обратиться къ правленію съ требованіемъ вознагражденія; въ суду оно можетъ обратиться лишь въ случаѣ отказа, полного или въ частичнаго въ требованія или же въ случаѣ оставленія правленіемъ его требованія безъ отвѣта въ теченіи одного или двухъ мѣсяцевъ, смотря по роду иска. Если же оно не обратится со своимъ требованіемъ къ желѣзной дорогѣ, а сразу предъявить искъ, или же предъявить его до истеченія упомянутого срока, то, при признаніи его иска желѣзною дорогою, въполнѣ или въ части, обязанъ уплатить, соразмѣрно признанной суммѣ, судебныя издержки и вознагражденіе за веденіе дѣла (ст. 121—124). Правила эти весьма цѣлесообразны, ибо благодаря имъ можетъ уменьшиться число судебныхъ дѣлъ съ желѣзными дорогами. 2) Истцу по искамъ о вознагражденіи предоставлено широкое право выбора основанія подсудности; по уставу гражданскаго судопроизводства онъ могъ бы предъявить искъ суду лишь по мѣсту нахождения правленія (ст. 220, 221), а по статьѣ 127 устава желѣзныхъ дорогъ, онъ можетъ предъявить его или по мѣсту нахождения правленія или станціи отправленія или назначенія, или же по мѣсту причинившаго вредъ событія; иски же о вознагражденіи за нарушеніе правилъ о приѣмѣ грузовъ, могутъ быть предъявлены имъ по первому или по второму изъ указанныхъ основаній. Примѣненіе правилъ устава гражданскаго судопроизводства къ желѣзнодорожнымъ искамъ во многихъ случаяхъ было бы равносильно отказу въ судебной защитѣ. 3) Еще болѣе облегчается положеніе пострадавшаго тѣмъ, что искъ по перевозкѣ грузовъ и багажа прямымъ сообщеніемъ, можетъ быть предъявленъ

или къ дорогѣ отправленія или къ дорогѣ назначенія, или къ дорогѣ, гдѣ произошла утрата или поврежденіе (ст. 122).

4) Отводамъ по связи дѣлъ, производящихся въ мировыхъ судахъ, уставъ желѣзныхъ дорогъ придалъ болѣе широкое значеніе. По уставу гражд. судопр. этотъ отводъ возможенъ при наличности „тѣсной связи“ между дѣлами, т. е. при полномъ или частичномъ единствѣ основаній исковыхъ требованій, но не при однородности ихъ; по уставу желѣзныхъ дорогъ, если истецъ предъявилъ одному или нѣсколькимъ мировымъ судьямъ нѣсколько исковъ, вытекающихъ изъ однородныхъ основаній, къ одной или нѣсколькимъ желѣзнымъ дорогамъ, то дорога-отвѣтчица можетъ предъявить отводъ, требуя совмѣстнаго и одновременнаго ихъ разсмотрѣнія; подсудность этой совокупности исковъ опредѣляется общою сложностью цѣны всѣхъ исковъ (ст. 126). Правило это, весьма удобное для желѣзныхъ дорогъ, крайне обременительно для частныхъ лицъ; затягивая безъ всякихъ основаній производство, особенно жевъ тѣхъ случаяхъ, когда иски предъявлены къ нѣсколькимъ дорогамъ, т. е. когда и субъективное единство нарушено. Вообще привести вѣскія основанія въ пользу такого расширенія отвода едва ли возможно; въ ст. 126 проявляется лишь одно скрытое желаніе, чтобы желѣзнодорожные иски разсматривались въ окружныхъ судахъ.

5) Прекращеніе истцомъ дѣла послѣ отсылки къ дорога-отвѣтчицѣ вызова, влечетъ за собою крайне суровыя, неизвѣстныя нашему уставу гражданского судопроизводства, послѣдствія. Оно влечетъ за собою потерю иска навсегда. Эта строгая римская точка зрѣнія на *litis contestatio* совершенно чужда нашему праву и нельзя не пожалѣть о примѣненіи ея, да еще къ желѣзнымъ дорогамъ (ст. 134).

6) Повѣстки и другія бумаги высылаются судомъ въ правленіе или управленіе желѣзной дороги (прил. къ ст. 288, 725). Это правило установлено ради удобства частныхъ лицъ и имѣетъ значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда желѣзная дорога принадлежит полному товариществу или одному владѣльцу; чтобы не розыскивать соучастниковъ или владѣльца (ст. 288) бумаги отсылаются къ представителю предпріятія.

7) По желѣзнодоро-

рожнымъ дѣламъ требуется заключеніе прокурора (прил. къ ст. 179). Это положеніе лишено, какъ и самый институтъ заключенія прокурора, всякаго практическаго значенія, но законодатель хотѣмъ подтвердить выраженный имъ въ уставѣ взглядъ на желѣзнодорожное дѣло, какъ на дѣло публичное, государственное. Наконецъ, 8) установленъ своеобразный порядокъ исполненія рѣшеній, состоявшихся противъ желѣзной дороги. Взысканіе не можетъ быть обращено ни на какое ея имущество (ст. 138); приставъ доставляетъ повѣстку правленію (ст. 139) и если, со времени врученія повѣстки, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, приставу не будетъ доставлена требуемая сумма, то взыскатель можетъ просить судъ объ объявленіи дороги несостоятельною (ст. 140), послѣдствіемъ чего является взятіе дороги въ казенное управленіе и ликвидация ея дѣлъ (ст. 142).

Положеніе о наймѣ на сельскія работы коснулось различныхъ частей процесса: 1) иски, возникающіе изъ этихъ договоровъ, подсудны суду мѣста исполненія (ст. 36¹); положеніе это, однако, совершенно излишне, ибо и для мировыхъ судей, въ силу ст. 80, обязательна ст. 209, подъ которую вполне подходятъ иски по договору найма рабочихъ; 2) въ дѣлѣ обезпеченія исковъ договорный листъ поставленъ въ положеніе акта нотаріальнаго, а именно—судья не вправе отказывать истцу нанимателю въ обезпеченіи иска по найму, заключенному по договорному листу (ст. 125); этимъ положеніемъ, а также и тѣмъ, по которому 3) рѣшеніе суда подлежитъ предварительному исполненію (ст. 157 прил.), имѣлось въ виду усилить исполнительную силу обязательствъ по найму. Ради огражденія рабочаго отъ самовольнаго удержанія паспорта, 4) предварительное исполненіе рѣшенія, состоявшагося въ его пользу, сопровождается истребованіемъ отъ нанимателя вида и договорнаго листа; въ случаѣ невозвращенія ихъ нанимателемъ, мировой судья выдаетъ рабочему удостовѣреніе для полученія немедленно новыхъ вида и листа (ст. 57 прил.); 5) по дѣламъ о самовольномъ уходѣ рабочаго, при неизвѣстности его мѣста пребыванія, вве-

дены двѣ особенности относительно вызова отвѣтчика, а именно: повѣстка посылается на мѣсто его приписки полицейскому или волостному начальству и неврученіе ея не приостанавливаетъ разбирательства дѣла въ назначенный срокъ (ст. 157). Наконецъ 6) по дѣламъ о личномъ наймѣ вводятся два новыхъ положенія по заочному производству, а именно—неявка истца во вторичному разбирательству дѣла, назначенному вслѣдствіе отзыва отвѣтчика, не влечетъ за собою прекращенія производства, но если бы новое рѣшеніе, при этихъ условіяхъ, было постановлено противъ истца, то онъ можетъ подать апелляціонную жалобу, хотя бы цѣна иска была менѣе 30 руб. (ст. 155¹). Оба эти положенія находятся въ тѣсной связи: принятіе одного заставляетъ принять и другое; если разъ было признано необходимымъ—что совершенно рачительно—освободить истца отъ вторичной явки, то не менѣе рачительно дать ему средства устранить тѣ невыгоды, которыя могутъ наступить вслѣдствіе его отсутствія на разбирательствѣ. Кромѣ разсмотрѣнныхъ законовъ и другіе вызвали необходимость измѣненія или дополненія правилъ устава, а именно—на основаніи закона 25 мая 1874 г. къ числу лицъ, имѣющихъ право быть повѣренными въ гражданскихъ дѣлахъ, отнесенны частные повѣренныя (ст. 45, 245); законы 17 апрѣля 1874 г., 26 декабря 1873 г., 15 іюня 1887 г. и др. (ст. 269, 462, 756, 840 и др.) внесли нѣкоторыя измѣненія относительно исчисленія и взыскапія гербовыхъ сборовъ; положеніемъ о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ 22 марта 1883 г. къ числу предметовъ, на которые не можетъ быть обращено взысканіе, отнесенны деньги, назначенныя къ выдачѣ въ ссуду и полученныя въ видѣ задатка или доплаты къ ссудѣ (прил. къ ст. 1083); закономъ 19 апрѣля 1871 г. о раскольничьихъ бракахъ измѣнены правила о производствѣ дѣлъ брачныхъ и о законности рожденія у раскольниковъ (ст. 1356¹ 1356). Наконецъ, за истекшій періодъ въ уставѣ образовалась новая, пятая книга, о порядкѣ судопроизводства въ Закавказскомъ краѣ и губерніяхъ варшавскаго судебного округа (22 ноября 1866 г., 19 февраля 1875 г., 28 мая 1880 г., 9 іюля 1889 г.).

Нельзя не упомянуть еще о двухъ законахъ, весьма важныхъ въ дѣлѣ гражданской юстиціи: 25 сентября 1883 г. Высочайше повелѣно пріостановить производство по искамъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ о правѣ собственности на старозаимочныя земли и о возвратѣ уплаченной за эти земли оброчной подати; а 9 іюня 1886 г.—прекратить производство дѣлъ между вотчинниками и вѣчно-чиншевиками о вѣчно-чиншевомъ владѣніи земельными угодьями. Первымъ изъ этихъ законовъ производство дѣлъ пріостановлено впредъ до законодательнаго разрѣшенія вопроса о старозаимочныхъ земляхъ, вторымъ—въ виду изданія Положенія о чиншевикахъ, коимъ регулированы отношенія по чиншевому владѣнію и созданы особые правительственные органы.

II.

Цѣлый рядъ постановленій изданъ съ цѣлью дальнѣйшаго развитія положеній, содержащихся въ уставѣ. Одинъ изъ нихъ, какъ мы замѣтили выше, представляетъ собою дальнѣйшее развитіе мысли, уже выраженной въ законѣ. Такъ, въ основѣ ст. 6, опредѣляющей, что судъ гражданскій приступаетъ къ производству по иску о вознагражденіи за убытки, причиненные преступленіемъ, не прежде, какъ по окончаніи уголовного производства по этому преступленію—лежитъ мысль о необходимости предварительной уголовной процедуры въ тѣхъ случаяхъ, конечно, когда эта процедура возможна юридически, т. е. требуется закономъ, и фактически. И редакторы устава мелькомъ высказываютъ эту мысль по поводу подлога; они говорятъ, что если напръ къ обнаруженію виновнаго нѣтъ никакихъ данныхъ, то въ гражданскомъ судѣ дѣло продолжается и онъ рѣшаетъ вопросъ о подлогѣ (изд. госуд. канц. 275). Да и практика, совершенно основательно, допускаетъ возможность разсмотрѣнія гражданскаго иска въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ по 16 ст. уст. угол. суд., уголовное преслѣдованіе не могло быть возбуждено за смертью подсудимаго, давностью, примиреніемъ и милостивымъ манифестомъ (гражд. кас. сен. 1873 г. № 1608, 1874 г.

№ 119, 1880 г. № 182). Но далѣ этого практика не пошла; она считала невозможнымъ предоставить суду гражданскому разсмотрѣніе иска объ убыткахъ къ тѣхъ случаяхъ, когда начатое уголовное производство пріостановлено напр. вслѣдствіе нерозысканія обвиняемаго (1886 г. № 99) или его сумасшествія. Ограниченія едва ли основательныя. Случаи, указанныя въ ст. 16 уст. угол. суд. и нерозысканіе обвиняемаго и его сумасшествіе могутъ и должны быть различаемы съ точки зрѣнія уголовного процесса, но со стороны гражданской между ними разницы нѣтъ; если по смыслу закона потерпѣвшій долженъ быть вознагражденъ даже въ случаѣ смерти обидчика, давности и т. п., то не можетъ быть противно смыслу закона вознагражденіе его въ случаѣ сумасшествія или нерозысканія виновнаго; и въ томъ и другомъ случаѣ одинаковая фактическая невозможность уголовной процедуры. Закономъ 14 апрѣля 1887 г. ст. 6 восполнена правиломъ, по которому гражданскій судъ можетъ разсмотрѣть искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные преступленіемъ, въ случаяхъ сумасшествія или нерозысканія виновнаго, причемъ сдѣлано, хотя и не совсѣмъ удачно редактированное добавленіе, а именно: въ случаѣ возобновленія уголовного производства вслѣдствіе выздоровленія или розысканія виновнаго, до окончанія дѣла въ гражданскомъ судѣ, производство въ немъ пріостанавливается.

Закономъ 12 февраля 1868 г. постановлено, что лица, находящіяся въ услуженіи у дипломатическихъ агентовъ, подлежатъ вѣдомству нашихъ судовъ на общемъ основаніи. Этого аутентическаго толкованія, вовсе не требовалось; и безъ того законъ ясно говоритъ, что изъяты изъ вѣдѣнія судовъ „послы, посланники и другіе дипломатическіе агенты“, къ числу же ихъ, очевидно, прислуга ихъ причислена быть не можетъ. Все новое, что внесено этимъ закономъ, это то, что лицамъ этимъ повѣстки доставляются чрезъ посредство министерства иностранныхъ дѣлъ (прим. къ ст. 225).

Закономъ 10 апрѣля 1867 г. правила подачи, возвращенія и оставленія безъ движенія апелляціонныхъ жалобъ рас-

пространены на жалобы кассационныя (ст. 801). Конечно, этимъ восполненъ пробѣлъ въ уставѣ, но тоже самое могло бы быть сдѣлано и практикою на основаніи ст. 9. Черезъ годъ, закономъ 1 іюля 1868 г. подобное же правило установлено для мировыхъ сѣздовъ, причемъ принятіе просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній возложено на непремѣннаго члена (ст. 189).

Къ числу такихъ же пояснительныхъ законовъ долженъ быть отнесенъ законъ 21 декабря 1887 г., хотя, онъ, какъ увидимъ, идетъ нѣсколько далѣе одного поясненія. Изъ правилъ устава о третейскомъ судѣ мы, въ другомъ мѣстѣ (Учебн. гражд. суд. стр. 215), сдѣлали выводъ, что судомъ этимъ не могутъ быть разрѣшаемы дѣла о недвижимомъ имуществѣ, ибо такимъ путемъ можетъ быть причиненъ ущербъ третьимъ лицамъ и допущенъ переходъ недвижимаго имущества безъ крѣпостнаго акта. Законъ 21 декабря не допускаетъ разрѣшенія третейскимъ судомъ дѣлъ о недвижимомъ имуществѣ, но лишь если лицо участвующее въ дѣлѣ ограничено во владѣніи или пользованіи этимъ имуществомъ; въ остальныхъ же случаяхъ хотя третейскимъ судомъ и можетъ быть разрѣшено дѣло о недвижимомъ имуществѣ, но, если будетъ усмотрѣно, что рѣшеніемъ устанавливается переходъ права на имущество, то взыскиваются крѣпостныя пошлины. Такъ что благодаря этому закону, нынѣ уже невозможны такіе случаи, которыя происходили прежде благодаря невѣрному толкованію правилъ устава.

Затѣмъ идетъ рядъ законовъ, дополняющихъ частности, детали въ постановленіяхъ устава; закономъ 19 мая 1869 г. дано опредѣленное назначеніе штрафнымъ деньгамъ, взыскиваемымъ со свидѣтелей и свѣдущихъ людей, а именно на содержаніе мѣстъ заключенія (прил. 1 къ ст. 91, прил. ст. 124, 383, 528); двумя законами дополнены правила, касающіяся изложенія и содержанія рѣшенія и резолюціи (ст. 121, 123, 701, 711), а именно—закономъ 26 мая 1887 г., предписано: а) излагать рѣшенія сѣздовъ также, какъ излагаются рѣшенія мировыхъ судей, съ добавленіемъ именъ судей и за-

ключенія прокурора; б) включать въ резолюцію окружныхъ судовъ указаніе, не подлежитъ ли рѣшеніе предварительному исполненію и на кого падаютъ судебныя издержки (ст. 701) и в) въ рѣшенія включать указанія на обстоятельства дѣла, не ранѣе, а послѣ соображеній суда, поскольку рѣшеніе на этихъ обстоятельствахъ основано (ст. 711); законъ 15 января 1874 г. предписываетъ столичнымъ съѣздамъ излагать рѣшенія не позже 7. дней со дня объявленія; закономъ 14 апрѣля 1887 г. на судъ уголовный, по дѣламъ о вознагражденіи за убытки, причиненные преступленіемъ, возлагается обязанность по требованію суда гражданскаго высылать подлинное дѣло (ст. 454); наконецъ, двумя законами, а именно— 5 февраля 1874 г. и 14 декабря 1886 г., опредѣляется вознагражденіе: первымъ—постороннимъ лицамъ, коимъ порученъ переводъ акта,—въ томъ же размѣрѣ, какъ полагается преподавателямъ языковъ (ст. 540); вторымъ—духовнымъ лицамъ, приглашаемымъ для привода къ присягѣ, въ размѣрѣ одного рубля съ cadaго дѣла (ст. 863¹).

III.

Обращаясь къ обзору совершенно новыхъ законоположеній, мы сначала остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя вовсе не имѣлись въ виду при составленіи устава. Вопросъ о *подсудности* подвергся измѣненію въ томъ смыслѣ, что а) сужена подсудность дѣлъ мировымъ судьямъ тѣмъ, что изъ ихъ вѣдѣнія, закономъ 20 октября 1874 г., изъяты споры о привилегіяхъ на открытія и изобрѣтенія (ст. 31 п. 4), вѣроятно по тому соображенію, что разрѣшеніе этихъ споровъ возможно лишь при помощи экспертизы, обращаться къ которой для провинціальныхъ мировыхъ судей чрезвычайно затруднительно; б) закономъ 14 мая 1885 г. восполненъ пробѣлъ въ постановленіяхъ о пререканіяхъ о подсудности, а именно—пререканія между судебными палатами и между судами стараго и новаго устройства разрѣшаются соединеннымъ присутствіемъ перваго и кассационныхъ департаментовъ (ст. 236¹); в) просьбы о разрѣшеніи предъявить искъ объ убыткахъ къ предсѣдателямъ, членамъ и прокурорамъ высшихъ судебныхъ установленій,

на основаніи закона 10 іюля 1877 г. подаются также въ соединенное присутствіе, а не въ кассационный департаментъ, какъ это было прежде (ст. 1331); г) закономъ 8 декабря 1881 г. установлена особая подсудность исковъ о вознагражденіи за убытки, причиненные должностными лицами, служащими по выборамъ; смотря по должности, занимаемой отвѣтчикомъ, иски эти подсудны кассационному департаменту сената, или судебной палатѣ или окружному суду, въ смѣшанномъ съ представителями административнаго вѣдомства составѣ (ст. 1338¹—1331⁶). Нѣкоторымъ измѣненіямъ подверглись и постановленія о *доказательствахъ*. Самымъ важнымъ нововведеніемъ въ этой области надо признать внесеніе въ уставъ правилъ объ обезпеченіи доказательствъ. Закономъ 9 іюня 1889 г. отмѣнены законы о судопроизводствѣ въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, кромѣ ст. 1806—1814, обращенныхъ изъ мѣстныхъ въ общіе законы и включенныхъ въ уставъ гражданскаго судопроизводства; въ числѣ ихъ и находятся правила объ обезпеченіи доказательствъ. На основаніи этихъ правилъ, лица, имѣющія основанія опасаться, что допросъ свидѣтелей, осмотръ на мѣстѣ и истребованіе заключенія свѣдущихъ людей сдѣлаются впослѣдствіи невозможными или весьма затруднительными, могутъ просить судъ о совершеніи этихъ дѣйствій, хотя бы иска ими еще предъявлено не было. По предъявленіи иска дѣйствія эти совершаются тѣмъ судомъ, которому искъ подсуденъ, а въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, судомъ по мѣсту нахождения доказательства, но до предъявленія иска они могутъ быть совершены мировымъ судьей и въ тѣхъ случаяхъ, когда искъ по цѣнѣ подсуденъ окружному суду. Просьба о допущеніи обезпеченія доказательствъ можетъ быть разрѣшена и безъ вызова противной стороны, въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства; вообще же просьба должна быть удовлетворена, хотя бы проситель не въ состояніи былъ назвать своего противника. Опредѣленія суда о допущеніи обезпеченія не подлежатъ обжалованію. Указать во время разбирательства дѣла на неправильности, допущенныя при обезпеченіи доказательствъ, стороны могутъ

лишь въ томъ случаѣ, когда они не были вызваны или не получили повѣстокъ о вызовѣ (ст. 29 п. 6, 82¹—82⁸, 369¹). Законоположенія объ *отдѣльныхъ доказательствахъ* дополнены общимъ постановленіемъ, а именно: вышеупомянутымъ закономъ 9 іюня 1889 г. ст. 1866 устава, по которой лица евангелическаго вѣроисповѣданія, пока они не конфирмованы, допрашиваются въ качествѣ свидѣтелей безъ присяги,—внесена въ ст. 85 и повторена въ ст. 371; кромѣ того, для пяти уѣздовъ Вологодской губ., закономъ 30 марта 1882 г. постановлены слѣдующія особенности: 1) мировымъ судьямъ предписывается признавать жительство на разстояніи болѣе двухсотъ верстъ отъ мѣста допроса уважительною причиною неявки свидѣтеля (ст. 91 пр.) и 2) мировой судья можетъ поручить мѣстному судебному слѣдователю допросъ свидѣтелей и осмотръ на мѣстѣ, причемъ для слѣдователя исполненіе этого порученія обязательно, если эти дѣйствія должны быть произведены на мѣстѣ его постоянного или временнаго пребыванія (ст. 93 пр., 120 пр.). Относительно послѣдняго правила надо замѣтить, что если подобная реквизиція, въ виду разнородности органовъ дающаго и исполняющаго порученіе, въ принципѣ, не можетъ быть одобрена, то оправдывается она какъ исключеніе, вызванное мѣстными особенностями, а именно громадностью мировыхъ участковъ и слѣдовательно затруднительностью исполненія упомянутыхъ дѣйствій самими мировыми судьями. Затѣмъ правила о *частныхъ производствахъ* дополнены закономъ 10 іюня 1877 г. а именно: просьба объ устраненіи такого числа членовъ судебной палаты или мирового съѣзда, что не отведенныхъ судей будетъ недостаточно для рѣшенія вопроса объ устраненіи, разсматривается въ соединенномъ присутствіи перваго и кассационныхъ департаментовъ сената (ст. 678). Существеннымъ, затѣмъ, измѣненіямъ подверглись закономъ 17 января 1878 г. постановленія о *заочномъ производствѣ*. Первоначальныя постановленія по этому предмету давали широкій просторъ злоупотребленіямъ; практика съ ними боролась, изобрѣтала различныя средства для ихъ устраненія, но не только не достигала цѣли, но въ сущности поступала даже противузаконно.

Истецъ, которому могли сильно вредить возраженія отвѣтчика, при предъявленіи иска заявлялъ, что ему мѣсто жительства отвѣтчика неизвѣстно; судъ постановлялъ заочное рѣшеніе, о немъ производилась публикація, срокъ отзыва и апелляціи истекали, рѣшеніе вступало въ силу и затѣмъ, по указаніи истцомъ мѣста жительства отвѣтчика, приводилось въ исполненіе. Законъ 17 января поставилъ себѣ цѣлью устранить случаи подобнаго рода, по крайней мѣрѣ по возможности, такъ какъ совершенно ихъ устранить можно только недопущеніемъ предъявлять иски къ отвѣтчикамъ, мѣсто жительства коихъ неизвѣстно истцу—что, конечно, нежелательно. Цѣль закона могла быть достигнута съ одной стороны путемъ, расширенія права отвѣтчика требовать уничтоженія рѣшенія, а съ другой тѣмъ, чтобы по возможности обереечь его отъ невыгодъ исполненія, быть можетъ, неправильнаго рѣшенія. Законъ 17 января, съ одной стороны: 1) призналъ за отвѣтчикомъ право на подачу отзыва въ теченіе установленнаго срока со времени дѣйствительнаго полученія имъ извѣщенія о состоявшемся рѣшеніи (выписки), а не со времени врученія этого извѣщенія (копіи рѣшенія), какъ было прежде (ст. 728); разница громадная: „врученнымъ“ считалось извѣщеніе со времени передачи его „домашнимъ“, „сосѣдямъ“, полиціи, такъ что въ руки отвѣтчика оно могло попасть уже по истеченіи срока отзыва; а если срокъ считать съ дѣйствительнаго полученія отвѣтчикомъ извѣщенія, то сколько бы времени между „врученіемъ“ и „дѣйствительнымъ“ полученіемъ“ не прошло, пропустить срокъ отзыва отвѣтчикъ не можетъ. Мало того 2) на рѣшенія апелляціоннаго суда, постановленныя въ отсутствіи отвѣтчика, по дѣлу, окончившемуся заочнымъ рѣшеніемъ, конечно, нѣтъ отзыва; чтобы не лишать отвѣтчика, неявившагося въ судебную палату, въ случаѣ обжалованія заочнаго рѣшенія, права требовать уничтоженія этого рѣшенія, законъ 17 января призналъ за нимъ право просить о пересмотрѣ рѣшенія, конечно, если онъ можетъ представить существенныя возраженія и не пропустить срока, который и тутъ исчисляется со времени не врученія, а „дѣйствительнаго“ полученія выписки изъ рѣше-

нія“ (ст. 794. 797 и 805). Что касается возможнаго обезопасенія отвѣтчика отъ невыгодъ исполненія, то законъ 17 января 3) хотя и указываетъ на возможность предварительнаго исполненія рѣшенія (ст. 737) но предоставляетъ свободному усмотрѣнiю суда (сразу, конечно, видящаго: не знаетъ ли истецъ мѣста жительства отвѣтчика или намѣренно его скрываетъ) требовать или не требовать обезпеченія убытковъ, которые могутъ быть причинены отвѣтчику предварительнымъ исполненiемъ (*cautio de restituendo*) (ст. 738); наконецъ 4) если упомянутое рѣшеніе судебной палаты еще не исполнено, то палата, по просьбѣ отвѣтчика, можетъ приостановить исполненіе (ст. 514). Для болѣе полнаго достиженія указанной цѣли, законъ 17 января установилъ въ пользу отвѣтчика исключеніе изъ общаго правила устава, по которому явка одного изъ нѣсколькихъ соотвѣтчиковъ заставляетъ судъ постановить состязательное рѣшеніе по отношенію ко всѣмъ имъ; по закону 17 января, когда при явкѣ однихъ отвѣтчиковъ, не явились отвѣтчики мѣсто жительства коихъ не было указано истцемъ, то по отношенію къ нимъ рѣшеніе будетъ заочнымъ и они могутъ воспользоваться всѣми вышеупомянутыми правами (ст. 724). Постановленія, касающіяся *обжалованія* рѣшеній, въ частности кассациі, измѣнены закономъ 10 іюля 1877 г., имѣвшимъ, между прочимъ, цѣлью ускорить дѣятельность нашего кассационнаго суда. Въ этихъ видахъ всѣ поступающія въ кассационный департаментъ сената жалобы и просьбы предварительно распредѣляются (но отнюдь не обсуждаются—обсужденіе ихъ при закрытыхъ дверяхъ и въ отсутствіи тяжущихся противно основнымъ началамъ нашего процесса) такимъ образомъ: устраняются жалобы, предъявленныя съ нарушеніемъ формальныхъ условій и въ которыхъ нѣтъ никакихъ указаній на поводы кассациі; остальные затѣмъ распредѣляются на дѣла, имѣющія быть разрѣшенными присутствіемъ департаментовъ и дѣла, поступающія въ отдѣленія (ст. 802¹); въ первое поступаютъ дѣла, по которымъ окажется необходимымъ разъяснить смыслъ закона, во вторыя — всѣ остальные дѣла (ст. 802²). Это распредѣленіе, однако, можетъ быть измѣнено: при слушаніи дѣла въ отдѣленіи,

по требованію хотя бы одного сенатора, дѣло должно перейти въ присутствіе департамента (ст. 802³); мотивировать свои опредѣленія сенатъ можетъ, если признаетъ это нужнымъ (804²).—Правила о *судебныхъ издержкахъ* подверглись измѣненію, въ томъ, что закономъ 23 декабря 1886 г. канцелярскія пошлины удвоены: за переписку съ листа и за печать взимается 40 к., а не 20, какъ было раньше; измѣненіе это вызвано соображеніями финансовой политики, но оно не можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія юстиціи, однимъ изъ условій достиженія цѣлей которой является дешевизна судебной процедуры. Въ процессъ *исполненія судебныхъ рѣшеній* внесено нѣсколько весьма рациональныхъ правилъ, а именно: а) закономъ 7 марта 1879 г., ради ускоренія процедуры исполненія, правило устава, по которому взыскатель долженъ былъ сначала просить о выдачѣ исполнительнаго листа, а потомъ, особо, о назначеніи судебного пристава, дополнено тѣмъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе подлежитъ исполненіемъ въ округѣ того суда, которымъ оно постановлено, можно просить одновременно и о томъ и о другомъ (ст. 932), правило же, по которому судебный приставъ *могъ* приступать къ аресту имущества одновременно съ предъявленіемъ должнику повѣстки объ исполненіи, обращено въ правило для него безусловно обязательное: онъ долженъ одновременно съ врученіемъ повѣстки приступить къ аресту (ст. 696); б) законами 23 іюля и 21 декабря 1871 г. и 20 ноября 1874 г. увеличенъ перечень вещей, ни въ какомъ случаѣ неподлежащихъ аресту, а именно: первыми двумя—къ такимъ вещамъ отнесена движимость крестьянъ, признаваемая необходимою въ крестьянскомъ хозяйствѣ (ст. 973 п. 10) и третьимъ—форменная одежда, штатное вооруженіе и строевыя лошади лицъ служилого состава казачьихъ войскъ (ст. 973 п. 8). Если первое изъ этихъ положеній есть лишь проявленіе милости къ крестьянамъ (ибо „орудія производства“ лицъ другихъ сословій подвергаются аресту), то второе вызвано требованіями юридической логики: такъ какъ, по уставу, не подвергаются аресту вещи, необходимыя при отправленіи государ-

ж. гр. и уг. пр. кн. ix 1889 г.

2

ственной службы (п. 7), то это положение должно быть примѣнено и къ упомянутымъ вещамъ лицъ казачьяго войска. в) Закономъ 9 іюля 1889 г. восполненъ пробѣлъ, заключавшійся въ неизвѣстности куда дѣвать крѣпостныя пошлины, внесенныя покупщикомъ имѣнія съ публичнаго торго вмѣстѣ съ задаткомъ, — въ томъ случаѣ, когда недоплаченная сумма въ срокъ не внесена; по ст. 176 задатокъ присоединяется къ вырученной суммѣ, а относительно крѣпостныхъ пошлинъ ничего не было сказано, изъ чего выходило, что онѣ должны были быть возвращены путемъ *condictio causa data, causa non secuta*; упомянутый законъ предписываетъ и ихъ присоединить къ вырученной суммѣ. 7) Закономъ 9 іюля 1889 г., установлено весьма раціональное исключеніе изъ общаго правила устава, по которому (правилу) отъ суда зависѣло при подачѣ жалобы на неправильность при исполненіи рѣшенія, приостанавливать исполненіе, или не приостанавливать; исключеніе сдѣлано закономъ 9 іюля для жалобъ на неправильность производства торго, если въ нихъ заявлено ходатайство о признаніи торго недѣйствительнымъ; при подачѣ такихъ жалобъ, для суда обязательно остановить исполненіе опредѣленія объ укрѣпленіи имѣнія за покупщикомъ (ст. 205).—Въ дополненіе къ правиламъ объ исполненіи рѣшеній, закономъ 7 марта 1879 г. введены двѣ мѣры: отобраніе подписки о невыѣздѣ изъ мѣстожителъства и вызовъ должника на судъ, для дачи объясненій о состояніи его имущества и о возможности удовлетворить взыскателя. Къ первой изъ этихъ мѣръ мы еще вернемся, а пока замѣтимъ, что она можетъ быть принята и до и послѣ постановленія рѣшенія, т. е. является и мѣрою обезпеченія иска и мѣрою взысканія. И въ томъ и другомъ случаѣ ею болѣе обезпечивается исполнимость рѣшенія. Если эта мѣра имѣетъ нѣкоторое практическое значеніе, то далеко не таково значеніе періодическихъ вызововъ. Вызовы эти, которымъ придается такое же юридическое значеніе, какъ и добровольной явкѣ съ заявленіемъ о состояніи имущества, въ сущности только парализуютъ значеніе подписки, ибо стоитъ должнику быть вызваннымъ или самому явиться, и подписка

•

ему возвращается; независимо отъ этого, взыскателю нѣтъ интереса вызывать недобросовѣстнаго должника или требовать его привода по правиламъ уст. угол. суд.—онъ и безъ того можетъ просить судъ о немедленномъ объявленіи должника несостоятельнымъ (ст. 1222¹ — 1222¹⁰, прил. VI къ ст. 1400 пр. ст. 26, 27). Наконецъ, въ правила объ особенныхъ порядкахъ процесса, а именно—о производствѣ дѣлъ *казенныхъ управлений*, внесено одно измѣненіе, имѣющее принципиальное значеніе: въ случаѣ отсужденія имѣнія, принадлежащаго вѣдомству императорскаго двора, рѣшеніе суда представляется на Высочайшее благоусмотрѣніе, а Высочайшее повелѣніе послѣдовавшее на рѣшеніе суда, предлагается министромъ юстиціи непосредственно суду его постановившему (пр. къ ст. 1299).

IV.

Не мало внесено въ разсматриваемый періодъ и такихъ новыхъ положеній, которыя имѣлись въ виду при составленіи устава, но намѣренно не были внесены въ него. По вопросу о *подсудности* дѣлъ казенныхъ учреждений, въ уставѣ, въ первоначальномъ его видѣ, не допускалось никакихъ изъятій изъ того правила, что споры о правѣ между частными лицами и казною безусловно изъяты изъ вѣдѣнія мировыхъ судовъ. Закономъ 12 декабря 1872 г., введено, по соображенію удобствъ, одно изъятіе, а именно: иски о вознагражденіи за потраву и другія поврежденія въ казенныхъ имѣніяхъ, цѣною не свыше 500 р., подсудны мировымъ судамъ (ст. 31 п. 2). Относительно *показаній свидетелей* составители устава приняли то начало, что общественное положеніе свидетеля не даетъ ему никакихъ преимуществъ, закономъ же 29 мая 1869 г. установлено правило, по которому лица, занимающія высшія государственныя должности, могутъ быть, по ихъ просьбѣ, допрашиваемы на дому (ст. 89, п. 4 ст. 386). Въ правила *сокращеннаго производства* закономъ 31 мая 1871 г. внесено одно изъятіе изъ того общаго положенія устава, что дѣла казенныхъ управлений не могутъ быть разсматриваемы этимъ порядкомъ

2*

а именно: дѣла государственнаго банка по векселямъ могутъ производиться сокращеннымъ порядкомъ; это изъятіе вполне справедливо именно по искамъ о векселяхъ; при разсмотрѣніи ихъ примѣненіе правилъ общаго порядка, даже въ случаѣ ихъ предъявленія казеннымъ управленіемъ, совершенно излишне (ст. 1289 пр.).—Закономъ 1 іюля 1868 г., введенъ *кассационный залогъ* въ размѣрѣ 10 руб. при подачѣ жалобъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ и 100 р.—при подачѣ жалобъ на рѣшенія палатъ; при основательности жалобъ залогъ возвращается, а при неосновательности поступаетъ въ казну (ст. 190, 800). Редакторы устава принципиально высказались противъ всякихъ штрафовъ за неправыя жалобы и противъ залога неправой жалобы въ частности, какъ мѣръ безусловно вредныхъ и несправедливыхъ. Введеніе залога закономъ 1 іюля было вызвано большимъ накопленіемъ кассационныхъ жалобъ; мотивъ, далеко недостаточный для оправданія такой несправедливой мѣры. Затѣмъ, правила объ обезпеченіи иска закономъ 7 марта 1870 г. были дополнены, какъ сказано выше, положеніями о подпискахъ о невыѣздѣ изъ мѣстожительства, а именно: въ тѣхъ случаяхъ, когда искъ не былъ вовсе или вполне обезпеченъ, истецъ можетъ просить объ отобраніи отъ отвѣтчика подписки о невыѣздѣ (ст. 652); что конечно до нѣкоторой степени обезпечивааетъ исполнимость рѣшенія. Редакторы устава намѣренно не внесли въ него никакихъ правилъ объ этихъ подпискахъ, признавая эту мѣру не только бесполезною для истца, но и слишкомъ стѣснительною для отвѣтчика. Наконецъ, закономъ 10 мая 1871 г. производство въ мировыхъ судахъ обложено какъ *судебною пошлиною*, такъ и *сборами съ бумагъ*, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ чѣмъ производство въ окружныхъ судахъ и съ двумя льготами: 1) уплаченные сборы возвращаются при примиреніи и по заявленію сторонъ объ оставленіи прошенія, отзыва или жалобы безъ послѣдствій и 2) отъ сборовъ этихъ освобождаются лица неимущія, безъ формальнаго удостовѣренія ихъ бѣдности (ст. 200¹—200¹⁰). Составители устава приняли, наоборотъ, правило о безмездности мировой юстиціи, признавъ, что сборы

и пошлины эти, давая ничтожную выгоду казнѣ, напрасно затрудняли бы тяжущихся въ обращеніи къ судебному разбирательству.

V.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о законахъ, отмѣнившихъ два весьма важныхъ института: закономъ 7 марта 1879 г. отмѣнено *личное задержаніе за долги* и 21 декабря 1887 г. — *третейское право мировыхъ судей*. Не повторяя здѣсь общеизвѣстныхъ доводовъ противъ личнаго задержанія, замѣтимъ, что отмѣну его, какъ общей мѣры, нельзя не признать крупнымъ событіемъ; оставлено оно лишь въ области конкурснаго процесса и примѣняется къ неосторожнымъ несостоятельнымъ должникамъ (пр. къ ст. 1223 — 1266). Что касается третейскаго права мировыхъ судей, то объ отмѣнѣ его, наоборотъ, нельзя не пожалѣть. Нѣтъ сомнѣнія, что въ практикѣ мировыхъ судей бывали случаи злоупотребленія этимъ правомъ, какъ самими судьями, такъ и сторонами, но случаи эти были единичные. Хотя, строго говоря, эта отмѣна 30 ст. не имѣетъ столь рѣшительнаго значенія, какъ это кажется съ перваго взгляда, ибо законъ 21 декабря предписываетъ „разяснить, что отмѣною 30 ст. мировой судья не лишается права быть посредникомъ въ разрѣшеніи гражданскихъ споровъ по общимъ правиламъ, установленнымъ для третейскаго суда“. Проще было бы, оставивъ ст. 30, упомянуть объ обязательности для мировыхъ судей правилъ третейскаго суда. Благодаря же отмѣнѣ ея, осложнилась формальная сторона: третейское разбирательство у мировыхъ судей уже не можетъ начинаться подачею сторонами прошенія, а должна быть совершена третейская запись, которую, конечно, самъ мировой судья, избранный въ посредники, не можетъ засвидѣтельствовать; стороны должны обратиться съ этимъ къ нотариусу или другому мировому судѣѣ.

Вотъ какимъ измѣненіямъ подвергся нашъ уставъ гражданского судопроизводства за истекшую четверть столѣтія. Если

нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій и не удовлетворяють требова-
нiямъ науки и практики, то въ общемъ они таковы, что духъ
безсмертнаго акта 20 ноября ими не могъ быть извращенъ—
онъ сохранился въ полномъ своемъ величii....

А. Гольмстенъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1890 году.

(Годъ двадцать второй).

Согласно съ утвержденною программой, ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ помѣщаетъ на своихъ страницахъ изслѣдованія по вопросамъ, относящимся къ разнымъ частямъ права, критику и библиографію замѣчательнѣйшихъ юридическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, разные извѣстія, замѣтки и корреспонденціи и проч.—Кругъ предметовъ правовѣдѣнія журналъ понимаетъ въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ этотъ послѣдній установленъ на юридическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ.

Журналъ издается подъ редакціей *С. А. Муромцева* и *В. М. Пржевальскаго*, при ближайшемъ участіи въ редакціи *Н. А. Каблукова*.

Цѣна ВОСЕМЬ руб. съ пересылкою и доставкою, безъ доставки СЕМЬ руб.
ПОДПСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ *Москвѣ*: въ главной конторѣ журнала, Петровскія торговныя линіи, контора *Н. Н. Печковской*, и въ книжномъ магазинѣ: *И. П. Анисимова*, на Никольской улицѣ.

Въ *С.-Петербурѣ*: въ книжномъ магазинѣ *И. П. Анисимова*, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Въ *Одессѣ*: у *В. В. Скидана*, Греческая улица, д. № 9, кв. № 8.

Редакція журнала помѣщается въ Скатертномъ переулкѣ, въ д. № 22.

За перемѣну адреса гг. подписчики благоволятъ присылать деньгами или марками *сорокъ* коп.

Экземпляры журнала за 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 годы высылаются по 8 руб.; отдѣльныя книжки по 1 руб. Лица, выписывающія журналъ сразу за три года и болѣе, благоволятъ высылать по расчету *шести* руб. за годъ.

СОДЕРЖАНІЕ СЕНТЯБРЬСКОЙ КНИГИ.

I. Убійца умалишенный. Энрико Ферри. II. Статистическій обзоръ распространенія главнѣйшихъ отраслей обрабатывающей промышленности въ Россіи. Н. А. Карышева. III. Народное образованіе въ Сибири. П. Соловаго. IV. Комитетъ министровъ въ началѣ царствованія Александра I. В. Н. Латкина. V. Уголовное преслѣдованіе на основаніи рѣшенія гражданскаго суда. В. Волжина. VI. Снабженіе хлѣбомъ города Москвы. В. Н. Григорьева. VII. О нравахъ русскаго общества въ прошломъ вѣкѣ. В. А. Гольцева. VIII. Библиографія. IX. Разныя извѣстія и замѣтки.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“

Съ 1-го Января 1890 года будетъ издаваться, подъ редакціей ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета Н. Д. Сергѣевскаго и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ Н. О. Дерюжинскаго, А. А. Исаева и Н. М. Коркунова, ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“. Задачею журнала поставляется, во-первыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; во-вторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ будетъ заключать въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ права и государствовѣдѣнія;

II. Хроники: законодательную, судебную и научную;

III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждая шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписная цѣна 5 РУБЛЕЙ въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Анисимова, Большая Садовая, № 12; Цинзерлинга, Невскій проспектъ, № 46; Мартынова, Большая Морская, № 30.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ“, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 26.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“ НА 1890 ГОДЪ.

„Судебная Газета“, будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ, какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, при чемъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права—матеріальнаго и процессуальнаго—будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ. Памятуя ближайшія задачи спеціальнаго органа, газета наша будетъ охотно отводить у себя мѣсто разнымъ юридическимъ замѣткамъ и вопросамъ, имѣющимъ цѣлю выясненіе темныхъ сторонъ права, чѣмъ значительно облегчится положеніе провинціальныхъ практиковъ, которые, какъ можно судить изъ поступающихъ къ намъ заявленій, особенно часто нуждаются въ совѣтѣ и общій мысли.

(Просимъ обратить особенное вниманіе на слѣдующее).

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ департаментамъ правительствующаго сената и общаго собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными, то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты“.

Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ кассационныхъ и другихъ департаментовъ сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 въ годъ.

Подписчикамъ въ разсрочку и на сроки справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

Желающіе получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

Юридическая консултация: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи“ или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

Цѣна: на годъ 7 руб.; на 6 мѣсяцевъ 4 руб. 50 коп.; на 3 мѣсяца 3 руб. и на 1 мѣсяць 1 руб. За границу 10 руб. въ годъ.

Подписка принимается только съ 1-го числа cadaго мѣсяца.

За границу подписка въ разсрочку не принимается.

Разсрочка въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 рубля и остальные 3 рубля не позже 20-го іюня.

При просрочкѣ втораго взноса высылка газеты съ 1-го іюля прекращается.

Для пользованія разсрочкою необходимо при присылкѣ перваго взноса заявить о своемъ желаніи пользоваться разсрочкою; одна же простая присылка 4 рублей или присылка ихъ по объясненіемъ, что они высылаются за первую половину года, повлечетъ за собою зачисленіе такого подписчика въ разрядъ четырехмѣсячныхъ.

Иногородные адресуются *исключительно* въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Моховая улица, № 38; городскіе—въ отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ юридической литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій проспектъ, д. № 57.

За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

Редакторъ-надатель Ф. В. Де-Векъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1890 г.

НА

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки.	12 р. — к.
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи.	13 „ 50 „
Съ доставкой въ Петербургъ	12 „ 50 „
На полгода	7 „ 50 „
„ четверть года	4 „ — „
За границу	15 „ — „

Разрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ. при подпискѣ—5 р. 50 к., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля и 1-му октября по 2 рубля.

Учащимся, духовенству, сельскимъ учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. со скидкой 2 р. съ годовой цѣны и съ разсрочкою; при подпискѣ—4 р. 50 к., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля и къ 1-му октября 2 рубля.

Цѣна 12 книгъ 1888—10 руб., 1887 г.—8 руб., 1886—8 руб. и 1885—5 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ С.-Петербургѣ: Въ Главной Конторѣ журнала, Большая Конюшенная, № 8.—Книгопродавцамъ уступка 50 к. съ годовой цѣны экземпляра.

Изгороднихъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редація отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2—4 часовъ.

Издательница-Редакторъ А. М. Евреинова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„РОДНИКЪ“

изданія 1890 г. (IX годъ).

Въ наступающемъ 1890 году „РОДНИКЪ“ будетъ издаваться въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 8 лѣтъ.

Содержаніе „РОДНИКА“ составляютъ: I) Стихотворенія, повѣсти, рассказы и сказки (преимущественно народныя). II. Біографіи замѣчательныхъ людей, главнымъ образомъ „людей труда и сильной воли“. III. Историческіе очерки. IV. Статьи научнаго содержанія, по различнымъ областямъ знанія. V. Очерки изъ современной жизни. VI. Смѣсь (мелкія статьи). VII. Дѣло и отдыхъ (игры, занятія загадки и проч.).

„РОДНИКЪ“ выходитъ ежемѣсячно (въ первыхъ числахъ cadaго мѣсяца) книжками большаго формата, не менѣе 7 печатныхъ листовъ каждая, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками. Годовое изданіе „РОДНИКА“ составляетъ 2 большихъ тома, около 700 страницъ каждый со 100—120 рисунками.

„РОДНИКЪ“ рекомендованъ и одобренъ учеными и учебнымъ Комитетами Минист. Народн. Просв., Святѣйшаго Синода и Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Удостоенъ малой золотой медали на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ, въ 1888 году.

Вмѣстѣ съ „РОДНИКОМЪ“ можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ „ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА „РОДНИКЪ“ 1890 г. прежнія:

На годъ съ доставкой и пересылкой за 12 книгъ „Родника“	. 5 руб.
Тоже съ прилож. 12 №№ листка „Воспитаніе и Обученіе“	. 6 —
За границу	8 —
Отдѣльно листокъ „Воспитаніе и Обученіе“	2 —

Адресъ редакціи: *С.-Петербургъ. Кирочная ул., д. 25.*

Редакторъ-издательница **Е. Сысоева.**

Редакторъ **Алексѣй Альмедингенъ.**

БИБЛИОГРАФЪ

1890.

В Ъ С Т Н И К Ъ

Годъ VI.

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА.

ЖУРНАЛЪ БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ, КРИТИЧЕСКІЙ И ИСТОРИЧЕСКІЙ.

Выходитъ ежемѣсячно.

Учебнымъ Комитет. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЪ для основныя библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. — Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ. — По распоряженію Военно-Учебнаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библиографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная библиографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) *Rossica*; 4) правительственные распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

И. О. Аяневскій, А. И. Барбашевъ, Я. О. Березинъ-Ширяевъ проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, П. В. Владиміровъ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. О. Кобеко, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. Н. Межовъ, проф. А. Е. Молчановъ, С. О. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташникъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулянь, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р.

отдѣльно номеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; $\frac{3}{4}$ стран.—6 руб. 50 к.; $\frac{1}{2}$ стран.—4 р. 50 к.; $\frac{1}{4}$ стран.—2 р. 50 к.; $\frac{1}{8}$ стран.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются бесплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гд. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Обуховскій просп., д. 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полныя комплекты „БИБЛИОГРАФА“ за 1885, 1886 и 1887 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1 и 2. Ц. по 60 коп. 2) Библиографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меодіи. Ц. 40 коп. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библиографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библиографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

Съ 1 ноября 1889 г. будетъ выходить безъ предварительной цензуры

НОВЫЙ ЖУРНАЛЬ:

В О П Р О С Ы Ф И Л О С О Ф И И И П С И Х О Л О Г И И ,

ПРИ УЧАСТІИ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціей профессора *Н. Я. Грота*.

ИЗДАНИЕ **А. А. АВРИКОСОВА**.

Программа журнала: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика, и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, — опытная и фізіологическая психологія, психопатологія; 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ; 3) общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія; 4) философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія; 5) переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ журналѣ, между прочимъ, предполагаютъ принять участіе слѣдующія лица, 1) изъ числа специалистовъ по философіи: проф. *А. А. Козловъ*, проф. *М. М. Троицкій*, проф. *М. И. Владиславлевъ*, проф. *Г. Е. Струве*, проф. *М. И. Каринскій*: проф. *Н. Я. Гротъ*, *Л. М. Лопатинъ*, *Влад. С. Соловьевъ*, кн. *С. Н. Трубецкой*, *П. Е. Астафьевъ*, *Иеромонахъ Антоній*, *А. И. Введенскій*, *А. Н. Гиляровъ*, *А. П. Казанскій*, *Н. Н. Ламе*, *В. В. Лесевичъ*, *В. П. Преображенскій*, *Э. Л. Рабловъ*, кн. *Д. Н. Цертелевъ*, *Е. И. Челпановъ*, *В. Ф. Лютославскій* (магистръ дерптск. унив.), *Ө. О. Масарикъ* (проф. Пражскаго унив.) и др. лица; 2) слѣдующіе члены психологическаго общества: графъ *Л. Н. Толстой*, *Н. П. Аксаковъ*, проф. *Д. Н. Анучинъ*, проф. *А. П. Бодановъ*, проф. *Н. В. Бунаевъ*, проф. *А. Н. Веселовскій*, проф. *П. Г. Виноградовъ*, *О. П. Герасимовъ*, *В. А. Гольцевъ*, *В. А. Гриньмутъ*, *Д. А. Дриль*, проф. *Н. А. Зѣтревъ*, *Н. А. Иванцовъ*, проф. *Н. И. Карневъ*, проф. *А. Я. Кожеевниковъ*, *М. С. Корелинъ*, д—ръ *С. С. Корсаковъ*, *В. М. Михайловскій*, д—ръ *И. Ф. Онеговъ*, *Л. Е. Оболенскій*, д—ръ *А. А. Токарскій*, *Н. Н. Страховъ*, проф. *Ө. П. Шереметевскій*, *Н. И. Шичкинъ*, *В. И. Штейнъ*; 3) проф. *В. И. Данилевскій*, проф. *П. И. Ковалевскій*, проф. *Д. Н. Овсяннико-Куликовскій*.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ 6 р., и 6 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ психологическаго общества, для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и воспитанниковъ духовныхъ семинарій—4 р., съ дост. и перес. 4 р. 50 к. Подписка принимается съ 1 сентября нынѣшняго года въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярева, кв. Николая Яв. Грота), въ редакціяхъ: журнала „Русская Мысль“ и „Газеты А. Гатцука“, и въ маразинахъ „Новаго Времени“, (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ; *Н. П. Карбасникова* въ Москвѣ, Петербургѣ и Варшавѣ, и *Н. Я. Оглобина* въ Кіевѣ.

О Б Ъ И З Д А Н І И

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1890 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университета ссловія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются. 1) Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта. 2) Новыя постановленія и распоряженія по Университету. 3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей. 4) Обзорнія преподаванія по полугодіямъ. 5) Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся. 6) Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студентскій ея отдѣлъ. 7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета. 8) Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета. 9) Годичные отчеты по университету. 10) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями. 11) Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации. 12) Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ. 13) Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей. 14) Ученые труды преподавателей и учащихся. 15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1890 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп., а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода *приложеній* (большихъ сочиненій) о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики ИЗВѢСТІЙ, при выпискѣ *приложеній*, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцелярію правленія университета.

Студенты университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ 3 руб. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб. продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комисіонеру университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4. и въ Кіевъ, на Крещатику, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Главный редакторъ В. ИКОННИКОВЪ.

Въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, «Новаго Времени»
и друг. продаются:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

**положеній и извлеченій изъ гражданскихъ кассационныхъ
рѣшеній.**

Т. I, по гражданскому праву съ 1866 года по 1876 г. Цѣна 2 р. Т. II, по гражданскому судопроизводству съ 1866 года по 1876 г. Цѣна 2 р. Т. III, по гражданскому праву и судопроизводству съ 1876 г. по 1879 г. Цѣна 1 р. Т. IV, по гражданскому праву и судопроизводству за 1879 г. Цѣна 75 к. Т. V, по гражданскому праву и судопроизводству за 1880 г. Цѣна 75 к. Т. VI, по гражданскому праву и судопроизводству за 1881 и 1882 годы. Цѣна 1 руб. Желающіе пріобрѣсти отъ составителя полный экземпляръ систематическаго сборника платятъ за всѣ томы 3 руб. 50 коп.

Составилъ Г. Вербловскій
(Членъ Воронежскаго Окружнаго Суда).

СБОРНИКЪ ЗАКОНОВЪ СЪ РАЗЪЯСНЕНІЯМИ.

Цѣна 1 рубль.

Законы о личномъ задержаніи; объ-измѣненіи постановленій объ узаконенномъ ростѣ; о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами; объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, переходящихъ по крѣпостнымъ актамъ; о порядкѣ ликвидаціи дѣлъ кредитныхъ установленій. Составилъ Г. Вербловскій.

ОБЩЕЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ АВСТРІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

перевелъ Г. Вербловскій (изданіе редакціонной комисіи по составленію гражданского уложенія) цѣна 2 руб. 50 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ

О СОВѢТѢ ПО ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНЫМЪ ДѢЛАМЪ И ОБЩІЙ УСТАВЪ РОССІЙСКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

Цѣна 1 рубль.

Книгопродавцамъ уступка 20%.

1) Правила о порядкѣ производства взысканій съ неисправныхъ заемщиковъ государственнаго дворянскаго земельного банка. Х. 1889 года цѣна 15 коп.

2) *Гусевъ Ан.* Сводъ основныхъ государственныхъ законовъ съ разъясненіями. Х. 1890 года цѣна 1 руб.

3) *Гусевъ.* Уставъ о гербовомъ сборѣ. Х. 1890 года цѣна 1 руб. 50 коп.

4) *Трифоновъ А. В.* Сборникъ законоположеній и правительственныхъ распоряженій, касающихся обязанностей полиціи столичной, городской и уѣздной, съ разъясненіями по циркулярамъ подлежащихъ министерствъ и объясненіями по рѣшеніямъ правительствующаго сената. Спб. 1890 года цѣна 4 руб. 75 коп.

5) *Кони А. Ѳ.* Судебныя рѣчи 1868—1888 г. изд. 2-е 1890 года цѣна 3 руб. 50 коп.

6) Конспектъ римскаго гражданскаго права къ программѣ юридической комиссіи. К. 1889 года цѣна 1 руб. 25 коп.

7) *Таланцевъ Н. С.* Уставъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями изд. 6. Спб. 1889 года цѣна 2 руб.

8) *Анисимовъ А.* (с.-петербургскій нотаріусъ). Положеніе о нотаріальной части. Спб. 1889 года цѣна 1 р. 50 к.

9) *Карбеговъ А.* Реформа судебныхъ уставовъ въ связи съ современнымъ состояніемъ правосудія. Спб. 1889 года 1 руб. 75 коп.

10) *Брандтъ Б.* Налогъ на освобожденныхъ отъ воинской повинности въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи. К. 1889 года цѣна 2 руб.

11) *Соповъ А.* Ипотека по римскому праву и по новѣйшимъ законодательствамъ. В. 1889 года цѣна 85 коп.

1880. — ОТКРЫТА ПОДПСКА — 1880.

на

БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ, ВЫХОДЯЩУЮ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

8 руб.
Съ доставкою
на Петербургъ.

М И Н У Т А

9 руб.
Съ пересылкою
по Россіи.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕСЯТЫЙ).

Въ 1890 году газета „Минута“ будетъ выходить ежедневно, при увеличенномъ составѣ редакціи.

Вступая въ *десятый* годъ своего существованія газета „Минута“, благодаря сочувствію постепенно возрастающаго круга своихъ читателей, нашла возможнымъ въ наступающемъ 1889 году, не измѣняя своего направленія, значительно расширить нѣкоторые отдѣлы, касающіеся преимущественно общественной и государственной жизни Россіи Удѣляя мѣсто серьезному и безпристрастному обсужденію вопросовъ дня и матеріалу для легкаго и занимательнаго чтенія, газета дастъ, въ тоже время, своимъ читателямъ массу всевозможныхъ извѣстей, относящихся, какъ къ провинціальной, такъ и городской общественной и заграничной жизни, по самымъ лучшимъ источникамъ, имѣя на этотъ предметъ увеличенный персоналъ постоянныхъ собственныхъ корреспондентовъ, какъ по всей Россіи, такъ и заграницею.

Независимо отъ своевременнаго сообщенія текущихъ новостей, на столбцахъ „Минуты“ будутъ помѣщены интересныя беллетристическія произведенія какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ авторовъ.

Въ портфель редакціи для будущаго года имѣется нѣсколько оригинальныхъ романовъ изъ современной жизни, захватывающихъ событія послѣднихъ дней.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

Въ С.-Петербургѣ (съ доставкою): На годъ 8 руб. — На 6 мѣсяцевъ 4 руб. 75 коп. — Безъ доставки 6 руб. 50 коп. Съ пересылкою по Россіи: На годъ 9 руб. — На 6 мѣсяцевъ 5 руб. — За границу: На годъ 17 руб. — На 6 мѣсяцевъ 9 руб.

Городскіе подписчики, живущіе за чертою города, согласно новому распоряженію почтамта, вносятъ подписную цѣну, какъ иногородные.

Допускается разсрочка по одному рублю въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы уплата вносилась за мѣсяць *опередъ* и не позднѣе 25 числа истекающаго мѣсяца.

Годовые подписчики „Минуты“ могут получить на выборъ за одинъ рубль одну изъ слѣдующихъ художественныхъ большихъ олеографическихъ картинъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ съ лакировкой и рельефомъ (съ пересылкою)

- 1) Проводы новобранца на службу съ картины *Ртмина*.
- 2) Смерть Ивана Сусанина *Н. Оболенскаго*
- 3) Крещеніе Кіевлянъ при князѣ Владимірѣ *В. Думитрашко*.
- 4) Иоаннъ III разрываетъ ханскую грамоту *Верещанина*.

Не желающіе получить олеографическія картины, могутъ получить за ту же цѣну (съ пересылкою)

РОСКОШНО ИЗДАННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ.

«СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ»

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ сорока картинъ этого альбома есть копія съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр.: *Ртмина, Неврева, Шварца, Маковского, Вениа, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наумова, Савицкаго, Верещанина, Сыдова, Творожникова* и друг. Картины альбома отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ изящную обертку. При требованіи свыше одного экземпляра картинъ или альбома, уплачивается по два руб. за каждый экземпляръ (съ пересылкою).

За редактора-издатель *С. ДОБРОДѢЕВЪ*.

Адресъ главной конторы: Спб., Невскій пр. у Анич. моста д, № 68—40.

1812. — ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ. — 1890.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
(выходящая безъ предварительной цензуры)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Съ еженедѣльными иллюстраціями и книжками „РОМАНЫ и ПОВѢСТИ“
(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ).

Газета съ переходомъ къ НЫНѢШНЕМУ ИЗДАТЕЛЮ и при НОВОМЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦІИ совершенно реформирована, дополнена и увеличена въ форматѣ до РАЗМѢРА БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ.

По своей обширной программѣ, всесторонней обработкѣ современныхъ вопросовъ, возникающихъ въ области политики, науки, искусства, внутренней и заграничной жизни, а также современному сообщенію всѣхъ выдающихся новостей вполне замѣняетъ собою

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ И ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

КРОМѢ ЕЖЕДНЕВНЫХЪ НУМЕРОВЪ, ГОДОВОЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ:

- 1) по воскресеньямъ особое иллюстрированное приложение, въ видѣ еженедеднаго **ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА** гдѣ помѣщаются: историческіе и современные романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія (оригинальные и переводные). Болѣе 300 рисунковъ, каррикатуры, шахматныя и шашечныя задачи, и проч.
- 2) „**ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА**“, состоящая изъ двѣнадцати вполне законченныхъ РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ. Каждая книжка содержитъ отъ 160 до 200 стран.
- 3) „**МОДЫ и РУКОДѢЛЬЯ**“ (двѣнадцать номеровъ), приспособлен. къ домашнему производству и замѣняющія дорогой дамскій модный журналъ.
- 4) „**ОТЪВННОЙ КАЛЕНДАРЬ**“, отпечатанный въ три краски.

Гг. ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, выславшіе сполна подписную сумму имѣютъ право получить ОДНО изъ ДВУХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ:

Большая гравюра-fac-simile съ знаменитой картины *Гюстава Дорэ*:

„ШЕСТВІЕ ИСУСА ХРИСТА НА ГОЛГОУ“

Размѣръ этой гравюры 4,648 □ сантим. Оттиски этой картины, снятые съ мѣдной доски, въ эстампныхъ магазинахъ продаются по 50 рублей за экземп.

Тѣ изъ гг. подписчиковъ, которые не пожелаютъ имѣть эту гравюру, могутъ вза-мѣнъ ея получить альбомъ, содержащій:

СТО КАРТИНЪ „ЖАНРЪ И НЕЙЗАЖЪ“

Художественная галлерей знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ мастеровъ. Большой альбомъ (форматъ 954 □ сантиметра), отпечатанный на веленовой бумагѣ.

Подписная цѣна ежедневной газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ съ еженедедными иллюстриров. приложениями и книгами „РОМАНЫ и ПОВѢСТИ“ (везъ гравюры „Шествіе Иисуса Христа на Голгоу“ и „Альбома“).

Съ доставкою въ Петербургъ: на годъ—7 руб. На 6 мѣсяцевъ.—4 руб.

Съ пересылкою въ провинцію: на годъ—8 руб. На 6 мѣсяцевъ—4 руб.

Гг. годовые подписчики, желающіе получить на выборъ ОДНО изъ ДВУХЪ предлагаемыхъ на 1890 г. художественныхъ приложениі, высылаютъ на пересылку избраннаго ими художественнаго приложениі, па разстояніи до 3,000 верстъ отъ С.-Петербурга—одинъ рубль, а сверхъ 3,000 верстъ отъ С.-Петербурга 1 р. 50 к. Желающіе имѣть и второе художественное приложениі, доплачиваютъ по два рубля за каждый экземпляръ.

Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ Главную Контору.

Адресъ Главной Конторы: *Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.*

Подробное объявленіе съ образцами художественныхъ приложениі, высылается по требованію бесплатно.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ
55-й

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ
55-й

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

ПЯТЬДЕСЯТЬ ДВА НОМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, отъ 2¹/₂—
3 листовъ большаго формата, на веленовой бумагѣ, съ 7—10 рисунокъ.
альбомнаго размѣра.

КРОМЪ ТОГО ГГ. ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕМЬ ПРИЛОЖЕНІЙ:

I. Двѣнадцать книгъ „Романовъ, повѣстей и разсказовъ“ (нѣкоторыя съ иллюстраціями), выходящихъ ежемѣсячно, отъ 10 до 12 листовъ въ 8-ю долю.

II. Двадцать четыре нумера „Новѣйшихъ парижскихъ модъ“, выходящихъ два раза въ мѣсяцъ, въ видѣ спеціального моднаго журнала.

III. Двадцать четыре листа образцовъ разныхъ изящныхъ дамскихъ и художественныхъ работъ: Выеройки въ натуральную величину. Рисунки для разнаго рода вышивокъ: суташью, шерстями, шелкомъ, инициалы, шифры, вензеля, полиграммы, монограммы, образцы для выпилочочныхъ работъ и проч.

IV. Десять гравюръ съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныхъ на эстампной роскошной бумагѣ.

V. Большой стѣнной и справочный календаръ съ роскошнымъ орнаментомъ, отпечатанный золотомъ и въ нѣсколько красокъ.

НОВЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Четыре акварельныя картины съ оригинальн. извѣстн. художн., отпечат. въ 18 — 20 красокъ: а) „Гаданіе боярышень“. Художн. *С. Верещина*. б) „Тройка“. Академ. *П. Н. Грузинскаго*. в) „Хуторъ въ Малороссіи“. Художн. *Н. Н. Каразина*. г) „На морѣ“. Художн. *С. Лучшева*.

II. Двѣнадцать новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ для пѣнія и фортепіано (романсы, танцы и салонныя пьесы).

ГЛАВНАЯ ПРЕМИЯ СОСТОИТЪ ИЗЪ ТРЕХЪ КАРТИНЪ (НЕРАЗДѢЛЬНО).

ЭТА ПРЕМИЯ ВЫДАЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО ПРИ ПОДПИСКѢ.

ПЕРВАЯ—картина, олеотипія въ 26 тоновъ, съ новой эффектной картины знаменитаго пейзажиста профессора А. Ритера (автора картинъ „Босфоръ“ и „Предъ Константинополемъ“). Размѣръ картины 3,550 □ сантиметровъ.

„СТРАНА ЧУДЕСЪ“

ВТОРАЯ карт. (больш. акварель) „На берегу озера“ (лѣтн. пейзажъ), художн. Н. Н. Каразина. ТРЕТЬЯ картина (большая акварель) „Перепутье“ (зимній пейзажъ), художн. В. Боданова.

ТѢ ИЗЪ Гг. ПОДПИСЧИКОВЪ, которые не пожелаютъ имѣть *главную премию*, состоящую изъ *трехъ картинъ*, могутъ *взять* ее получить любое изъ *двухъ* художественныхъ приложений, предназначенныхъ къ другому нашему изданію:

„ШЕСТВІЕ ІИСУСА ХРИСТА НА ГОЛГООУ“

Большая гравюра-fac-simile съ знаменитой картины Г. Дорэ (Разм. 4,648 □ сантиметр.). Оттиски этой картины, снятые съ мѣдной доски, продаются по 50 руб. за экзempl.

СТО КАРТИНЪ „ЖАНРЪ И НЕЙЗАЖЪ“.

Больш. альбомъ (форм. 954 □ сант.), отпеч. на веленовой бумагѣ, съ художественнымъ заглавнымъ листомъ.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА (безъ преміи):

Въ С.-Петербургѣ (безъ доставки). 6 р. 60 к. Съ пересылкою и доставкой 8 р. Въ Москвѣ (безъ доставки) 7 р.—За границу безъ преміи 14 р. ГОДОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА на слоновой бумагѣ съ пересылкою безъ сгиба 15 р.

За пересылку одной выбранной преміи гг. годовые подписчики съ доставкой, на разст. до 3,000 верстъ отъ Спб. высылаютъ *одинъ р.*, а сверхъ 3,000 верстъ отъ Спб. *одинъ р. 50 к.* Желающіе получить остальные *два* предлагаемыхъ изданія на выборъ (сверхъ первой выбранной *главной преміи*), высылаютъ за каждый экзempl. съ перес. по *два р.*

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ (безъ доставки), желая получить *одну премию* изъ предложенныхъ на выборъ, доплачиваютъ 75 к., а остальные (сверхъ выбранной) по *одному р. 50 к.* за каждое. Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ Главную Контору. Адресъ Главной Конторы: Спб. Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40. Подробное объявленіе съ образцами премій высылается по требованію бесплатно.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ К. Л. РИККЕРА

Невскій пр. 14 въ С.-Петербургѣ вышло:

ГЕРМАНСКОЕ ТОРГОВОЕ УЛОЖЕНІЕ

(Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch) перевелъ *Л. Л. Брейтфусъ*.
1889 г. цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

НОВЫЯ КНИГИ:

Г. Вербловскій. Движеніе русскаго гражданскаго процесса, изложенное на одномъ примѣрѣ. Второе, пересмотрѣнное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ. 1889 г. Цѣна 2 руб.

Г. Вербловскій. Систематическій сборникъ положеній и извлеченій изъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго и общаго собранія перваго, втораго и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената за 1883—1888 годы, по гражданскому праву и судопроизводству (т. X ч. 1 изд. 1887 г., уст. гражд. суд. и Положеніе о нотаріальной части изд. 1883 г. съ продолж.). С.-Петербургъ 1889 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ означенныхъ книгъ въ книжномъ складѣ типографіи Стасюлевича въ С.-Петербургѣ. Тамъ же продаются и другія изданія того же автора.

ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Н Е Д Ѣ Л Я

Гъ 1890 году „НЕДѢЛЯ“ будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ, т. е. еженедѣльно, въ количествѣ 52-хъ номеровъ въ годъ, съ приложеніемъ ежемѣсячныхъ „КНИЖЕКЪ НЕДѢЛИ“.

„Недѣля“ выходитъ по воскресеньямъ; „Книжки Недѣли“—въ первое воскресенье каждаго мѣсяца.

Цѣна „Недѣли“ съ „Книжками Недѣли“.

Годовая 9 руб.—Полугодовая 5 руб.—Съ пересылкой и доставкой. Отдѣльный номеръ „Недѣли“ 15 коп.—Отдѣльный номеръ „Книжекъ Недѣли“ 60 коп. За объявленія платится по расчету 80 коп. со строки петита во всю страницу. За перемѣну адреса 20 коп.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „Недѣли“, Ивановская, 2.

Объ изданіи въ 1890 году
**„ВѢСТНИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ СУДЕБНОЙ И
ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ“**

издаваемого Медицинскимъ Департаментомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

„Вѣстникъ Общественной Гигіены, Судебной и Практической Медицины“ будетъ издаваться въ будущемъ 1890 году по прежней программѣ, въ размѣрѣ около 15 листовъ ежемѣсячно.

Въ программу журнала входятъ: общественная гигиена, практическая медицина (будутъ даваться возможно *подробные* рефераты выдающихся иностранныхъ работъ по всѣмъ отраслямъ медицины и оригинальныя статьи, представляющія интересъ для врачей-практиковъ), судебная медицина, фармакологія, судебная и клиническая психіатрія, обзоръ дѣятельности земствъ и врачебныхъ обществъ, библіографія съ полнымъ перечнемъ всѣхъ сочиненій по медицинѣ, выходящихъ на русскомъ языкѣ, хроника и смѣсь.

Условія подписки:

Съ 1890 года, кромѣ врачей, служащихъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, на журналъ могутъ подписываться, съ платой **шести** рублей въ годъ гг. военные, земскіе врачи, женщины-врачи, врачи при заводахъ, фабрикахъ и т. д. (Вольнопрактикующіе врачи и лица неврачебнаго сословія уплачиваютъ **семь** рублей въ годъ).

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 (или 3) рубля, не позже 1 апрѣля 2 рубля и не позже 1 іюля 2 рубля.

Служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ могутъ подписываться на журналъ подъ условіемъ вычета изъ жалованья по 50 коп. въ мѣсяцъ, которыя вносятся казначеями въ мѣстные казначейства, въ чемъ редакція, при подпискѣ, представляется удостовѣреніе казначея и обязательство его доставлять этотъ вычетъ въ мѣстное казначейство для перевода въ депозитъ редакціи при государственномъ главномъ казначействѣ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ НОВОСТЬ.

Сборникъ законоположеній и правительственныхъ распоряженій, касающихся обязанностей полиціи столичной, городской и уѣздной, съ разъясненіями по циркулярамъ подлежащихъ Министерствъ и объясненіями по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената. Составилъ *А. В. Трифоновъ*.

Отсутствіе въ нашей юридической литературѣ сколько нибудь дѣльно составленной книги, какъ необходимаго пособія для чиновъ полиціи, безъ сомнѣнія представляетъ большія неудобства и въ особенности при разнообразіи лежащихъ на полиціи обязанностей, разбросанныхъ почти въ 15-ти томахъ свода законовъ, пользованіе которыми при спѣшности исполненія подвѣдомственныхъ полиціямъ дѣлъ и при необходимости соображенія со всѣми продолженіями законовъ и разъясненіями административныхъ и судебныхъ учрежденій, далеко не всегда являлось возможнымъ. Поэтому настоящій, составленный г. Трифоновымъ, сборникъ представляется изданіемъ вполне своевременнымъ и можетъ быть причисленъ къ полезнымъ практическимъ пособиямъ и въ особенности въ виду приложенныхъ при книгѣ образцовъ формъ на разные случаи полицейскаго дѣлопроизводства.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторо́въ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться яснымъ и четкимъ письмомъ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитать, для устраненія отказа въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, невзятые обратно—уничтожаются.

Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются бесплатными.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, а при отсутствіи особаго соглашенія, по усмотрѣнію редакціи. Всѣ принятые для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

4) Лица, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

5) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *бесплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку. За разсылку объявленій при журналѣ, взимается по 10 р. съ тысячи.

6) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки слѣдующихъ книгъ журнала; причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправления журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

Примѣчаніе. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, а равно, при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассационныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ высылается по 1 р. Въ прочихъ случаяхъ, при перемѣнѣ адреса высылается 30 к. деньгами или марками.

7) **Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала** препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дублировать, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворить только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи **никакъ не позже** полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

8) **Жалобы на неполученіе листовъ кассационныхъ рѣшеній** принимаются лишь въ теченіи мѣсяца со дня полученія той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала и рѣшеній тѣмъ лицамъ, которые подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ.

10) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

22.5.5.
-118/05
5/9/05

Объ изданіи въ 1890 году
ЖУРНАЛА
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р. || съ пересылкой въ другіе города 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к. || за-границей 12 р.
отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦИОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 12 р. 50 к.

Рѣш. касс. деп. сената выходятъ и рассылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январь 5 руб. съ кассацион. рѣш. 8 руб. и въ іюнь остальная до подписной цѣны, сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ касс. рѣш. 9 р. 50 к. Также право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на суд. долж., удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, Б. Морская, 30 и Чичинадзе М. Морская, 9; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботахъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

Редакторы: **В. М. Володиміровъ.**
(по отдѣлу гражд. права) **А. Х. Гольмстенъ.**